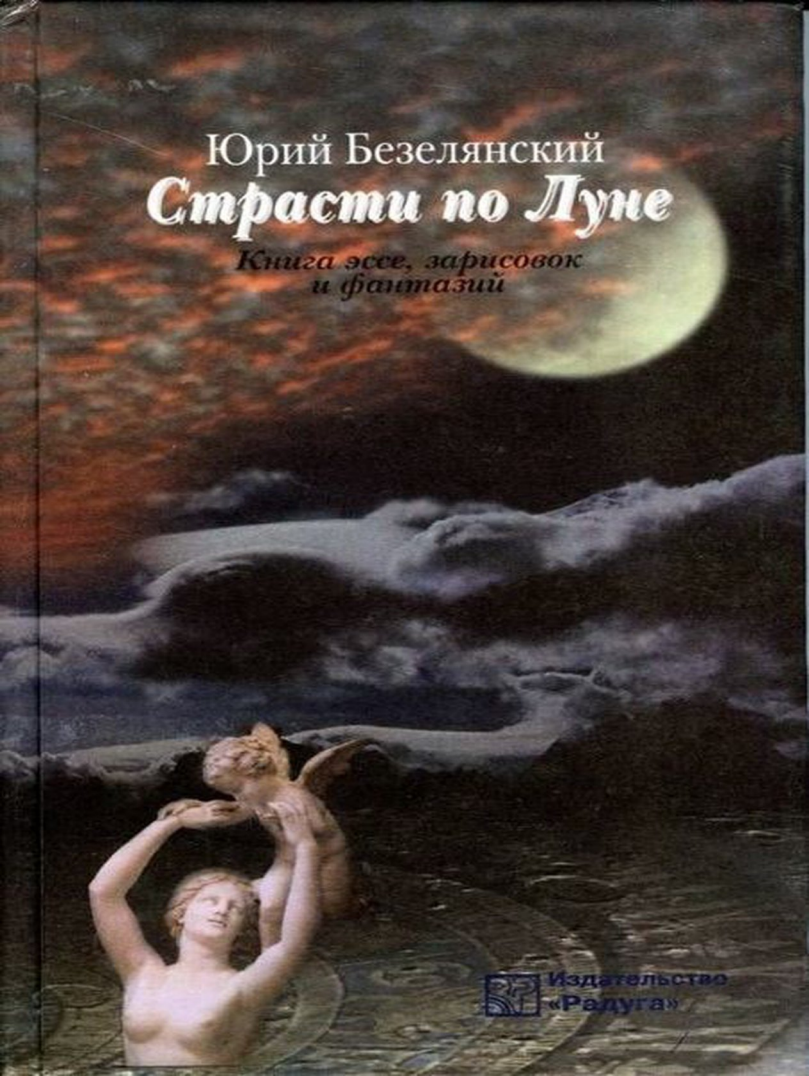
Юрий Безелянский

Страсти по Луне

Книга эссе, зарисовок и фантазий



Издательство «Радуга»

Страсти по Луне. Книга эссе, зарисовок и фантазий

Юрий Безелянский

Аннотация
Юрий Безелянский. Страсти по Луне. Книга эссе, зарисовок и фантазий
Автор представляет, объясняет и даже дает советы
Литературные зарисовки
Великое и ничтожное (Екатерина Дашкова)
Случайная встреча – и вечная любовь (Алексей Константинович Толстой)
Поэт и мистик (Адам Мицкевич)
Тургенев и тургеневские женщины (Pro et contra)
Женщины Серебряного века (Нина Петровская)
Мышеловка для Мигеля (Михаил Кольцов)
Хозяин лавки метафор (Юрий Олеша)
«Как трепет бабочки жемчужной…» (К 100-летию Владимира Набокова)
Клоун советской поэзии (Николай Глазков)
Возвращение Александра Галича
Москва-Петушки, далее бездна, или Шаги Командора по кличке Ерофеич

Моя Москва
Столица глазами автора
Принцесса Греза, большевик Бухарин и шпион Освальд – обитатели «Метрополя»
Иные дали
Цветы, Рембрандт и эротика (Голландия)
Страждущий россиянин в стране вечной красоты
Глоток моцартианства (Австрия)
На берегах голубого Дуная (Австрия)
Париж – это любовь на всю жизнь
Мозаика
Граф Дракула
Следы Джека Потрошителя
Депутат Госдумы в объятиях аферистки
Знаменитый треугольник (Мэрилин Монро – Ив Монтан – Симона Синьоре)
Поцелуй – подарок жизни
Страсти по Луне
Страсти по Луне (Маленькая лирическая энциклопедия о ночном светиле)
Выборочные даты из календаря Луны

Аннотация

Книга представляет собой своеобразный литературный коктейль, от литературных портретов (Адам Мицкевич, Иван Тургенев, Владимир Набоков, Александр Галич, Венедикт Ерофеев и др.) до интригующих историй о жизни Екатерины Дашковой и любовного треугольника Мэрилин Монро – Ив Монтан – Симона Синьоре. Любители путешествий смогут вместе с автором заглянуть в парижские кафе, прокатиться по каналам Амстердама и узнать о «знаменитых любовниках» Италии. А на десерт Вас ждет поэтическое и почти детективное исследование о Луне, о том, как воспевали в веках поэты «рыжеволосую красавицу» и как она в свою очередь воздействует на людей. Любовь и лунатизм. Страсти по Луне…

Юрий Безелянский

Страсти по Луне. Книга эссе, зарисовок и фантазий

ОАО Издательство «РАДУГА» МОСКВА 1999
М.: ОАО Издательство «Радуга», 1999. — 368 с.
ISBN 5-05-004811-7
Редактор Л. Петрова
Художник А. Никулин
Художественный редактор Г. Иващенко
Технический редактор Е. Макарова
Корректоры С. Воинова, В. Пестова
ISBN 5-05-004811-7

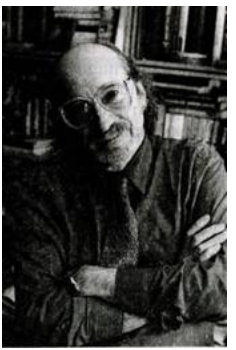
Екатерина Дашкова
Адам Мицкевич
Иван Тургенев
Алексей К. Толстой
Нина Петровская
Владимир Набоков
Александр Галич
Венедикт Ерофеев
Мэрилин Монро
Ив Монтан
Симона Синьоре

Москва
Амстердам
Вена
Париж
Сент-Женевьев-де-Буа

Граф Лракула
Джек Потрошитель
Селена

Книга представляет собой своеобразный литературный коктейль, от литературных портретов (Адам Мицкевич, Иван Тургенев, Владимир Набоков, Александр Галич, Венедикт Ерофеев и др.) до интригующих историй о жизни Екатерины Дашковой и любовного треугольника Мэрилин Монро — Ив Монтан — Симона Синьоре. Любители путешествий смогут вместе с автором заглянуть в парижские кафе, прокатиться по каналам Амстердама и узнать о «знаменитых любовниках» Италии. А на десерт Вас ждет поэтическое и почти детективное исследование о Луне, о том, как воспевали в веках поэты «рыжеволосую красавицу» и как она в свою очередь воздействует на людей. Любовь и лунатизм. Страсти по Луне…

Автор представляет, объясняет и даже дает советы



Конец XX века. Трудно спорить с Борисом Пастернаком, который утверждал:

Напрасно в годы хаоса
искать конца благого…

И все же надо жить, а не выживать, не отчаиваться. И жить достойно, без паники, без криков, «без визгов: «Ах, как все плохо кругом… как ужасно…» Возможно, что это так. Но жизнь следует строить вопреки обстоятельствам, и не надо

при том считать Россию Абсурдистаном. Россия — страна замечательной культуры, родина прекрасных поэтов и писателей, где можно, как сказал Олег Хлебников:

…трогать Бунина листы,
неподвластные морозу,
Пастернака туберозу,
Мандельштамовы цветы…

Русская литература — это наше национальное достояние, которым можно и нужно гордиться. Но, если говорить честно, вкусы за последние буквально годы заметно изменились (как следствие социальных условий жизни), соответственно сегодня выпускаются иные книги, вне культурной традиции — все больше про насилие, убийство, зло… Лично я не читаю подобных книг и, естественно, не пишу их. Я поклонник истории и культурологии. Данная книга — из этой серии. В ней представлены литературные портреты и мир путешествий, мозаика исторических фактов и событий, рассуждения о любви и женщинах, и, наконец, на ваш суд вынесена мини-энциклопедия о Луне, сделанная на основе цитат из русской поэзии, что, надеюсь, заинтересует самых разных по своим литературным пристрастиям читате-

лей (кто не вздыхал в молодости при Луне?).

Есть расхожее выражение: в одном флаконе. Так вот, в одном флаконе собраны Луна и Адам Мицкевич, граф Дракула и Иоганны Штраусы (отец и сын), любовный треугольник Мэрилин Монро — Ив Монтан — Симона Синьоре и история гостиницы «Метрополь»… Разнообразные ароматы истории «в одном флаконе».

Все главы книги короткие и динамичные, в духе времени. Максимально информативные и написанные с расчетом на скорое и увлекательное чтение. Увы, сейчас читают именно так: урывками и в темпе. Время тягучих многостраничных романов Диккенса безвозвратно ушло. Можно сожалеть об этом, но что поделаешь…

Нету времени присесть, поговорить,
покалякать, покумекать, покурить.
Нету времени друг друга пожалеть,
от несчастья от чужого ошалеть.
Даже выслушать друг друга – на бегу –
нету времени –
Приедешь? –
Не могу!

Так характеризовал наше время поэт Юрий

Левитан- ский. Все так, конечно. Но прервите однажды свой бег. Забудьте на короткий момент собственные тревоги и заботы. Откройте книгу. Ну хотя бы эту — «Страсти по Луне». Думаю, вам обеспечен некий отдых и расслабление. И пища для любознательных тоже.

Среди абсурда и хаоса постарайтесь увидеть маленькие радости бытия. Последуйте четвертому правилу Дейла Карнеги: «Считайте благодати, а не свои несчастья». И неважно где — в Москве, Париже, Кологриве или в Те- тюшах.

И Бог вам в помощь.

Литературные зарисовки

Есть имена, как солнце! Имена –

Как музыка! Как яблоня в расцвете!

Игорь Северянин

Великое и ничтожное (Екатерина Дашкова)

Есть такая игра: подбирать определения на одну букву. Например, к определенному, конкретному человеку. В рамках этой игры я подобрал лингвистический ряд под свою героиню — Екатерину Дашкову. Это — двойная звезда, дама, директор, динамо-машина, девятый вал, добро и зло, драма, депрессия… На букву «д» начинается и фамилия нашей героини.

Итак, Дашкова. Екатерина Дашкова. Она и Екатерина II — своего рода двойная звезда. Есть такое понятие в астрономии: звезды, вращающиеся вокруг общего центра притяжения. Они и вращались вокруг никчемного российского императора Петра III. Дашкова и Екатерина объединились вместе в заговоре против незадачливого монарха и свергли его. В первый же день восшествия на всероссийский престол новая императрица, сняв с себя орден Св. Екатерины, сама возложила его на Екатерину Дашкову. Затем ей был пожалован почетный титул статс-дамы. Так и вошли они в российскую историю — как две Екатерины: одна

как Великая, вторая как Малая. Но обе внесли свой вклад в строительство России.

В марте 1993 года пресса торжественно отмечала 250-летие со дня рождения Екатерины Дашковой. Писали охотно и иконописно. Еще бы: директор Петербургской Академии наук и первый президент Российской Академии наук. Действительно, Екатерина Романовна Дашкова многое сделала для отечественного просвещения, и особенно для русского языка (в частности, успешно боролась с франкоманией, охватившей тогда общество). Издавала журналы «Собеседник любителей российского слова» и «Новые ежемесячные сочинения». Сама писала стихи и статьи, подписываясь характерным псевдонимом «Россиянка». В одной из публикаций Дашкова отмечала: «Российский язык красотой, изобилием, важностью и разнообразием мер в стихотворстве, каких нет в других, превосходит многие европейские языки, а потому и сожалительно, что россияне, пренебрегая столь сильный и выразительный язык, ревностно домогаются говорить или писать несовершенно, языком весьма низким для твердости нашего духа и обильных чувствований сердца…»

«Обильные чувствования сердца». Как емко

и вкусно сказано — учитесь, господа думцы и российские предприниматели!..

Дашкова причастна к составлению первого толкового словаря русского языка, который весьма высоко оценил Пушкин. При Академии княгиня открыла общедоступные курсы по основным отраслям наук, где могли учиться бедные, но способные дети. Она же организовала в России первые публичные чтения.

Короче говоря, это была удивительная женщина. Никаких дамских слабостей (кстати, никогда не пользовалась ни румянами, ни белилами и вообще тяготела к мужским строгим нарядам), настоящая динамо-ма- шина по мощности своей деятельности, девятый вал — по объему и размаху работы.

Современники писали о ней: «Она все умеет делать — помогает каменщикам возводить стены, собственными руками прокладывает дороги, кормит коров; сочиняет музыку, поет и играет на музыкальных инструментах, пишет статьи, лущит зерно, в своем театре исправляет ошибки актеров; она доктор, аптекарь, ветеринар, плотник, судья, адвокат — одним словом, княгиня ежечасно совершает несовместимое... Она была бы на своем месте во главе государства или

занимая пост генералиссимуса или министра сельского хозяйства...»

Ну как, впечатляет? Сравните, кстати, Екатерину Дашкову с нашими женщинами-лидерами второй половины XX века, с сегодняшними женщинами-полити- ками. Как им всем далеко до многогранной княгини Дашковой из XVIII века!

Откуда она взялась? Екатерина Дашкова — дочь канцлера графа Воронцова. «Я имела несчастье потерять мать на втором году жизни», — писала она в своих мемуарах. Ее воспитанием занимался дядя. Она получила все, что тогда давали дворянским детям: знание четырех иностранных языков, умение рисовать, петь и танцевать, щеголять изысканными манерами. Ну а дальше — человек сам себе зодчий. Если, конечно, не вмешается судьба.

В 15 лет Екатерина Воронцова вышла замуж за вице-полковника лейб-кирасирского полка князя Михаила Дашкова и из графини Воронцовой превратилась в княгиню Дашкову. Родила в замужестве троих детей, одного потеряла сразу. В 20 лет осталась вдовой, имея на руках сына Павла и дочь Анастасию. Старт не из лучших, согласитесь. Но княгиня Дашкова не пала духом и уединилась на пять лет в калужском имении

Троицкое. Воспитывала детей, попутно привела в порядок запущенное хозяйство. У Дашковой, кроме решительного характера, был дар финансиста: княгиня ввела строжайшую экономию, погасила огромные долги, оставшиеся от покойного мужа, снизила крестьянский оброк в имениях. Позднее Екатерина Дашкова вот так же, железной рукой, навела порядок в обеих академиях, одну из которых основала сама. Экономия и дисциплина, знание предмета и разум вели княгиню к успеху.

Ну а перед уединением в деревне был знаменитый июньский переворот 1762 года, в котором 19-летняя княгиня Екатерина Дашкова сыграла одну из ключевых ролей, подвигнув оробевших братьев Орловых на решительные действия.

Екатерина II на троне, Екатерина Дашкова — при ней. Но амбиции Екатерины Малой не убывали, она и дальше собиралась творить большую политику, что и стало причиной того, что Екатерина Великая (точнее — будущая Екатерина Великая) отдалила наперсницу от себя (все тот же принцип: мавр сделал свое дело…). У Екатерины Дашковой был, по выражению Державина, «сумасшедший нрав», а еще — «капризы и неумеренное поведение». А всего этого сильные мира сего не прощают никому, кроме себя.

В 1769 году, получив разрешение императрицы, Екатерина Дашкова уезжает в Европу. Там она собрала богатейшую коллекцию минералов, антикварных вещей, книг и картин. Встречалась с государственными мужами, поэтами и философами. Среди ее собеседников были Вольтер и Дидро, а Бенджамин Франклин рекомендовал ее в члены Филадельфийского философского общества. Все, с кем она общалась, отмечали ее проницательный и глубокий ум. Российская княгиня состояла членом различных академий: Стокгольмской, Берлинской — и многих ученых обществ.

Вернувшись из европейских странствий, Екатерина Дашкова получила пост директора Академии наук. Затем у нее возник замысел основать Российскую Академию, в ее необходимости она убеждает Екатерину II, и та милостиво говорит: «Составь мне, пожалуйста, программу…»

Программа была составлена (второй пункт гласил: «Императорская Российская Академия должна иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов онаго, свойственное оному витийство и стихотворение»), и Академия была основана. Более десяти лет Дашкова успешно управлялась с двумя академиями, но

после кончины Екатерины II ее ждала не только немилость, но и ссылка. «Приказано отнять у Дашковой бумагу и чернила, поселиться в ее избе и строго следить за тем, чтобы она не вступала в сношения с внешним миром» — таким был наказ царскому чиновнику. И все это за прежние политические «грехи», приведшие к власти Екатерину II. Княгиня Дашкова была снята со всех должностей и сослана в захолустную деревеньку под Череповцом. Потом ей разрешили поселиться в своем имении Троицком, где она и провела последние годы жизни, по зиме имея возможность наведываться в Москву.

Вот так, с коня да в грязь. Нормальная российская судьба. Не она первая, не она последняя. А тут еще жестокая семейная драма, которая вогнала Дашкову в глубокую депрессию. «От горя, граничащего с отчаянием, я заболела, судорога и рвота причинили мне разрыв пупка», — писала княгиня в изгнании.

Попробуем разобраться в истоках личных несчастий Екатерины Дашковой. Она умело управляла двумя академиями, но не смогла правильно воспитать собственных детей и установить правильные отношения с ними — любить, не подавляя и не унижая.

Гордыня и явные диктаторские замашки привели ее личную жизнь к краху.

Начнем с дочери Анастасии. Не спросив согласия, Дашкова выдала ее за нелюбимого бригадира Щербинина. Тот был намного старше Анастасии, но являлся наследником большого имения. Брак этот принес много моральных мук дочери Дашковой, и она затаила на мать обиду, несмотря на разрыв брака в дальнейшем и смерть супруга.

Сын Павел, учитывая печальный опыт сестры, не пошел на поводу у матери и выбрал себе жену по любви — Анну Алферову, которая, по мнению Дашковой, «не отличалась ни красотой, ни умом, ни воспитанием». А когда княгиня узнала, что невеста к тому же беременна, она в диком расстройстве даже подумывала о самоубийстве.

Больше всего на свете Екатерина Дашкова боялась одиночества, но она его не избежала: Павел Дашков все же женился по своему усмотрению и зажил самостоятельной жизнью, дочь Анастасия наотрез отказалась делить кров с матерью. Для утешения княгини из Ирландии в Россию приехала Марта Вильмот, кузина приятельницы, с которой Дашкова подружилась в Европе.

Итак, в доме Дашковой поселилась молодая ирландка, которую нарекли Маврой Романовной.

К ней, на удивление челяди и всех знакомых княгини, Дашкова проявила необыкновенную щедрость, тем более странную, что Екатерина Романовна по натуре своей была очень скупа. О ее скупости ходили легенды. Рассказывали, что она собирала старые эполеты, чтобы рассучивать их на золотые нити. Утверждали, что, когда у нее собирались гости, хозяйка выпрягала коней из экипажей и, пока гости развлекались, использовала лошадей на сельскохозяйственных работах. И вот неожиданный кульбит. Дашкова осыпала Марту-Мавру подарками и строила даже планы женитьбы на ней своего сына. Но в этот матримониальный мотив был вплетен и другой, тщательно завуалированный.

Какой же? Свет на запутанную историю слегка проливает удивительное письмо Екатерины Дашковой, посланное кузине Марты — Марии Марлоу Вильмот (письмо написано по-французски), в котором княгиня вызывает ее на дуэль из-за Марты. Аргументация следующая: «Мисс Мария Вильмот любит Вильмот из Москвы, я также люблю ее от всего сердца, следовательно мы соперники, поэтому вызов — дело вполне естественное…»

Соперники по любви? Интересно. Далее Даш-

кова пишет в письме, что она, «будучи верным кавалером, никогда не уступит в своей привязанности».

Женщина в роли кавалера? И что означают туманные слова о том, что «мисс Мария Вильмот мучила свою двоюродную сестру своими изобретательными и прелестными проказами. Я делаю то же самое…»

Выходит, что экс-президент Российской Академии еще и Сафо по своим эротическим наклонностям?..

Дуэль, конечно, не состоялась, и ирландка отбыла на родину, увозя с собой несметные богатства, подаренные ей Екатериной Дашковой. Ситуация сложилась такая: сын Павел умер, дочь Анастасия была лишена права наследования, ближе всех оказалась Марта.

«Существование Дашковой было сломлено, — писал Александр Герцен. — Одно утешение осталось у нее — это ее дитя, ее подруга, ее ирландская дочь…» Но и та уехала, увозя с собой подарки: коллекцию драгоценных камней, коллекцию монет, бесчисленное количество золотых колец, жемчужных и коралловых браслетов, шубы, платья и т. п. А еще книги, в том числе все труды Вольтера и, что совсем уже плохо, мемуары

Дашковой.

К собственным детям Екатерина Дашкова не была щедра и не питала «телячьих нежностей», а тут следовали одно за другим письма в Англию: «Прости, моя душа, мой друг, Машенька, тебя целует твоя Дашкова», «друг мой, душа души моей, прости», «матушка, будь здорова, любимая, а я тебя паче жизни своей люблю и до смерти любить буду»…

Марта Вильмот покинула Россию в декабре 1808 года, а спустя год с небольшим — 4 января 1810 года, немного не дожив до 67 лет, — скончалась княгиня Екатерина Дашкова. Скончалась, страдая и скорбя по «my darling child».

Вот и вся история о Екатерине Дашковой — типично российская история с античными страстями, в которой сплелись воедино добро и зло, нежность и черствость, благородство и тирания.

Случайная встреча – и вечная любовь (Алексей Константинович Толстой)

Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

А. К. Толстой

Кто не знает романса Чайковского «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты…»!

Случайно — вот ключевое слово. Живут двое вдалеке друг от друга. Живут разной жизнью. И вот их соединяет случай. Как писал Анатоль Франс: «Случай — вообще Бог». Вот такой случайной встречей на петербургском балу было знакомство графа Алексея Константиновича Толстого с Софьей Андреевной Миллер (для того, чтобы не путать с другим Алексеем Толстым, обозначим время: январь 1851 года).

Он — знатный вельможа, видный чиновник, церемониймейстер императорского двора.

Она — рядовая дворянка. Жена ротмистра, не более того.

Он — статный, красивый, сильный мужчина, к

тому же богатый и талантливый, известный поэт и писатель.

Она — не блещущая красотой, но блещущая умом женщина, поклонница и знаток литературы и музыки. Некрасива (чрезмерно высокий лоб, тяжелый волевой подбородок), но в ней есть что-то притягательное, манящее, сверкающее. Иногда это «нечто» определяют словом «шарм».

Любопытно, что на том балу с г-жой Миллер познакомился и другой наш классик — Иван Сергеевич Тургенев, но он при первой встрече не нашел в ней ничего привлекательного, более того, выразился совсем уж некомплиментарно: «Лицо чухонского солдата в юбке». Кстати, Софье Миллер приглянулся поначалу именно Тургенев, а не Алексей Толстой, они даже долго переписывались, и Иван Сергеевич признавался ей: «…из числа счастливых случаев, которые я десятками выпускал из своих рук, особенно мне памятен тот, который свел меня с Вами и которым я так дурно воспользовался. Мы так странно сошлись и разошлись, что едва ли имели какое-нибудь понятие друг о друге…»

Короче, Тургенев не оценил Софью Андреевну, а вот Алексей Константинович не только оценил встретившуюся ему жемчужину, но и сразу

воспылал к ней чувством. Для него встреча на балу с незнакомкой в маске оказалась любовью с первого взгляда.

Уезжая с бала-маскарада, Алексей Константинович повторял про себя пришедшие вдруг на ум слова: «Средь шумного бала, случайно…» Так родилось это гениальное стихотворение:

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.
Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.
Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.
В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь –
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю…
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

В стихотворении есть сомнение — «кажется», но в жизни колебаний не было: Алексей Константинович Толстой полюбил сразу и навечно, точнее говоря, на весь срок жизни, отмеренный ему судьбой.

Почему люди любят друг друга? Из-за чего вспыхивает чувство? Что питает любовь? Вопросы эти не имеют ответов. Не случайно Алексей Константинович в одном из стихотворений, посвященных Софье Андреевне, писал:

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не рассказывай:
Как люблю тебя, почему люблю…

Люблю — и все! Любовь — это всегда неразгаданная тайна.

Алексей Толстой и Софья Миллер встретились в январе 1851 года (ему было 33 года, ей чуть меньше), но повенчались лишь 12 лет спустя — в 1863 году. Почему? Чтобы ответить на это, нужно хотя бы вкратце рассказать историю жизни того

и другого перед встречей. С чем к ней пришли Алексей Константинович и Софья Андреевна.

Полагается начинать с женщины, но мы сделаем исключение — начнем с мужчины, так как именно Алексей Константинович Толстой является гордостью русской литературы, а Софья Андреевна — всего лишь его спутница и муза, вдохновившая, правда, поэта на создание многих лирических стихотворений.

Итак, Алексей Константинович Толстой. Его рождение окутано легендой. Есть версия — ее разрабатывал Василий Розанов, — что Толстой родился от супружеских отношений брата и сестры. Воспитывал его не отец, а дядя Алексей Перовский. Естественно, ему помогали гувернеры и учителя. Стихи Толстой начал писать с 6 лет. В 8 лет мальчик был представлен своему ровеснику, будущему императору Александру II, с которым он остался в большой близости и дружбе на всю жизнь. Говоря современным языком, Алексей Константинович быстро сделал блистательную карьеру, но неожиданно для всех сам ее и оборвал. Об отказе быть высшим правительственным чиновником Толстой написал в письме императору и сослался при этом на провидение, что оно — «мое литературное

дарование, и всякий иной путь для меня невозможен… Служба и искусство несовместимы. Одно вредит другому… Что касается вас, Государь, которого я никогда не перестану любить и уважать, то у меня есть средство служить вашей особе: это средство — говорить во что бы то ни стало правду; вот единственная должность, которая мне подходит и, к счастью, не требует мундира…».

Да, Алексей Константинович Толстой был удивительный человек: правдолюбец и романтик в одном лице. «Когда… кругом и мор, и голод, — Вы в самую ту пору о местах тягаетесь? Опомнитесь, бояре!» — писал Толстой в одном из своих обращений. Смело, не правда ли? — так бросить в лицо обвинение своему сословию, элите, в которую он входил сам. Очень красноречива самохарактеристика Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,

Читаешь эти строки и видишь перед собой добродушного великана, силача. Он и впрямь обладал огромной физической силой: заламывал на охоте медведя, метал двухпудовую гирю, гнул подковы и т. д. Но этот силач был абсолютно бессилен перед собственной матерью. Властная Анна Алексеевна Толстая с детства «задавила» мальчика и продолжала держать его под своим материнским прессом и во взрослом состоянии. Она постоянно наставляла, советовала, требовала. Ревниво относилась к его увлечениям женщинами. Расстроила его отношения с княгиней Еленой Мещерской, когда увидела, что чувства сына крепнут с каждым днем. Не могла допустить, чтобы он женился и оставил ее одну. Нет, это катастрофа! И она придумывала всякие болезни, лечилась за границей и настаивала на том, чтобы сын был рядом. Все это, конечно, не могло не отразиться пагубно на характере Алексея Константиновича: страдал он несамостоятельностью (критик Юлий Айхенвальд отмечал у Толстого «отсутствие душевного синтеза, внутреннюю нецельность»).

Когда мать Толстого узнала о появлении в жизни ее сына женщины, которой он безумно

увлекся, она вознегодовала и сделала все, чтобы не допустить брака. Алексей Константинович и Софья Андреевна смогли повенчаться лишь после ее смерти.

Но были препятствия и со стороны Софьи Андреевны Миллер. Собственно, ее девичья фамилия другая — Бахметьева, Однако расскажем все по порядку.

Будущая жена Алексея Константиновича Толстого происходила из старинного рода Бахметьевых, восходящего к XV веку. Отец ее, Андрей Николаевич Бахметьев, — военный, в чине прапорщика он вышел в отставку и поселился в своем имении под Пензой. Женился на дочери соседского помещика, которая родила ему трех сыновей и двух дочерей. Младшая Софья была общей любимицей в семье. Росла бедовой девчонкой-со- рванцом, носившейся наравне с мальчишками в округе. Далее — Екатерининский институт благородных девиц в Петербурге. Софья уже девушка, на выданье, ее опекает любимый брат Юрий, гвардейский офицер. Он знакомит сестру со своими друзьями, среда которых выделяются двое: конногвардеец Лев Миллер и прапорщик князь Григорий Вяземский.

Перед молодой женщиной стоит выбор, кому

отдать предпочтение: велеречивому, правда лишь на бумаге, Миллеру или пылкому Вяземскому? Конечно, второму, он — князь, а кому из тогдашних девушек не хотелось стать княгиней?

Как выглядела претендентка на княжеский титул? По воспоминаниям современницы Хвощинской, Софья «была некрасива, но сложена превосходно, и все движения ее были до такой степени мягки, женственны, а голос ее был так симпатичен и музыкален…».

Неудивительно, что князь Григорий Вяземский не устоял: 8 мая 1843 года он попросил у нее руки. Софья мгновенно согласилась и с нетерпением стала ждать согласия со стороны родителей князя — хотя она и была дворянкой, но стояла на иерархической сословной лестнице несколькими ступенями ниже, да и приданое за ней тянулось весьма крохотное. Короче, явный мезальянс. Получив от Григория Вяземского письмо с извещением о его помолвке, родители, жившие в Москве, встревожились и настоятельно посоветовали влюбленному сыну поостыть и не решать свою судьбу «слишком поспешно и неосмотрительно».

Эту не совсем радостную новость Вяземский довел до родительницы Софьи Бахметьевой.

Вдова (муж давно умер) не захотела смириться с потерей такой выгодной для дочери партии и бросилась уговаривать родителей жениха. Те заупрямились окончательно. Тогда Бахметьева-мать стала убеждать Григория Вяземского решиться на брак без согласия родителей. Однако на это Григорий Вяземский не пошел: слишком любил своих «стариков» и не хотел их огорчать. Что делать? Бахметьева-дочь, то есть Софья, решается на рискованный способ давления на князя: возвращает ему подаренное ей кольцо и грозится уйти в монастырь. Молодой князь заколебался.

Дело осложнилось тем, что Вяземскому в Москве подыскали более достойную невесту из своего круга — Полину Толстую. Софья Бахметьева поняла, что князь от нее уплывает, и окончательно решила сыграть ва-банк: разжалобить его мать. Она едет к непреклонной старухе и бросается ей в ноги. Безрезультатно. Борьба за князя проиграна? И тут появляется последний довод. У королей это пушки, а у женщин — беременность. Софья Бахметьева беременна от князя Григория Вяземского. Скандал, да какой! Мать Софьи пишет военному начальству князя слезное послание, рассчитывая заставить того жениться на дочери. Шеф жандармерии граф Ор-

лов, которому попало письмо, выносит решение: князь Вяземский «не обязан жениться на девице Бахметьевой».

Не будем описывать дальнейшие драматические перипетии этого светского скандала, скажем лишь, что он закончился роковой дуэлью. Брат Софьи Юрий Бахметьев вызвал на поединок князя Григория Вяземского. Дуэль состоялась 15 мая 1845 года в пригороде Москвы, близ села Петровское-Разумовское. Результат был ужасный: разволновавшийся Юрий Бахметьев промахнулся, а хладнокровный Григорий Вяземский оказался точным. Бахметьев был убит наповал.

Можете себе представить состояние Софьи Бахметьевой? И брат убит, и свадьба не состоялась. В отчаянии она выходит замуж за старого знакомца Льва Миллера и становится г-жой Миллер. Но любви нет, муж противен, и они расходятся, не разводясь, однако, формально.

Будучи замужней женщиной и одновременно свободной от мужа, Софья Андреевна решила зализывать сердечные раны в обществе. Стала часто появляться в свете, демонстрируя свои замечательные литературные и музыкальные таланты. Она любила играть пьесы Перголези, Баха, Глюка, Шопена, Глинки. И не только играла,

но и пела. Голос у нее был чарующий.

В январе 1851 года в Петербурге состоялся тот бал- маскарад, на котором она всецело покорила Алексея Константиновича Толстого. Граф сделал ей предложение, но повторилась та же история — воспротивилась его мать. Тем не менее встречи не прекращались, и Толстой все более терял голову: Софья Андреевна казалась ему женщиной необыкновенной. А последняя тем временем поддерживала самые дружеские отношения с писателем Дмитрием Григоровичем. Они даже вместе путешествовали по Европе. В дневнике Суворина есть такая запись: «Когда Григорович возвратился к Бахметьевым, то он застал госпожу Миллер лежащею, слабою. У ног ее сидел граф А. К. Толстой, страстно в нее влюбленный…» «Я не хотел мешать, — рассказал Григорович Суворину, — и мы расстались…»

Грянула Крымская война, и Толстой отправился на театр военных действий. В войсках свирепствовал тиф, и Алексей Константинович опасно заболел, оказался на грани смерти. Узнав об этом, к больному срочно приехала Софья Андреевна и буквально выходила его. Выздоровев, Толстой еще более привязался к ней.

Смерть матери устранила главное препят-

ствие к их союзу, и Алексей Константинович обвенчался с Софьей Андреевной. Из Миллер она превратилась в Толстую. В графиню Толстую. Это был почти идеальный брак. Алексей Константинович нашел в Софье Андреевне новую «мамочку», но мамочку, которую можно было любить душой и телом. К тому же супруга его была энциклопедически образованным человеком, знала более десяти иностранных языков и даже санскрит. Легко цитировала Гёте, Шекспира, Ронсара и других западноевропейских классиков. У нее был отменный литературный вкус, которому полностью доверял Толстой. Если ей какое-то из его сочинений не нравилось, то Алексей Константинович прекращал над ним работу.

Софья Андреевна много читала, даже ночами напролет, и ложилась спать только под утро. Ночью любил работать и Толстой. Они встречались за чаем во втором часу дня, и Алексей Константинович обычно говорил: «Ну, Софочка, слушай и критикуй…» И читал ей вслух написанное за ночь.

Незадолго до брака Алексей Константинович Толстой писал Софье Андреевне: «Я еще ничего не сделал — меня никогда не поддерживали и всегда обескураживали, я очень ленив, это прав-

да, но я чувствую, что я мог бы сделать что-то хорошее, — лишь бы мне быть уверенным, что я найду артистическое эхо, — и теперь я его нашел… это ты».

Алексей Толстой нашел не только эхо, но и музу, да еще очень любимую. Что касается творчества, то сделал он немало. Написал несколько исторических романов и трагедий, наиболее известные — «Князь Серебряный» и «Царь Федор Иоаннович». Часто выступал как сатирик, создал «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева», был соавтором знаменитого Козьмы Пруткова (всех этих знаменитых мыслей и афоризмов: «Никто не обнимет необъятного», «Зри в корень», «Бди!» и т. д.). Написал множество лирических стихотворений. Тут и «Колокольчики мои, цветики степные..!», и «Край ты мой, родимый край!..», и «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад…», ставшие хрестоматийными.

За многим из написанного Толстым стоит Софья Андреевна. «Не могу лечь, не сказав тебе, что говорю тебе уже 20 лет, — что я не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять…»

Так писал Толстой Софье Андреевне. Но потерял не он ее, а она его. Последние свои годы Алексей Константинович страдал от расширения аорты. Его мучили астма, бессонница, головные боли. Ему приходилось прибегать к морфию. Он и умер от передозировки: заснул и не проснулся. Это произошло 28 сентября 1875 года. А за три месяца до кончины, будучи на лечении в Карлсбаде, Толстой писал Софье Андреевне: «…для меня жизнь состоит только в том, чтобы быть с тобой и любить тебя; остальное для меня — смерть, пустота, нирвана, но без спокойствия и отдыха».

Алексей Константинович Толстой прожил 58 лет. На целых двадцать лет пережила его Софья Андреевна. После смерти мужа она жила воспоминаниями о любви, перечитывала его письма и плакала. Мемуаров не написала, более того — уничтожила часть писем. Умерла в Лиссабоне, куда уехала к племяннице, спасаясь от одиночества…

Как тут не вернуться снова к романсу «Средь шумного бала…»? Помните строки?

…Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Да, в жизни Софьи Андреевны была тайна, в

которой она перед их соединением открылась Толстому. Ее исповедь была бурной. Алексей Константинович не только простил, но и был счастлив разделить ее страдания.

Слушал повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!

Жизнью твоею я жил и слезами твоими я плакал…

Тайна такова, и это подтверждается запиской графини Наталии Сологуб, хранящейся в РЦАЛИ: после Миллера и до Толстого Софья Андреевна родила двух детей — Юрия и Софью, которые официально стали считаться детьми брата Петра Бахметьева. «Племянница» Софья воспитывалась в семье Софьи Андреевны, потом она вышла замуж за русского посланника в Лиссабоне господина Хитрово. Детей от Алексея Константиновича Толстого у Софьи Андреевны не было.

Такая вот драматическая «лав стори». Похоронили Софью Андреевну рядом с Толстым, в их фамильном склепе в имении Красный Рог Черниговской губернии. Что остается добавить в конце? Разве что вспомнить строки Алексея Толстого:

То было раннею весной…

Тоже хрестоматийное стихотворение. И в конце его:

То было в утро наших лет –

О счастие! о слезы!

О лес! о жизнь! о солнца свет!

О свежий дух березы!

Все это было — и счастье, и страдания, и слезы. Было и прошло. А нам досталось как исторический урок в школе (или академии) Любви. Вы постигаете науку?..

Поэт и мистик (Адам Мицкевич)

В России бушуют политические, экономические и финансовые страсти. Культура задвинута далеко на периферию — эдакий далекий Магадан, о котором вспоминают лишь изредка. А между тем 1998 год по решению ЮНЕСКО был годом Мицкевича. 24 декабря исполнилось 200 лет со дня его рождения. К этой славной дате даже отреставрировали Дом-музей поэта в белорусском городе Новогрудок, где он родился. Итак, Адам Бернард Мицкевич (так он был назван при крещении)...

Штрихи из жизни

Родился Мицкевич в 1798 году в семье мелкопоместного шляхтича. Семья принадлежала к старинному литовскому роду Мицкевичей-Рымвидов. Адам — второй сын. Первый — Александр, впоследствии ставший профессором римского права Харьковского университета. Младший, Адам, учился неплохо, хотя из-за слабого здоровья в двух из шести классов школы ордена доминиканцев просидел по два года. С ранних

лет увлекся поэзией — писал басни и стихи на исторические темы. Боготворил Наполеона. Со школьной скамьи поступил в Виленский университет, сначала на физико-математический факультет, затем перешел на историко-филологический. Участвовал в основании кружка «филоматов», целью которого было умственное и нравственное совершенствование. Затем вступил в общество «фила- ретов» (друзей добродетели). Короче, обычные студенческие поиски опоры в жизни.

Весной 1819 года Мицкевич сдал экзамен на звание магистра и был определен в Ковно (нынешний Каунас) преподавателем литературы в гимназии. Работой он тяготился и в письмах жаловался на косность «жмудских лбов». С куда большим увлечением молодой педагог сочинял баллады, причем одну за другой. Педагогическое начальство было им недовольно, и ему пришлось перебраться в Вильно, потом снова вернуться в Ковно. А тут еще неудачная первая любовь… Все это угнетало молодого человека. В очерке о Мицкевиче в дореволюционной серии ЖЗЛ читаем: «Доведенный до крайней степени нервного расстройства, поэт целыми днями ничего не ел и поддерживал свои силы лишь неумеренным

употреблением кофе и табаку, которое, конечно, еще более ослабляло его нервную систему».

Сам Мицкевич в письме к одному из своих товарищей так обрисовывал тогда свои занятия и настроения: «Я привыкаю к школе, так как мало читаю, мало пишу, много думаю и страдаю и поэтому нуждаюсь в ослином труде. По вечерам играю в бостон на деньги, никаких обществ не люблю, музыку слушаю редко, игра же в карты без денег не доставляет мне интереса. Читаю только Байрона; книги, написанные в другом духе, бросаю, так как не люблю лжи; описание счастья семейной жизни возмущает меня так же, как вид су- пружеств; дети — это моя единственная антипатия».

«Мало пишу» — это рисовка, на самом деле Мицкевич много писал и даже за ярко выраженные свободолюбивые мотивы в своем творчестве угодил в тюрьму. Не сталинскую, конечно, а времен Александра I — в монастырь базилиатов, в котором поэт мог спокойно встречаться со своими товарищами, другими узниками, и вести беседы на излюбленную тему: свобода и независимость Польши.

После отбытия срока заключения последовала ссылка: Мицкевич был отправлен во внутренние

губернии России для службы по линии министерства народного просвещения. Тогдашний министр — адмирал Шишков — предложил опальному поэту по собственному желанию выбрать место службы. Сначала это была Одесса, потом Москва. Такая вот «ссылка»…

В Москве Мицкевич сблизился с князем Вяземским, Пушкиным, Баратынским, братьями Киреевскими, Козловым, Полевым и… Фаддеем Булгариным (не надо удивляться: их объединяло национальное чувство — оба любили Польшу). Здесь прервем хронологическое повествование и поговорим о дружбе двух великих поэтов.

Мицкевич и Пушкин

Они были почти ровесники (Пушкин был моложе Мицкевича на пять месяцев), имели много общего в своих взглядах и разделяли гуманно-либеральные идеалы, свобода пленяла того и другого. В августе 1834 года Пушкин отмечает в стихотворении, посвященном Мицкевичу: «Мы его любили…» И далее:

…. Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,

В великую семью соединятся.

В «Памятнике Петра Великого» у Мицкевича дана следующая картинка дружбы двух поэтов: «Вечером под дождем стояли два юноши под одним плащом, взявшись за руки: один был пилигрим, пришелец с запада, неизвестная жертва злой судьбы; другой был поэт русского народа, прославившийся песнями на всем севере. Знакомы были они недолго, но тесно, и уже несколько дней были друзьями. Их души выше земных преград, как две родственные альпийские вершины, которые, хотя разорваны навеки струею потока, едва слышат шум своего врага, склоняя друг к другу поднебесные вершины».

О дружбе Мицкевича и Пушкина написаны сотни статей и не одна диссертация. В пику этой апологетике хочется привести выдержку из воспоминаний Лидии Чуковской об Ахматовой. Запись от 18 декабря 1955 года:

«Анна Андреевна заговорила о Пушкине и Мицкевиче.

— У нас очень радуются легенде, будто Пушкин и Мицкевич были друзьями. Склацно выходит. А между тем это выдумка. После отъезда из России Мицкевич совсем не интересовался Пушкиным, что видно, например, из его статьи, которую пере-

вел Вяземский. Ничего о Пушкине Мицкевич не знал, не читал его новых стихов, хотя все ездили за границу и могли привезти что угодно, даже и «Медного Всадника». Пушкин же в черновиках «Он между нами жил» честил Мицкевича отчаянно. И в «Египетских ночах» — импровизатор, это, конечно, Мицкевич — и до чего же он там неприятный!»

Мицкевич — импровизатор. Да, в Петербурге именно своими импровизациями на французском языке он покорил многих. Однажды во время одной из них, по воспоминаниям современника, Пушкин вскочил с места и, ероша свои кудри, почти бегая по залу, восклицал: «Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним?..»

Менее склонный к экзальтации, князь Петр Вяземский отмечал, что Адам Мицкевич «не корчил из себя политической жертвы… был веселого склада, остроумен, скор на меткие и удачные слова…».

Но еще раз обратимся к мнению Анны Ахматовой. Вот запись Лидии Чуковской от 13 ноября 1940 года:

«Она сидела в своем ободранном кресле, грустно и трогательно раскинув руки. Заговорили

почему-то о Мицкевиче. Я сказала, что гневные стихи Мицкевича против Пушкина, в сущности, справедливы, и Пушкину, чтобы ответить с достоинством, только и оставалось, что отвечать с надзвездной высоты.

— Вы не правы, — сказала Анна Ахматова, — Пушкин вел себя гораздо лучше, чем Мицкевич. Пушкин писал, как русский, а Мицкевич звал поляков на бой, а сам сидел в Германии и разводил романы с немочками. Это во время восстания!

Я сказала, что передовые русские люди не сочувствовали все-таки стихам Пушкина о Варшаве. Например, Вяземский.

— Я и сама в этом деле скорее на стороне поляков, чем Пушкина, — ответила Анна Андреевна, — но Пушкин со своей точки зрения был прав…

Я поднялась. Провожая меня, Анна Андреевна говорила:

— Мною написана целая работа о Мицкевиче, о том, что Пушкин изобразил в «Египетских ночах», в импровизаторе — его. Это безусловно так. Пушкин ведь никогда не описывал внешности своих героев. «Офицер с черными усами» — и все. Только Пугачеву и Хлопуше он дал внешность — подлинную, историческую. И вот импровизатору — внешность Мицкевича. И третья тема

на вечере, малопонятная, предложена им самим — импровизатором, Мицкевичем.

Я спросила, почему она не печатает эту работу.

— Сейчас не время обижать поляков. И тогда, когда я написала ее, тоже было не время».

Что остается добавить? Жаль. Тем более что окончательный вариант статьи Ахматовой «Пушкин и Мицкевич» пропал во время блокады.

Между Пушкиным и Мицкевичем было, помимо сходства, много и различий. Пушкин, выражаясь сегодняшним языком, был государственником, державником, вне зависимости от своего отношения к царю. Мицкевич же, напротив, был патриотом своего, польского, народа. В поэме «Дзяды» (1823) он поведал о мученичестве польских патриотов и обличал царских сатрапов. В «Дзядах» есть примечательный пассаж:

И русский гений тихо произнес:

«…Во весь опор летит скакун лихой,
Топча людей, куда-то бурно рвется,
Сметает все, не зная, где предел.
Одним прыжком на край скалы взлетел,
Вот-вот он рухнет вниз и разобьется.
Но век прошел – стоит он, как стоял.

Так водопад из недр гранитных скат
Исторгнется и, скованный морозом,
Висит над бездной, обратившись в лед,
–
Но если солнце вольности блеснет
И с Запада весна придет к России –
Что станет с водопадом тирании?»

И еще одна цитата — из послания Мицкевича «Русским друзьям»: «…быть может, кто-нибудь из вас, чином, орденом обесславленный, вольную душу продал за царскую ласку и теперь у его порога отбивает поклоны. Быть может, продажным языком славит его торжество и радуется страданиям своих друзей…»

Более чем прозрачно. На вызов Мицкевича Пушкин ответил без эмоций, почти отрешенно:

Мы встретились, и были мы друзьями,
Хоть наши племена и враждовали…

Восстание в Царстве Польском против тирании России (так и хочется написать: Центра) было неожиданным для Мицкевича, хотя он и призывал к нему постоянно своих собратьев. Многие из поляков-эмигран- тов поспешили встать под знамена восставших, а Мицкевич медлил. Поче-

му? Не верил в конечный успех? Кто знает, что было в мыслях и на сердце поэта, но он все же так и не встал в ряды непосредственно сражавшихся за свободу своей родины, хотя и горячо сочувствовал тем, кто боролся с оружием в руках. Разгром восстания потряс Мицкевича. Может быть, именно это поражение способствовало тому, что в Мицкевиче постепенно умер поэт и он стал выступать и действовать как политический публицист и пророк.

И еще одна разница между Пушкиным и Мицкевичем. Пушкин как личность был ясным, светлым и на удивление гармоничным. Мицкевич кажется более темным, сумрачным и болезненным, недаром с годами в душе его так сгустился туман мистицизма.

Мицкевич в поисках мистических истин

Не находя удовлетворения в несовершенной жизни, Мицкевич искал спасения в определенных идеях. В Петербурге он становится членом масонской ложи Белого Орла, которой руководил живописец Иосиф Олешкевич.

В Берлине поэт прослушал несколько лекций Гегеля, но и в них не нашел ответов на свои вопросы. Встреча с Гёте в Веймаре тоже не успокоила

мятежную душу Мицкевича: холодная атмосфера энциклопедических и рассудочных знаний Гёте оказалась чужда польскому романтику.

Жизнь в Риме, Дрездене и в Лозанне не внесла покоя в душу Мицкевича, и он все глубже и глубже погружался в бездну мистицизма. Способствовали этому и неудачная личная жизнь, и постоянные материальные невзгоды.

В 1840 году французское правительство открыло в Коллеж-де-Франс кафедру славянских литератур и предложило возглавить ее Мицкевичу. Французские студенты благожелательно отнеслись к новому профессору, а соотечественники-эмигранты, жившие в Париже, были настроены скептически. «Наши, — писал Мицкевич, — ходят на мой курс, но для того, чтобы узнать, какой я партии: аристократ или демократ? и сердятся, что я не говорю им о политике».

Не политика, а мистические истины интересовали Мицкевича, и к этому приложил руку Анджей Товян- ский, литовский духовидец, славянофил, основатель религиозной организации «Коло». В поисках нравственного совершенства на земле Товянский обращался исключительно к небесам. Согласно учению Товянско- го, вселенная населена множеством духов, злых и

добрых, вечно борющихся между собой за власть над каждым отдельным человеком. Существует возможность общаться с духами во сне и наяву при помощи видений (эти видения стали активно преследовать Мицкевича). Товянский нашел в лице Мицкевича ревностного ученика и верного последователя. Поэт стал помогать новому мессии (а именно мессией считал себя Анджей Товянский) в воплощении забытых христианских начал, и, разумеется, именно Польше принадлежала первенствующая роль в новом христианском мире. Польские ксендзы усмотрели в горячих проповедях То- вянского и Мицкевича ересь и осудили их.

Мечислав Яструп в своей книге о Мицкевиче отмечает, что Товянский вовлек поэта в пучину самобичеваний, беспросветных угрызений совести, оплел его сетью интриг, подослал в дом Мицкевичей красавицу Ксаверию Дейбель, «сестру» своей секты, которая стала давать уроки детям Мицкевича. Царевна Израильская (так звал ее Товянский) внесла в жизнь супругов драму, ибо стала не только воспитательницей детей…

Короче, светлые дали, в которые звал новый пророк, оказались темным тупиком. «Паства», поверившая в новое учение, быстро разочарова-

лась в нем и называла бывших своих учителей (Мицкевич носил имя «Вождя Слова») не иначе как обманщиками и шарлатанами. Вскоре и сам Мицкевич порвал с Товянским.

«Мы, — писал поэт в письме к Товянскому от 12 мая 1847 года, — трепет душ выставляем напоказ, как украшение нашей праздности; мы передавали этот трепет один другому как какой-нибудь мертвый инвентарь, передаваемый из одних рук в другие. Мы приказывали братьям радоваться или страдать, любить или ненавидеть, часто сами не имея в себе того чувства горести или радости, к которому призывали… Мы, призывающие, сами чувствуя недостаток веры, пустоту и мучения, не в состоянии будучи вынести одиночество, которое, ставя нас наедине с самими собою, показывало нам наше ничтожество, нападали на братьев, причиняли им страдания, чтобы трагически развлекаться видом их мучений…»

Признание горькое и саморазоблачительное. Все попытки создания общеевропейского движения по претворению в жизнь учения Товянского потерпели крах, не помогли обращения ни к барону Ротшильду, ни к папе Пию IX — никто не поддержал новое движение. Единственное, что удалось Мицкевичу реально, — это создать

в Париже газету «Трибуна народов», со страниц которой он проповедовал свои религиозно-мистические идеи, совмещенные с призывами к суверенитету наций и идеями социализма.

К 1855 году положение Мицкевича стало отчаянным: он лишился кафедры в Коллеж-де-Франс, перешел на низкооплачиваемую работу библиотекаря в арсенале. Умерла жена. На нем «висела» куча детей. Его недолюбливали поляки-эмигранты. Вдохновение давно покинуло его. И Мицкевич решил бороться за свои идеи при помощи оружия. Он едет в Константинополь, где формируется еврейский легион. В его мечтах — Израиль, вооруженный и возрожденный. Странно, да? Почему вдруг Израиль? Это последняя его мечта. Видеть вооруженных евреев бок о бок с казаками под командой благородного польского шляхтича.

Мечта, естественно, разбилась. В Константинополе Мицкевич опасно заболел и умер 26 ноября 1855 года, не дожив всего лишь месяца до своего 57-летия. 31 декабря гроб с телом Мицкевича отбыл во Францию. Сначала его останки покоились на кладбище Монморанси в Париже, а 4 июля 1890 года были перезахоронены в нише древнего Вавеля, в Кракове.

Адам Мицкевич начал жизнь как поэт, а закончил солдатом.

Мицкевич и женщины

Ни одно современное биографическое исследование не обходится без темы любви. Если речь идет о мужчине, то непременно возникает вопрос: а как он строил отношения с прекрасной половиной человечества? Действительно, как?

В Виленском университете, будучи студентом, Адам Мицкевич некоторое время имел интрижку с некой Анелей, но был отвергнут. В отместку рассерженный молодой поэт придал черты ветреной Анели некоторым своим литературным персонажам, распутным разумеется.

Настоящая любовь пришла к Мицкевичу в 21 год, когда он повстречал Марылю (Марию) Верещак, красивую блондинку, дочь богатой вдовы. Прогулки, беседы, совместное чтение «Новой Элоизы» Руссо… Мары- ля не прочь была поиграть с пылким студентом в любовь, но голову не теряла. И когда страсть вот-вот должна была перехлестнуть через край, сделала неожиданный ход: вышла замуж за графа Путткамера. Граф по сословию был выше сына обедневшего шляхтича Мицкевича, что оказалось двойным ударом для

поэта. Ма- рыля написала письмо Мицкевичу с просьбой забыть ее и успокоиться, но тот долгое время пребывал в отчаянии и, подобно гётевскому Вертеру, помышлял о самоубийстве. Но Вертером все же не стал и нашел утешение в другой любви.

Другая — это Каролина Ковальская, жена врача в Ковно, Венера, как ее называл поэт в письме к Яну Чечоту. Каролина была истинной Венерой, ибо «лечила» от несчастной любви сразу нескольких отчаявшихся молодых людей. Одного из них, ковенского бакалавра Нартовского, Мицкевич однажды застал в спальне г- жи Ковальской. Вспыльчивый и самолюбивый поэт решил избавиться от соперника с помощью канделябра, который он опустил тому на голову. Дело чуть не кончилось дуэлью, но обидчика и обиженного помирил сам г-н Ковальский, который хотел избежать излишнего шума.

Итак, в молодые годы Мицкевич пользовался благосклонностью земной Венеры, а в грезах, в поэтических мечтах уносился к любви небесной. Но где отыщешь эту небесную? В Одессе, куда прибыл Мицкевич, он нашел вполне земную красавицу Каролину Собань- скую (заметьте, снова Каролину). У ног «одесской Клеопатры»

пребывало множество молодых поклонников, но выделялись два будущих великих поэта — Александр Пушкин и Адам Мицкевич. Оба искали и жаждали ее любви. А красавицу больше интересовало другое: политика, ибо она была агентом Ивана Вита, одного из руководителей тайной полиции. Каролина Со- баньская благосклонно выслушивала любовные мадригалы поэтов и в свою очередь писала весьма прозаические тайные доносы. Мицкевичу и Пушкину как-то еще повезло, а вот молодому польскому патриоту Антонию Яблоновскому — нет: он лишился из-за Со- баньской свободы.

Еще с одной красавицей, княгиней Зинаидой Волконской, державшей салон в Москве и покровительствовавшей Мицкевичу, поэт был уже менее пылок (обжегшись на молоке, дул на воду?). Франтишек Ма- левский вспоминал о своем друге: «Так как муза Адама стучала зубами, то он с удовольствием грелся в тепле на обедах и ужинах у княгини Волконской. За это он платил импровизациями на французском языке».

Роман между Мицкевичем и Волконской был скорее платонический. Их дружба продолжилась в Риме. Русская княгиня предлагала польскому поэту покровительство и приют, но он не захотел

ни того, ни другого.

Более запутанная и драматическая история вышла у Адама Мицкевича с Каролиной Яниш (третья Каролина в его жизни!). Девушка жила в Москве, на Мясницкой, была дочерью профессора московской Медико-хирургической академии, писала стихи и недурно рисовала. Мицкевич называл ее Художницей и давал ей уроки польского языка. У учителя и ученицы сложились неформальные отношения, ну а дальше историки расходятся во мнениях. Одни утверждают, что Каролина Яниш безумно любила Мицкевича («она полюбила его своей первой любовью», — пишет Валерий Брюсов) и он полюбил ее в ответ. Другие биографы более осторожны. Поэт-де всего лишь увлекся. И натолкнулся на определенный барьер. Из письма Мицкевича своему университетскому товарищу: «От Мясницкой крепости прочь! Еще моя осада не снята, и кто знает, не предприму ли я новый штурм…»

В любовных стихах Мицкевич писал:

Любил ли я? Вопрос подобный глуп вполне.

Могу ли я любить? То докажу на деле:

Ты, кисанька, тайком зайди-ка на неде-

ле…

Но «киски» отдавали предпочтение не свободной любви, а браку (это вам не конец XX века, а первая треть XIX). Мицкевич вроде бы обещал жениться. Однако, как пишет Брюсов, «добрые немцы Яниши пришли в отчаяние при мысли о браке своей дочери с бедняком, литвином, стоящим на дурном счету у правительства… Богатый дядюшка заявил, что если свадьба состоится, он лишит Каролину и вообще Янишей наследства… Но есть все причины думать, что еще раньше Мицкевич пожалел о своем решении, потому что он схватился за первое затруднение и поспешил, под его предлогом, уклониться от своего обещания…»

«Нет сомнения, что Художница мне нравилась, но я не был настолько влюблен, чтобы ревновать или не представлять себе жизни без нее», — писал Мицкевич в середине июля 1828 года своему приятелю Циприану Дашкевичу.

Вместо любви и супружества Мицкевич предложил Каролине Яниш дружбу. Она обиделась. Спустя несколько лет девушка вышла замуж за писателя Николая Павлова и вошла в историю русской литературы как поэтесса Каролина Павлова («Моя напасть, мое богатство! Мое святое

ремесло!»).

Брак Каролины Павловой был неудачным, и, может быть, поэтому она до конца дней своих вспоминала Мицкевича. Сыну поэта она писала: «Для меня он не перестал жить. Я люблю его сегодня, как любила в течение стольких лет разлуки. Он мой, как был им когда-то…»

Увы, строки написаны спустя 61 год после разлуки с Адамом Мицкевичем, когда поэта давно уже не было в живых.

Ну а если вернуться к живому Мицкевичу, то он покинул Россию и забыл Каролину Яниш. Помните слова Ахматовой, что во время польского восстания Мицкевич «разводил романы с немочками»? Анна Андреевна, очевидно, подразумевала роман с графиней Констанцией Лубенской. А еще было увлечение 18-летней Генриеттой, дочерью графа Анквича. Мицкевич был готов жениться на ней, но опять не получилось: ее отец заявил, что скорее согласится видеть свою дочь в гробу, чем женою польского поэта.

Что же в итоге? А в итоге, со свойственной склонностью к внезапным решениям, которая всегда поражала друзей, Мицкевич решил жениться на Целине, дочери знаменитой пианистки Марии Шимановской, которую знал еще

ребенком.

22 июня 1834 года состоялось венчание. Сначала все было хорошо, а потом все стало плохо. Почему? Дело даже не в том, что Мицкевич, мягко говоря, не очень любил Целину, а в том, что она была психически нездорова и с рождением детей ее болезнь стремительно развивалась. Ирония судьбы! Когда-то по поводу Каролины Яниш поэт писал приятелю: «Скажи, чтобы она перестала сумасбродить по ночам и поправила свое здоровье, потому что больных я не люблю…»

Больных не любил, а вот пришлось Мицкевичу ухаживать за собственной женой, несколько раз отправлять ее в специальную клинику для душевнобольных. И при этом Целина родила ему шестерых детей. Именно в то тяжелое для поэта время в его доме появился Анджей Товянский и «сестра» из его секты. Но об этом мы уже писали.

В начале 1855 года умерла Целина Мицкевич, а в ноябре того же года ушел из жизни и Адам Мицкевич.

Кое-что о потомках поэта

Вот и все об Адаме Мицкевиче, если, конечно, не говорить о его литературных заслугах. О том, как он рушил старые каноны, как создавал но-

вый сказочнопоэтический мир, как писал «Пана Тадеуша» — настоящую энциклопедию старосветского быта, нравов старой шляхты и т. д. ит. п. Обо всем этом можно прочитать в учебниках, справочниках и в специальной литературе.

В заключение немного о потомках поэта. Из шести его детей наиболее известен сын Владислав, который стал первым, дотошнейшим летописцем жизни Адама Мицкевича и… утаителем полной правды о трудах и днях своего великого отца.

Внук поэта, Александр Мицкевич, работал инженером-электриком при штабе маршала Тухачевского. Тухачевский хорошо относился к Александру Михайловичу и впоследствии, в 1937 году, во время гонений на поляков, помог Мицкевичу-внуку эмигрировать из СССР и тем самым спас ему жизнь.

А вот внучке поэта Анастасии Мицкевич пришлось совсем худо. Она жила в Смоленске, где тогда обитало много поляков, и вместе с ними была расстреляна в Катыни.

Не повезло и правнучке Мицкевича — Антонине Цветковой: в свои 17 лет она оказалась в лапах гестапо: ее предала бывшая секретарь райкома комсомола. После гестапо — концлагерь под Краковом, Бухен- вальд, подземный завод

в Германии по производству ФАУ, урановый рудник. Но это не все. Еще опыты фашистских врачей: Антонину трижды вешали и трижды откачивали. Так изуверы-медики изучали работу мозга, в который не поступает кислород.

После освобождения американцы полтора года ставили правнучку Мицкевича на ноги. И поставили. Как сообщает корреспондент Л Г Дмитрий Тихонов из Смоленска, «до начала 90-х годов никто не знал, что простая седовласая старушка по фамилии Цветкова — правнучка Адама Мицкевича. Она никому об этом долгие годы не рассказывала. После пережитого она старалась быть как все…»

«Быть знаменитым некрасиво», — когда-то провозгласил Борис Пастернак. Добавим: и крайне опасно.

Вот такие кульбиты выделывает порой история. «Удивил я судьбу, ибо выстоял гордо», — заявил в свое время Адам Мицкевич. Он выстоял и свою стойкость через гены передал потомкам. Ну а мы?

Пан Тадеуш, простите великодушно Россию за все неприятности и беды, которые принесла полякам российская империя, потом «империя мирового зла»: за Муравьева-вешателя, за Катынь

и за все прочее.

Простите…

Тургенев и тургеневские женщины (Pro et contra)

В романе «Отцы и дети» Тургенева есть примечательный диалог:

«- Посмотри, — сказал вдруг Аркадий, — сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым.

— О друг мой, Аркадий Николаевич! — воскликнул Базаров, — об одном прошу тебя: не говори красиво».

Тургенев умер более 100 лет назад. Сегодня никто не говорит красиво. Все говорят некрасиво, грязно и путано. Взвихренные мысли — бессвязные слова. Значит ли это, что Тургенев устарел как великий писатель и великолепный стилист?

В своей речи к 25-й годовщине смерти писателя — в 1908 году — Дмитрий Мережковский заметил: «Тургенев, говорят, устарел. Две исполинские кариатиды русской литературы — JI. Толстой и Достоевский — действительно заслонили от нас Тургенева. Навсегда ли? Надолго ли?

Не суждено ли нам через них вернуться к нему? В России, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, гений меры и, следовательно, гений культуры».

Другой наш классик, Иван Гончаров, считал, что «Тургенев навсегда останется в литературе как необычайный миниатюрист-художник».

Как не вспомнить одно из описаний пера Ивана Тургенева: «Но вот тучка пронеслась, запорхал ветерок, изумрудом и золотом начала переливать трава… Прилипая друг к дружке, засквозили листья деревьев… Сильный запах поднялся отовсюду». Это из романа «Рудин».

Не случайно Салтыков-Щедрин, человек абсолютно не склонный к чувствительности, отметил воздействие тургеневских произведений: «После прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется… Ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается… мысленно благословляешь и любишь автора…»

Подобных восторженных отзывов можно привести множество. Но нельзя забывать и иные мнения (сегодня pro et contra — закон информатики). Не будем вспоминать укор Ленина в адрес Тургенева, что его «тянуло к умеренной монар-

хической и дворянской конституции» (Ильич все пробовал на зуб исключительно по одному вкусу: революционно или нереволюционно). А вот суждение Владимира Набокова об Иване Сергеевиче: «Он не великий писатель, хотя и очень милый». Звучит уничтожающе.

Еще более убийственный отклик оставил нам Юлий Айхенвальд в своих знаменитых «Силуэтах русских писателей»: «Тургенев не глубок, и во многих отношениях его творчество — общее место… Турист жизни, он все посещает, всюду заглядывает, нигде подолгу не останавливается и в конце своей дороги сетует, что путь окончен, что дальше уже некуда идти… Его мягкость — его слабость. Он показал действительность, но прежде вынул из нее ее трагическую сердцевину…»

По мнению Айхенвальда, грешно подвергать некоторые сюжеты и темы «акварельной обработке».

Итак, одни хвалят «пленительную камерную музыкальность» стиля Тургенева, другие за эту же самую музыкальность и акварельность ругают. Хотя тот же Айхенвальд признает, что «тургеневское» не любить нельзя, что «субъективно Тургенев остается дорог, как настроение, как воспоминание, как первая любовь».

Да, очень многие читатели воспринимали и воспринимают Ивана Сергеевича гармоничным бытописателем ушедшего. Но вот в этом году вышла книга Владимира Топорова «Странный Тургенев», в которой привычный нам с детства писатель предстает в ином обличье. Топоров, в частности, обращает внимание на трагические обертоны «Стихотворений в прозе» Тургенева, на их мистицизм. Еще Роман Якобсон отмечал некоторые странности в стиле Тургенева (статья «Заумный Тургенев»). Топоров пошел в исследовании этих странностей дальше. Особенно показательны многочисленные сны писателя: Топоров насчитал 55 снов и видений и тщательно их прокомментировал. А чего стоит загадочная семантика выкриков Тургенева (не только бодрствующего, но и крайне возбужденного) в Английском клубе: «Редька! Тыква! Кобыла! Репа! Баба! Каша! Каша!..» Юнгианство какое-то.

Так что наш знакомый с детства Иван Сергеевич далеко не однозначный писатель и человек, как нам казалось всегда. Ведь он еще и политический мыслитель, и как писал Петр Струве: «Из больших русских писателей, быть может, ни один, кроме Герцена, не был таким верным и страстным любовником свободы, как Тургенев».

Кстати, в одном из писем Тургенев писал Герцену: «Ты в течение почти четверти столетия (16 лет), отсутствуя из России, пересоздал ее в своей голове. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней: горько, — но поверь, оно в сущности еще горше, чем ты предполагаешь, и я на этот счет больше мизантроп, чем ты. Россия не Венера Милосская в черном теле и в узлах — такая же девица, как и ее старшие сестры, только что вот з… у нее будет пошире — и она уже… и так же будет таскаться, как и те. Ну рылом-то она в них не вышла, говоря языком Островского, Шопенгауера, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауера…» (8 октября 1862 года).

Мозаика жизни

Рассказывать биографию великого писателя (все же великого!), наверное, не имеет смысла. Основные этапы жизни и литературных писаний проходят в школе. Остается лишь напомнить конкретные факты. Иван Сергеевич Тургенев родился 28 октября (9 ноября) 1818 года. Мать — не блиставшая красотой и засидевшаяся в девицах богатая помещица Варвара Петровна Лутови- нова. Отец — гусарский офицер Сергей Николаевич Тургенев, здоровяк, красавец, которого влекли

охота, карты и девицы. Но в доме всем заправляла матушка, женщина волевая и деспотичная. Она-то и сформировала и деформировала характер будущего писателя.

Дальше не рассказываем, а даем отдельные штрихи, некие камешки из тургеневской мозаики — может быть, некоторые из них неизвестны вам. Итак:

«В детстве он получил пестрое и обрывочное образование» (из лекции Набокова о Тургеневе).

С разрешения министра народного просвещения Уварова 14-летний Тургенев был допущен к экзаменам в Московский университет и сдал их блестяще (в тот год из 167 абитуриентов было принято лишь 25).

19-летним юношей Тургеневу пришлось пережить смертельную опасность во время пожара на пароходе. Молодой, сильный, здоровый, он настолько утратил всякое подобие мужества, со слезами умоляя спасти его, что даже мать, когда до нее дошли слухи о том, как он держался во время катастрофы, упрекала его за трусость.

Служил в министерстве внутренних дел с лета 1843- го до весны 1845 года.

В России Иван Сергеевич жил в родовом имении в селе Спасском, в «возлюбленном Мценском

уезде». Камердинер писателя Захар Балашов вспоминал: «А вон на той скамейке… частенько в прежнее время, когда Иван Сергеевич подолгу в Спасском проживали, сиживали гости: Панаев, Некрасов, Григорович, Полонский, Шеншин — они же Фет… Граф Лев Николаевич тоже бывало наезжали…» «По вечерам мы собирались в диванной и кто-нибудь из нас громко читал новую статью из толстых журналов, присылаемых из Москвы и Петербурга. Вечер проходил иногда в беседе, приправляемой оживленным спором» — так описывал проведенные у Тургенева дни Дмитрий Григорович.

Во Франции, в Буживале, у Тургенева гостили Мопассан, Генри Джеймс, Сен-Санс, Верещагин, Салтыков-Щедрин… Тургенев дружил с Мериме, Флобером.

В центре Парижа, на улице Риволи, дом 210, висит мемориальная доска, извещающая, что здесь с 1860 по 1864 год жил Тургенев со своей дочерью Полиной.

Тургенев был замечательным шахматистом и хорошо играл на бильярде.

Всем известна картина Крамского «Неизвестная», но мало кто знает, что на ней изображена конкретная женщина — Александра Альбедин-

ская, урожденная княгиня Долгорукая. Ею был увлечен Тургенев, и она впоследствии стала прототипом Ирины в романе «Дым».

В 1869 году, когда Тургеневу было 50 лет, петербургская газета «Русская жизнь» задала писателю несколько вопросов. На один из них: «Ваша любимая добродетель?» — Тургенев ответил: «Правдивость». В 1880 году, когда писателю было 62 года, на этот же вопрос он ответил: «Молодость». На вопрос: «Как вы представляете себе счастье?» — был дан ответ: «Отличное здоровье» (в 1869 году) и «Ничего не делать» (1880). «Где бы вы предпочли жить?» — «Там, откуда я могу свободно уехать, когда захочу» (1869) и «Там, где никогда не бывает холодно» (1880). «Отличительная черта вашего характера?» На этот вопрос в 50 и 62 года Иван Сергеевич ответил одинаково: «Лень».

Медальон с вензелем «И. Т.» и фотографией Полины Тургенев носил на груди до самой смерти.

Мозг Тургенева оказался одним из самых тяжелых (2012 г) среди знаменитых людей мира.

Болезнь и смерть

Вспоминая пожар на корабле, Тургенев говорил: «Смерть мне заглянула тогда в лицо и

заметила меня». С этим взглядом мнительный писатель и прожил оставшуюся жизнь. «Я решительно становлюсь старой посудиной для подагры», — писал 54-летний Тургенев Клоди Виардо. В 1882 году его стали беспокоить боли в спине. Знаменитый французский врач-невропатолог Жан Мартен Шарко поставил диагноз: nevralgie cardial- gique gouteuse (сердечная подагрическая невралгия). Но это была не невралгия и не грудная жаба, а саркома спинного мозга, что обнаружилось при вскрытии тела. Иван Сергеевич страдал тяжело, не помогал даже морфий, хотя он и пытался порой шутить: «Оказывается, что можно жить, не будучи в состоянии ни стоять, ни ходить, ни ездить… Живут же так устрицы. Я нахожу даже, что ничего, устрицей быть недурно».

22 августа (3 сентября) 1883 года стало последним днем жизни Ивана Сергеевича. Умирающий, он бредил по-французски, а потом неожиданно сказал по-русски: «Прощайте, мои милые, мои белесоватые…» «Qu'est-ce qu'il dit, qu'est-ce qu'il dit?» (Что он говорит, что он говорит?) — вопрошали французы, окружившие смертное ложе русского классика. Тургенев не дожил всего двух месяцев до 65 лет.

Отпевали Ивана Сергеевича в Париже, в русской церкви на улице Дарю, а потом гроб с его телом повезли на родину. «Таких похорон еще не бывало в России, да едва ли будет, — писал публицист Виктор Га- евский в своем дневнике. — Замечательное отсутствие всякой официальности: ни одного военного мундира, ни одного не только министра, но сколько-нибудь высокопоставленного лица. Администрация видимо была напугана. На кладбище послано было, независимо от полиции, 500 казаков, а на дворах домов и в казармах по пути шествия находились войска, в походной форме. Думал ли бедный Тургенев, самый миролюбивый из людей, что он будет так страшен по смерти!»

У останков Тургенева все русское общество в целом осознало несправедливость своих упреков в том, что он «недостаточно служит отечеству», находясь все время за рубежом, не говоря уже о том, что вовремя не воздало ему почестей. В России всегда так: признание заслуг приходит лишь посмертно.

Тургеневские женщины

Но хватит о печальном. Поговорим о другом. И не о книгах Тургенева, отметим лишь одно:

«Записки охотника» стали первым произведением русской прозы, которое приобрело широкий резонанс на Западе. Книги Тургенева мы читали сами и даже книги о его книгах. Поговорим лучше о женщинах, тем более что укоренилось даже такое понятие: тургеневские женщины.

Виктор Шкловский однажды в сердцах сказал: «Женщину я не стану описывать. Она описана Тургеневым, а он описывал их подробно, как имение». Добавим: а если и лаконично, то как емко! К примеру, одна из тургеневских женщин, Одинцова: «вся чистая и холодная, в чистом и душистом белье». Все его Маши («Вешние воды»), Натальи («Рудин»), Лизы («Дворянское гнездо») — действительно удивительно чистые и душистые создания.

Владимир Набоков слегка язвил: «Тургеневские девушки обычно резво вскакивают с постелей, облачаются в кринолины, обрызгивают лицо холодной водой и свежие, как розы, выпархивают в сад, где и происходят- неизбежные встречи под сенью беседок».

Где ныне обитают тургеневские девушки? Где эти уютные тенистые беседки? Где былые дворянские усадьбы? Где вообще все? В какие революционные тартарары все провалилось?.. Но

это так, исключительно риторические вопросы.

Женщины в жизни самого Ивана Сергеевича — особая тема. Удивительная любовь-привязанность длиною в 40 лет к Полине Виардо. Краткая страстная вспышка к Марии Савиной. Не хочу повторяться: об этом подробно в моей книге «Вера, Надежда, Любовь…», только что изданной, — в главах о Виардо и Савиной. Были и другие любови и любовные интрижки, уж такой уродился Иван Сергеевич — чувственный и влюбчивый. («Мягкий, безвольный, фатоватый Тургенев», — писал о нем Вересаев.) Некоторые исследователи утверждают, что Тургенев любил не только Полину Виардо, но и ее дочь Клоди — когда та выросла, разумеется. В Национальной библиотеке Франции хранятся письма Тургенева и Клоди, и в них тайна отношений писателя и дочери Виардо. Более того, дочь Клоди, мадам Мопуаль, отличалась поразительным внешним сходством с Иваном Сергеевичем.

В наше с вами скандальное время принято срывать одежды с великих и радостно потирать руки: смотрите, и они тоже! Развратники, пьяницы и т. д. Не обошли стороной и Тургенева.

Лично меня больше привлекает анализ Юлия Ай- хенвальда, который говорит, что Тургенев,

будучи поклонником Пушкина, «никак не мог повторить за ним этого мудрого, и ясного, и благородного: “простимся дружно, о юность легкая моя!” Как наказание постигла его старость, и он уныло ее сознавал. Не умел быть старым. И не хотел он победить в себе всякую зависть и это понятное, но не мужественное сожаление о розах, которые были так хороши и свежи, о всех этих девушках, которые цветут не для него…».

А розы действительно хороши и свежи что вчера, что сегодня…

Женщины Серебряного века (Нина Петровская)

Кого из этой эпохи ни возьми — яркая и одаренная личность. Вулканические чувства, непомерная жажда чего-то нового и неизведанного. «Я — жрица тайных откровений…» — писала поэтесса Мирра Лохвицкая. «Я мертвая роза, я лилия чистая…» У Мирры Лохвицкой был роман с Константином Бальмонтом, которого она называла «Лионелем, певцом Луны». Необычной женщиной была Зинаида Гиппиус, поэтесса, критикесса, «безумная гордячка», как сказал о ней Александр Блок. Зинаида Гиппиус поражала всех необыкновенной красотой и изощренным интеллектом. На весь Серебряный век прогремел треугольник Зинаида Гиппиус — Дмитрий Мережковский — Дмитрий Философов. Как пародировал Гиппиус Владимир Соловьев:

Я – молодая сатиресса,

Я – бес.

Я вся живу для интереса

Телес…

В конце XIX — начале XX века весьма популярны были поиски новых отношений между мужчинами и женщинами, разрушение прежних канонов, лесбийские игры и прочие сексуальные изыски. В этом преуспела жена Вячеслава Иванова Лидия Зиновьева-Аннибал, сама писательница и хозяйка литературного салона. Скандальную известность приобрела ее повесть «Тридцать три уродца» (1907), в которой воспевалась свобода любви и плоти.

Удивительное время — Серебряный век. Удивительны и неповторимы женщины Серебряного века.

Об одной из них — наш рассказ. Представим ее: Нина Петровская — писательница, переводчица. Близкая подруга Андрея Белого и вдохновительница творчества Валерия Брюсова, «покорительница» поэтов всех возрастов, истеричка, наркоманка, алкоголичка, сгусток всех крайностей и пороков пестрого и противоречивого Серебряного века. А еще — нежная, незащищенная женщина, которая страстно хотела любить, быть любимой и погибла от любви. Годы ее жизни: 1884 — 1928.

I

Вам незнакомо это имя? Немудрено. В советское время о ней практически никогда не вспоминали. При жизни Нины Петровской вышел лишь небольшой сборник ее рассказов. Готовился второй — «Разбитое зеркало», но помешала мировая война, потом революция. Как отмечал Андрей Белый: «Из Нины Петровской могло бы выработаться действительное дарование, если бы она не относилась так пассивно к собственным своим художественным переживаниям».

Но она была такая. Для нее главное были интимные чувства и переживания. А уже потом литература. И свою жизнь Нина Петровская превратила, по существу, в «театр жгучих импровизаций». Она хотела получить от жизни максимум удовольствий и наслаждений. Взять от нее все. Женщины такого типа нередко встречаются в России. И, как правило, все они терпят в своей жизни крах. Максимализм желаний не приносит ничего, кроме страдания.

Родилась Нина Петровская в скромной семье чиновника. После гимназии окончила зубоврачебные курсы, но медицина ее не привлекала, зато целиком захватили дали литературные. Она

вышла замуж за поэта Сергея Соколова, владельца издательства «Гриф», и завела литературный салон. В начале XX века это было настоящее поветрие. Сборища интеллектуалов. Вино. Стихи. Споры. И, конечно, любовь. Но не простая, а с мистической подкладкой. С изысканными вывертами. Как хозяйка салона Нина Петровская вскружила голову не одному поэту, но все эти романы ее не удовлетворяли: масштаб дарования возлюбленных был мал, а Нине хотелось найти своего Данте, чтобы стать его Беатриче (это удалось лишь Лиле Брик, превратившей Владимира Маяковского в постоянно работающую фабрику по производству любовной лирики).

Но вот встреча с Андреем Белым, знаменитым поэтом Серебряного века. Мало того что он талантлив, но еще и чертовски красив: статен, златокудр и голубоглаз, с «вдохновенно-безумным лицом пророка». Нина Петровская была не столь хороша собой, сколь пикантна и чувственна. Щупленькая брюнетка с маленьким носиком.

В своих воспоминаниях о Белом Петровская отмечала: «Он пил из крохотной рюмочки шартрез с таким удивлением в синих (лучисто-огненных) глазах, точно хозяин предложил ему не просто

ликер, а расплавленный закат…»

Это была необычная любовная история. С одной стороны — пылающая чувственностью и желавшая огненной близости Нина Петровская, а с другой стороны — мистически настроенный Андрей Белый, друг Александра Блока, весь погруженный в поиски «вечной женственности» и всеобщего братства. Белый видел в Петровской не женщину, а духовную единомышленницу. Он предлагал ей философские темы для общения, а она жаждала общения интимного, с жарко сплетенными телами. И здесь надо отметить, что Андрей Белый как мужчина был весьма холодного темперамента, вся его страсть сублимировалась в творчество. К тому же у поэта именно в это время был параллельный роман с женой Блока, Любовью Менделеевой, женщиной тоже чувственной и страстной. По существу же, Белый отбивался сразу от двух женщин. А Нина Петровская на какие только женские хитрости не шла, лишь бы затянуть Белого в свой сладкий греховный плен… На какой-то момент она «заполучила» Андрея Белого, но лишь на краткий: тот сумел выскользнуть из ее сетей.

«О, если бы он просто разлюбил, просто изменил! — писал в своих воспоминаниях Владислав

Ходасевич, который пристально наблюдал за развитием отношений Петровской и Белого. — Но он не разлюбил, а “бежал от соблазна”. Бежал от Нины, чтобы ее слишком земная любовь не пятнала его слишком чистых риз… а к Нине ходили его друзья, шепелявые, колченогие мистики, — корить, обличать, оскорблять: “Сударыня, Вы нам чуть не осквернили пророка!..”» Отвергнутая женщина — что может быть опаснее? Чтобы отомстить Белому, Нина Петровская сближается с Валерием Брюсовым, еще одним знаменитым поэтом Серебряного века. Это не только месть, но и попытка через магические опыты, которыми занимался Брюсов, вернуть потерянную любовь. Но все напрасно. И тогда Нина весной 1905 года в Политехническом музее, где Андрей Белый читал лекцию, подошла в антракте к своему возлюбленному и направила на него браунинг. Она стреляла в упор, но, к счастью, пистолет дал осечку…

II

Как часто мы замышляем одно, а получаем совершенно другое! Нина Петровская хотела использовать Валерия Брюсова как орудие мести, а в итоге получила объект нового страстного увлечения. В Брюсове она нашла не только че-

ловека «бездонных духовных глубин», но и не менее пылкого, чем она, любовника. Самолюбие ее было удовлетворено: она стала вдохновительницей стихов знаменитого поэта. В одном из них Брюсов писал:

Ты, слаще смерти, ты, желанней яда,
Околдов атр;та мой свободный дух…
Мы на постели, как в провалах Ада,
И меч, как благо, призываем вслух!

Строки в духе Серебряного века: острые и пряные. Но не только стихи посвящал Брюсов Нине Петровской, ей он посвятил свой прогремевший роман «Огненный Ангел». В главной героине — колдунье Ренате нетрудно угадать Нину Петровскую. В роли графа Генриха, земного воплощения Ангела, легко узнать Андрея Белого, а в роли рыцаря Рупрехта — самого Брюсова. То есть роман явился отражением реальной жизненной коллизии… «Там, на этих исписанных мною страницах, — отмечал Брюсов, — Ты, та Ты, которую хочу сохранить себе и миру — навек!»

В свою очередь Нина Петровская писала Брюсову: «Я полюбила тебя с последней верой в последнее счастье. Второй раз я бросила мою душу в костер и вот, сгораю, гибну, чувствую, что

второй раз не будет воскресения».

Пик любовных отношений между Ниной Петровской и Валерием Брюсовым пришелся на лето 1905 года, когда они вместе жили в Финляндии, на озере Сайма. Но, увы, после каждого пика всегда следует спуск с высоты. Нина Петровская полюбила безоглядно, глубоко, сильно, но Брюсов при всем своем желании был не в состоянии ответить ей тем же. В письме от 8 ноября 1908 года он пишет Петровской: «…Да, я могу любить глубоко, быть верным в лучшем смысле слова, но я не могу, не способен отдаться любви, бросаться в нее, как в водоворот, закрыть глаза, дать стремить себя потоку чувства. Я знаю, я верно знаю, что это — есть «то, что люди называют» счастьем. Но я уже не ищу счастия, не жду его. И мне его не надо. К иному иду я, не знаю, большему или меньшему, но к иному…»

Для Нины Петровской любовь — это любовь. Для Брюсова это лишь очередной «миг», прекрасный вдохновляющий материал для творчества. Сублимировав свою эротическую энергию в литературную, Брюсов стал заметно охладевать к Нине. Заводил новые любовные романы.

Владислав Ходасевич пишет: «Она несколько раз пыталась прибегнуть к испытанному сред-

ству всех женщин: она попробовала удержать Брюсова, возбуждая его ревность. В ней самой эти мимолетные романы (с «прохожими», как она выражалась) вызывали отвращение и отчаяние. «Прохожих» она презирала и оскорбляла. Однако все было напрасно. Брюсов охладевал…»

Что оставалось делать Петровской? Она в ярости ломала мебель, бросалась предметами, которые летали «подобно ядрам баллисты», как сказано в «Огненном Ангеле» при описании одной такой сцены.

Тщетно прибегала она к ворожбе, к картам, к вину. Наконец весной 1908 года попробовала морфий. Затем сделала морфинистом Брюсова, и это была ее «настоящая, хоть не осознанная месть», отмечает Ходасевич.

В ноябре 1911 года, вся больная и психически надломленная, Петровская покидает Москву, безвозвратно оставляет Россию.

III

Так случилось, что Брюсов умер раньше Нины Петровской (одна из причин его ухода — роковой морфий). «Я не видела Брюсова в гробу, — писала в мемуарах Петровская. — Но в моей памяти он жив и бессмертен».

Однако, помимо Брюсова и Белого, жизнь ее пересекалась с еще двумя представителями Серебряного века: Владиславом Ходасевичем и Сергеем Ауслен- дером. С последним у нее был роман в Италии, но, как написала она в одном из писем: «Мальчик просто скучен. У него душа бездарная, неподвижная, чувства без оттенков…» Ходасевич был иным человеком, Нина Петровская звала его «милым зеленым другом», он стал ее конфидентом: она поверяла ему все свои сердечные тайны. Приглашала не раз в поездки, чтобы «побыть у моря ночью», но Ходасевич постоянно отказывался.

В одном из писем Нина написала Ходасевичу: «Ах, зеленый, когда же придет счастье? А Вы мне скажете: ишь чего захотела»… Да, глупо. Никогда не придет».

Не пришло счастье в России, а уж на Западе, в эмиграции, тем более. Сначала Рим, потом Берлин. Везде было несладко. В ночь на 23 февраля 1928 года Нина Петровская покончила счеты с жизнью, отравившись газом. Ей шел 44-й год…

Вот и вся довольно печальная «лав стори» о Нине Петровской. Лучше всего о ней написал Валерий Брюсов: «Женщина светлая, безумная, которая возлюбила много и от любви погибла…»

Что поделаешь… Максималистка любви. Экстремистка чувств. Лично мне ее безумно жаль…

Мышеловка для Мигеля (Михаил Кольцов)

В июне 1998 года журналистский цех отметил 100- летний юбилей Михаила Кольцова. Корней Чуковский считал его первым журналистом своего времени. Я думаю, что он был лучшим журналистом не только 20-30-х годов, но и всего советского периода. Блистательное перо. Язвительный ум. Талантливейший организатор СМИ. Достаточно сказать, что Кольцов был одним из создателей журналов «Огонек», «Смехач», «Крокодил», «За рулем», «СССР на стройке», «Советское фото», «За рубежом». Он организовал и редактировал газету «Трудовая копейка». Он написал около 2000 газетно-журнальных материалов на актуальные темы внутренней и внешней политики. Свое журналистское кредо он сформулировал так: «Все надо посмотреть, почувствовать, оценить и не ошибиться. Надо быть честным ухом и глазом своих читателей, не злоупотреблять их доверием и не утруждать их чепухой под видом важного и не упускать мелочи, определяющей собой крупное».

Публикации Кольцова были остроумными, аргументированными и разящими. Они били всегда в десятку. Вот как в 1924 году Кольцов писал о рождении нового советского гривенника взамен скончавшегося совзнака:

«Сгоните с лиц улыбки, я пришел с некрологом.

Мрачные совработники, хмурые хозяйственники с беременными портфелями, веселые пролетарии и удрученные буржуи, коммунисты, беспартийные, честные и нечестные деревенские шкрабы (школьные работники. — Ю. Б.), спекулянты, рвачи, пенкосниматели, все добродетельные и злодейские персонажи великого российского детства, встаньте.

Преклоните головы.

Почтите память усопших.

Совзнак скончался. Гривенник родился…

…Гривенник — это приятная вещь. Это этап. Это завоевание…

Гривенник — это такая хорошая, крепкая синица в руках после небесных журавлей!..»

Оцените стиль Кольцова! А сейчас немного биографических данных. Михаил Кольцов (его настоящая фамилия Фридлянд) родился 31 мая (12 июня) 1898 года в Киеве в семье ремесленника.

Учился в Петроградском психоневрологическом институте. С 1916 года начал заниматься публицистикой. В 1918-м вступил в партию. В 1920 году перебрался в Москву и стал постоянным сотрудником всемогущей тогда «Правды». Его фельетоны, очерки, корреспонденции шли почти в каждом номере. Чтобы почувствовать материал, он временно менял профессию и становился классным руководителем в школе, шофером такси или делопроизводителем в загсе. Журналист меняет профессию — это придумка Михаила Кольцова.

Вас интересуют живые свидетельства? Пожалуйста. Софья Виноградская пишет о Кольцове: «Всю жизнь, с самого детства, его терзала мучительная мигрень… Невысокий, ладный, красивый, слегка косолапил левой ногой… Маленький рост, большие очки, миндалевидные, чуть грустные, но в разговоре мальчишеские, смешливые глаза; тонкое матовое, выбритое до синевы египетское лицо и нежный белый лоб…»

Илья Эренбург познакомился с Кольцовым еще в Киеве и отмечает в своих воспоминаниях, что Кольцов постоянно сопровождал известную актрису Веру Юре- неву. Выглядел он «как подросток, с неизменно насмешливым выражением

лица». В свои юные 20 лет Кольцов женился на Юреневой, которая была значительно старше его. Брак этот распался. И в 1923 году Кольцов женился на Лизе, о которой можно прочитать в дневнике Корнея Чуковского. Вот его запись от 28 ноября 1927 года:

«Был у Кольцовых. Добрая Лизавета Николаевна и ее кухарка Матрена Никифоровна приняли во мне большое участие. Накормили, уложили на диван. Не хотите ли принять ванну? Лиз. Никол, очень некрасивая, дочь англичанки, с выдающимися зубами, худая, крепко любит своего «Майкела» — Мишу Кольцова — и устроила ему «уютное гнездышко»: крохотная квартирка на Б. Дмитровке полна изящных вещей. Он — в круглых очках, небольшого росту, ходит медленно, говорит степенно, много курит, но при всем этом производит впечатление ребенка, который притворяется взрослым. В лице у него много молодого, да и молод он очень: ему лет 29, не больше (28. — Ю. Б.). Между тем у него выходит 4 тома его сочинений, о нем в «Academia» выходит книга, он редактор «Огонька», «Смехача», один из главных сотрудников «Правды», человек, близкий к Чичерину, сейчас исколесил с подложным паспортом всю Европу, человек бывалый, много видавший,

но до странности скромный…

Странно видеть Кольцова в халате — ходящим по кабинету и диктующим свои фельетоны. Кажется, что это в детском театре. И на полках, как нарочно, яркие игрушки. Пишет он удивительно легко: диктует при других и в это время разговаривает о посторонних вещах…»

Еще одна дневниковая запись Корнея Чуковского, спустя 4 года — 22 ноября 1931 года:

«…Я к Кольцовым. Они тут же, в Доме правительства. Он принял меня дружески, любовно… Роскошь, в которой живет Кольцов, ошеломила меня. На столе десятки закусок. Четыре большие комнаты. Есть даже высшее достижение комфорта, почти недостижимое в Москве: приятная пустота в кабинете. Всего пять-шесть вещей, хотя хватило бы места для тридцати. Он только что вернулся из совхоза где-то на Украине. «Пустили на ветер столько-то центнеров хлеба. Пришлось сменить всю верхушку…»

Журналистская сила Кольцова была такова, что он мог снимать с работы. Примечательная деталь: он мог все… И это «все» дала ему советская власть. Она действительно предоставляла своим любимым бардам и трубадурам комфорт и наделяла их широкими полномочиями, требуя

лишь одного: верного и неугасимого служения. Все это отлично понимал Кольцов. «Я пишу не для себя, — признавался он. — Мне холодно и одиноко в высоких одноместных башнях из слоновой кости, на гриппозных сквозняках мировой скорби. Я чувствую себя легко у людского жилья, там, где народ, где слышатся голоса, где пахнет дымом очагов, где строят, борются и любят. Я себя чувствую всегда в строю. Я себя чувствую всегда на службе. Отличное чувство».

«На службе» — это не проговорка. Это состояние души. И Кольцов, совершенно не кривя душою, служил режиму. Верно и преданно, но не аллилуйствуя при этом, не подхалимничая, не совершая никаких подлостей, однако все же служил и утверждал в своих публикациях, что советская власть — самая справедливая и самая лучшая. По молодости лет он верил в это истово и искренне (миллионы людей оказались обмануты лжепророками коммунизма, и Кольцов был одним из многих). Но с годами, конечно, приходило прозрение и понимание, что есть что и кто есть кто.

Он любил одесский анекдот о старом балигуле (извозчике), который ехидно спрашивает новичка, что тот будет делать, если в степи отвалится

колесо и не окажется под рукой ни гвоздей, ни веревки. «А что же вы будете делать?» — спрашивает наконец пристыженный ученик, и старик отвечает: «Таки плохо».

Это была и позиция Кольцова: ситуацию не исправить, и поэтому остается вздохнуть: «Таки плохо».

Плохо было не только в большой политике, но и в творческой жизни при всем ее внешнем блеске. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург писал о Кольцове:

«История советской журналистики не знает более громкого имени, и слава его была заслуженной. Но, возведя публицистику на высоту, убедив читателей в том, что фельетон или очерк — искусство, он сам в это не верил. Не раз он говорил мне насмешливо и печально: “Другие напишут романы. А что от меня останется? Газетные статьи — однодневки. Даже историку они не очень-то понадобятся, ведь в статьях мы показываем не то, что происходит в Испании, а то, что в Испании должно было бы произойти…”».

Да, Кольцов понимал, что журналистика губит в нем писателя, что даже книга «Испанский дневник» слишком окрашена временем. Кстати, Испания стала для Кольцова вершиной его

жизни, а дальше начался стремительный спуск. Молодому поколению следует, наверное, напомнить, что Советский Союз послал в горнило гражданской войны в Испании («чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать») лучших своих представителей, среди них был Михаил Кольцов, который, как и все остальные, сражался в Испании инкогнито, под вымышленным именем мексиканца Мигеля Мартинеса.

«Маленький, подвижный, смелый, умный до того, что ум становился для него обузой, Кольцов быстро разбирался в сложной обстановке, видел все прорехи и никогда не тешил себя иллюзиями», — вспоминает Эренбург.

Михаил Кольцов героически проявил себя в Испании. Вернулся «на коне», но быстро уловил, что на Родине что-то изменилось, что щупальца страха стали проникать почти в каждый дом. Он пережил 1937 год, но в 1938-м его взяли.

Кольцов был несколько еретичен в своих взглядах, но, с другой стороны, позволял ересь только себе, а инакомыслия со стороны друзей не терпел и просто боялся. Когда в декабре 1937-го Эренбург вернулся из Испании, журналист рассказал ему свеженький анекдот. Двое москвичей встречаются. Один делится новостью: «Взяли Теруэль».

Другой спрашивает: «А жену?» Тут Кольцов заговорщицки спрашивал: «Смешно?»

Для непосвященных скажем: Теруэль — это город в Испании, который переходил от республиканцев к фашистам и обратно.

Что произошло дальше? Младший брат Кольцова художник Борис Ефимов вспоминает:

«Кольцов рассказывал мне о последней встрече со Сталиным. Миша докладывал о поездке в Испанию, об интербригадах. Беседа длилась три часа, и в конце ее Сталин стал вести себя странно — ерничал, гримасничал, называл Михаила на испанский манер Мигуэлем… А когда Кольцов уходил, остановил его в дверях и, прищурившись, спросил: «У вас есть пистолет?» Кольцов ответил, что есть. «А вы не думали из него застрелиться?» — «Нет, — ответил Кольцов. — Не думал». — «Вот и хорошо», — закончил разговор Хозяин.

Мы с Мишей всю ночь анализировали этот черный сталинский юмор. Утром Кольцову позвонил Клим Ворошилов, который присутствовал при беседе в Кремле. Успокоил: «Михаил Ефимович, вас любят и ценят». Но Миша был человеком сверхнаблюдательным, с очень развитой интуицией. Он сказал мне: «В глазах Хозяина я прочитал: больно прыток!»

Как я сейчас понимаю, Сталин намекал Кольцову на самоубийство. Предлагал «почетную смерть»: мол, придумаем красивую версию самоубийства, уйдешь из жизни героем, а не врагом народа…»

Такова версия Бориса Ефимова, и она очень убедительна. Кольцов не захотел уходить из жизни добровольно. Ему «помогли», обвинив в связи с немецкой шпионкой.

Конечно, это была чудовищная ложь. Даже чушь. Во-первых, не шпионка, а обычная журналистка, к тому же известная антифашистка. А во-вторых, не банальная связь, а настоящая, подлинная любовь. Пылкий Кольцов пылко полюбил немецкую журналистку Марию Остен (ее настоящая фамилия — Грессгенер). Вновь слово Борису Ефимову:

«У Миши случались летучие романы, но Мария была его последней и, как я понимаю, самой сильной любовью. Красавицей Марию не назовешь, но очень была легка, миловидна. Внешне — типичная немка: светловолосая, энергичная, точная в движениях, мыслях, словах…»

Встреча произошла летом 1932 года во время командировки Кольцова в Германию. Кольцов и Мария посмотрели друг на друга, взялись за

руки, и все, что окружало их, мгновенно исчезло. Две половинки слились в одно целое. Чибис и Блондинка предались любви. Чибис и Блондинка — это шифрованные клички объектов (соответственно Михаила Кольцова и Марии Остен), которые находились под колпаком советской разведки. В архивах КГБ хранится донесение:

«СЕКРЕТНО: Нач-ку отдела, лично. Как уже ранее сообщал Зет, объект Чибис, после поездки в Рур, на двое суток выходил из-под наблюдения. Согласно предварительным данным, находился в Баварии, в пока еще не установленном месте, вместе с объектом Блондинка. Чибис согласовал с ЦК КПГ устройство Блондинки на работу в Журнал. 18 августа оба выехали в двухместном купе международного вагона экспрессом Берлин — Москва. Местопребывание Чибиса и Блондинки с 11-го по 13 августа выясняется. Рослый».

Эх, Рослый, Рослый, упорхнул от тебя Чибис и целых два дня провел со своей возлюбленной не под твоим «колпаком», а под чистым баварским небом.

Кольцов и Мария решили не расставаться, и Мария Остен приехала в Москву и стала работать собкором газеты «Дойче Центральцайтунг». У Марии был «пунктик»: она хотела иметь детей.

«Иметь одного ребенка — радость, семерых детей — великое счастье», — говорила она. Но Кольцов не подарил ей ребенка, и тогда она привезла из Германии приемного сына — 10-летнего Губерта Лесте. Кольцову такой оборот дела понравился. «Никаких сантиментов тут нет, — объяснял он Корнею Чуковскому, — мы заставим этого мальчика писать дневник о Советской стране и через полгода издадим этот дневник, а мальчика отошлем в Германию. Заработаем».

Цинично? Возможно, но недаром журналистика считается второй древнейшей профессией. Мария Остен в 1935 году выпустила повесть «Герберт в стране чудес» — под редакцией Кольцова, со вступительной статьей Георгия Димитрова.

Итак, ситуация складывалась пикантная. В Москве обитали журналист № 1 Кольцов, его жена Елизавета Кольцова-Ротманова-Пестель и любимая женщина, немецкая журналистка Мария Грессгенер-Остен. Классический любовный треугольник в Советской стране, да не тайный, а вполне явный, на виду у всех.

Конечно, представлялся удобный повод взять Кольцова, что и было сделано. Впрочем, не будь этого повода, придумали бы что-либо иное. Кольцов для Сталина давно стал раздражите-

лем: вождь не любил людей, которые слишком высовывались, становились знаменитыми, популярными в народе, а Кольцов был чрезмерно заметной фигурой, со своей биографией и деяниями. Еще студентом в 1917 году участвовал в аресте царских министров, штурмовал Зимний, подавлял Кронштадтский мятеж, проник в логово русской бело- гвардейщины в Париже — к генералу Шатилову, писал героические репортажи о героях-челюскинцах и летчиках, имел официальное звание летчика-наблюдателя, академик, депутат, орденоносец, — словом, полный перебор. Да, еще его очень ценила сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова, и называла ласково «нотр Мишель». Короче, послужил — хватит, можно и в расход.

Жестокое время! Жестокие игры!

На Парижском конгрессе писателей в 1935 году Кольцов пламенно вещал о том, что теперь русские писатели могут разговаривать с западными собратьями по-другому — за их спиной больше нет ни каторги, ни всеобщей неграмотности, ни салтыковских помпадуров.

Да, царского гнета уже не было. Его сменил новый гнет — советский. Об этом Кольцов не обмолвился ни словом. Ему было трудно, а может

быть, даже и невозможно признаться в том, что идеалы, в которые он верил, оказались ложными. И, значит, надо перечеркивать всю свою жизнь. До последней минуты, по словам Бориса Ефимова, Кольцов «фанатично верил в мудрость Сталина». Не кто иной, как Кольцов, в 1929 году написал восторженный очерк «Загадка — Сталин». Да, Кольцов дружил с властью. Однажды один из сталинских сатрапов, Мехлис, расчувствовавшись, сказал Кольцову: «Михаил! У меня никогда не было братьев, и ты мне все равно как родной брат!»

Брат Мехлис это опасно! И вообще, как написал Осип Мандельштам: «Мы живем, под собою не чуя страны…» Кстати, какая разная судьба у Михаила Кольцова и Осипа Мандельштама! У одного получился роман с властью, у другого — нет. Только вот итог вышел один: растоптали обоих — Кольцова и Мандельштама.

Развязка наступила 13 декабря 1938 года. Накануне вечером, на открытом партийном собрании в Доме писателей, Кольцов делал большой доклад в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Литературная Москва до отказа заполнила зал писательского клуба. А на следующий день Кольцова арестовали.

Борис Ефимов с трудом попал на прием к пред-

седателю Военной коллегии Василию Ульриху, который председательствовал на всех крупных политических процессах 30-х годов.

— В чем его обвинили? — спросил Ефимов.

— Как вам сказать… — промямлил Ульрих, — различные пункты пятьдесят восьмой статьи…

— И он признал себя виновным?

— Э, какой вы любопытный! — сказал Ульрих со своей знаменитой иезуитской улыбочкой. — Довольно ершистый у вас братец. Колючий. А это не всегда полезно… А вам я советую спокойно работать и поскорее забыть об этом тяжелом деле.

Как ни странно, Борису Ефимову дали спокойно работать, он избежал репрессий. А его брат, Михаил Кольцов, погиб 2 февраля 1940 года, на 42-м году жизни.

Предчувствуя гибель, Кольцов сказал Марии Остен: «Уезжай во Францию. Не возвращайся, пока не скажу». Она уехала, но, узнав о случившемся, тут же бросилась на помощь Кольцову. Приехала в «страну чудес», где была арестована и расстреляна. За что? За любовь?! Потом, посмертно конечно, ее реабилитировали: не виновна…

Вот так трагически сложилась судьба легендарного Михаила Кольцова и его любимой женщины.

В романе «По ком звонит колокол» Хемингуэй в журналисте Каркове воплотил черты Кольцова: «Джордан не встречал еще человека, у которого была такая хорошая голова, столько внутреннего достоинства и внешней дерзости и такое остроумие».

«Хорошая голова», «внутреннее достоинство», «дерзость» и «остроумие» — все это и предопределило судьбу Кольцова.

Борис Ефимов нежно называл своего брата Мышонком. Мышонку режим дал сначала порезвиться всласть, а потом заманил в мышеловку. Она захлопнулась, издав надсадный металлический скрежет. Ловушка для Кольцова сработала.

Хозяин лавки метафор (Юрий Олеша)

Юрий Олеша прожил 61 год и ушел из жизни 10 мая 1960 года. О нем лучше всего сказал Александр Иванов:

Хоть писал он прозу, был поэтом.

Накоротке со славой был знаком.

«Трех толстяков» придумал, но при этом

Не стал ни богачом, ни толстяком.

Трагична участь талантливого писателя в условиях тоталитарной системы… Нужно резко меняться, приспосабливаться, мимикрировать, льстить, угождать, одним словом, капитулировать. О капитуляции, о сдаче и гибели Юрии Олеши рассказал в своей книге Анатолий Белинков, за которую он сам и поплатился в 1968 году.

Белинков так определил судьбу Олеши: «Он плыл на барже эпохи и не стремился переложить руль. Он катил в омнибусе отечественной словесности и не пытался повлиять на маршрут. Он понимающе улыбался, когда требовало время,

приплясывал, когда вынуждали обстоятельства, кивал, когда диктовал исторический процесс. И вообще он жил так, как будто бы его самого, его воли, его власти не существовало, а существовали только: эпоха, обстоятельства, закономерность, необходимость, процесс… Он думал, что для того, чтобы овладеть профессией значительного писателя, нужно не покладая рук создавать замечательные метафоры. Он не понимал, что нужны более важные вещи: смелость не слушать толпу, все решать самостоятельно, готовность к ежеминутной гибели, ответственность за все человечество, уверенность в том, что когда приходится выбирать между рабством и смертью, то нужно выбирать смерть».

Но в 30-е годы, в расцвет сталинской поры, мало у кого было мужество добровольно выбирать смерть. Люди лавировали. Лавировал и Юрий Олеша. 16 мая 1936 года на общемосковском собрании писателей, посвященном борьбе с формализмом и натурализмом в литературе и искусстве, Юрий Олеша говорил с трибуны: «У нас нет в жизни и деятельности государства самостоятельно растущих и движущихся линий. Все части рисунка сцеплены, зависят друг от друга и подчинены одной линии. Эта линия есть

забота и неусыпная, страстная мысль о пользе народа, о том, чтобы народу было хорошо. Это есть генеральная линия партии...»

А ведь в ту пору об Олешу уже вытирали ноги. Его критиковали и били: «Несносно это зрелище человека, который водрузил себя в центр мироздания и здесь осанисто примеривает на свой рост и вкус, на свое удовольствие или неудовольствие важнейшие события времени...» (Иван Катаев). Юрий Олеша боялся находиться в «центре мироздания» и пытался прикрыть голову «генеральной линией партии».

«Он не был человеком с биографией, в которой играл главную роль, — отмечал Белинков. — Он был человеком судьбы. Он только плыл и плыл не к назначенному месту, а туда, куда принесет волна...»

Да, Юрий Олеша выбрал конформизм, который и позволил ему уцелеть в тот грозный период, хотя уцелел он больше по случайности, ибо на Лубянке давно числился членом троцкистской организации и к тому же террористом (автор «Трех толстяков» в роли бомбометателя?!). Но так уж получилось, что «короля деталей» не взяли и он скончался на воле от элементарного инфаркта. Умер нищим писателем. Кстати, он долгие

годы носился с идеей написать роман «Нищий» — именно таким себя ощущал.

А как лучезарно начиналась жизнь! Уютный Елиза- ветград, где он родился. Затем Одесса, счастливые гимназические годы, увлечение поэзией.

Мелькнет крылатая косынка,
Запахнет сладостно левкой –
На улицах и в шуме рынка,
В садах, над сонною рекой…

В 1923 году Юрий Олеша переехал в Москву и стал сотрудником популярной тогда газеты «Гудок». Более 500 (!) фельетонов опубликовал он в «Гудке» под псевдонимом Зубило. Бичевал недостатки. Высмеивал мещан.

В 1927 году появился его роман «Зависть», который сделал ему имя. Роман открывался фразой-откровением: «А по утрам он пел в клозете». Герой «Зависти» интеллигент Николай Кавалеров — это не только «эго» самого писателя, но и некоторый автобиографический самооговор.

«Судьба моя сложилась так, что ни каторги, ни революционного стажа нет за мной. Мне не поручают столь ответственного дела, как изготовление шипучих вод или устройство пасек. Но

значит ли это, что я плохой сын века, а вы — хороший? — так пишет Николай Кавалеров другому герою «Зависти», Андрею Бабичеву. — Значит ли это, что я — ничто, вы — большое нечто?..»

Метания интеллигента в эпоху социализма — вот что описывал Олеша. В 1928 году вышел его роман- сказка «Три толстяка». Эта книга тоже принесла ему шумный успех. Значительно менее популярны были пьесы «Заговор чувств» и «Список благодеяний». Сюжет последней весьма примечателен. За границу едет советская актриса Елена Гончарова. Она везет в чемодане свой дневник, состоящий из двух тетрадей: список благодеяний Советской власти и список ее преступлений. Гончарова никак не может решить для себя, какой же из них вернее… Не мог решить и автор. Юрия Олешу мучила та же раздвоенность.

Собственные мучения и критика в его адрес литературных чиновников привели к двадцатилетнему молчанию писателя. Сценарии Олеши были запрещены, рассказы не печатали, о его творчестве ходили лишь устные легенды. Писатель, который, по словам Бориса Ямпольского, «был вырезан из чистого кристалла воображения», оказался не нужным. Ему приходилось

заниматься поденщиной: писать рецензии, переводить с туркменского, работать на радио. Постепенно от него уходила Слава. «Я акын из “Националя”», — печально говорил о себе Олеша. Он любил посидеть за пустым столиком в своем любимом ресторане, поболтать с кем-нибудь или просто смотреть по сторонам. «Я развлекаюсь наблюдениями», — признавался он. Его друг Исаак Бабель, видя, как часто Олеша прикладывается к бутылке, говорил ему: «Не налегайте, Юра… Я теряю собеседника». Но тот все «налегал» и «налегал».

В 1956 году имя его снова всплыло из небытия. Через 20 лет молчания и замалчивания вышел сборник «Избранное». Писатель Рахманов встретил Олешу в магазине. Мятый пиджак, седая щетина на щеках и угрюмый, пронизывающий взгляд исподлобья. Он стоял и слушал, как говорили: «87 копеек… 87 копеек… 87 копеек… Касса, Олешу больше не выбивать…»

Признание, увы, вернулось слишком поздно. После смерти Олеши Виктор Шкловский издал его автобиографическую книгу «Ни дня без строчки». «Это и биография писателя, и роман о его времени» — так написал в предисловии Шкловский. Цитировать книгу можно долго и с

упоением. Захватывающе грустные строки, но одновременно и мудро-поучительные. Сквозь отчаяние и усталость писателя прорывается его тяжелое алмазное перо. Ямпольский определил записки Олеши как «роман разрозненного сознания».

Вот только две выдержки:

«Я всю жизнь куда-то шел. Ничего, думал, приду. Куда? В Париж? В Венецию? В Краков? Нет, в закат».

«Я вспоминаю, что всю жизнь мешало мне жить постоянно появляющееся соображение, что, прежде чем начать жить спокойно, я должен отделаться вот от этой заботы… Забота рядилась в различные личины: то была романом, который я собирался написать (вот напишу роман и буду жить спокойно!), то квартирой, которую нужно было получить, то ликвидацией ссоры с кем-либо, то еще каким-нибудь обстоятельством. Однако, что бы ни было выполнено, я никогда не мог сказать себе: ну вот, наконец-то теперь я буду жить спокойно. Очевидно, самое важное, что надо было преодолеть, чтобы жить спокойно, это была сама жизнь. Таким образом, можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь: подождите, вот умру и

тогда буду жить!..»

Удивительно точно замечено, не правда ли?..

Юрий Карлович Олеша был из породы мастеров русской словесности. Именно он мог написать такую звучную и печальную фразу: «Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев».

«Я твердо знаю о себе, что у меня есть дар называть вещи по-иному… — признавался писатель. — На старости лет я открыл лавку метафор… Я предполагал, что разбогатею на моих метафорах. Однако покупатели не покупали дорогих; главным образом покупали метафоры «бледный как смерть» или «томительно шло время», а такие образы, как «стройная как тополь», прямо-таки расхватывались. Но это был дешевый товар, и я даже не сводил концы с концами. Когда я заметил, что уже сам прибегаю к таким выражениям, как «сводить концы с концами», я решил закрыть лавку. В один прекрасный день я ее закрыл, сняв вывеску, и с вывеской под мышкой пошел к художнику жаловаться на жизнь».

Как-то Юрий Олеша, чуть захмелев, все допытывался у своего молодого коллеги по перу Александра Гладкова:

— Нет, все будет хорошо. Правда? Я так думаю… Все будет хорошо! Да?

Хорошо для Юрия Карловича уже не стало. Валентин Катаев в повести «Алмазный мой венец» рассказывает, как однажды поздно ночью они с Олешей ждали трамвай. Олеша сказал: ничего не получится, я невезуч. В этот момент в темноте послышался перестук трамвайных колес. Но вдруг трамвай, не доехав до остановки метров двадцать, остановился и — уехал задом опять в темноту. Я же говорил, тоскливо сказал Олеша. Кажется, это едва ли не метафора его собственной литературной судьбы: трамвай был совсем рядом, но сесть в него так и не удалось.

«Три толстяка» начинаются такими словами: «Время волшебников прошло. По всей вероятности, их никогда и не было на самом деле…»

Нет, Юрий Карлович Олеша не прав. Он сам был волшебником. Владел лавкой самых сказочных метафор. Но, к несчастью, этот волшебник жил в жестокий прозаический век. Век-волкодав загрыз Осипа Мандельштама. И он же придушил Юрия Олешу.

«Как трепет бабочки жемчужной…» (К 100-летию Владимира Набокова)

Глаза прикрою – и мгновенно,
весь легкий, звонкий весь, стою
опять в гостиной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.

В. Набоков

«…Слушай, я совершенно счастлив. Счастье мое — вызов. Блуждая по улицам, по площадям, по набережным вдоль канала, — рассеянно чувствуя губы сырости сквозь дырявые подошвы, — я с гордостью несу свое необъяснимое счастье. Прокатятся века, — школьники будут скучать над историей наших потрясений, — все пройдет, все пройдет, но счастье мое, милый друг, счастье мое останется, — в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала, в улыбке танцующей четы, во всем, чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество».

В. Набоков

Набоков… «Лолита»… В сознании массового читателя (как говорил Набоков: «средних читателей», которым нравится, «когда им в привлекательной оболочке преподносят их собственные мысли») это сочетание привычно: автор и героиня одноименного романа оказались даже как бы повязаны. Но «Лолита» — всего лишь художественный вымысел, маленькая частичка богатейшей фантазии писателя. Интересно, а каким он был в жизни, этот самый эстетный, самый изысканный и самый загадочный писатель XX века?

Летом 1993 года в Коктебеле проходил Первый всемирный конгресс по русской литературе. В одной из его секций шла оживленная работа — дискуссия под названием «Владимир Набоков — русский писатель: ??? или !!!». К окончательному выводу, с каким оставить писателя знаком — с вопросительным или восклицательным, специалисты не пришли.

Спор о Набокове продолжается. В апреле 1999 года исполнилось 100 лет со дня его рождения, и в связи с юбилеем множество набоковедов пытаются разложить творчество и жизнь писателя по полочкам и ящичкам, чтобы лучше понять и классифицировать его. Но пусть гадают, спорят и

классифицируют без нас. Наша задача скромнее: хотя бы коротко рассказать о частной жизни Владимира Владимировича Набокова.

С 1943 по 1951 год в американских журналах появлялись главы из книги Набокова, которую принято считать автобиографической. И все же «Другие берега» — не автобиография в привычном смысле слова, это опять набоковский переплав, некое фантастическое преломление отдельных жизненных ситуаций и фактов. Как признавался сам писатель: «Я всегда был подвержен чему-то вроде легких, но неизлечимых галлюцинаций».

Примечательно, что классические автобиографические слова: «Я родился 10-го апреля 1899 года по старому стилю…» — повествователь произносит только в восьмой главе.

Кто стоял у корней набоковского древа? В клане Набоковых были военные, вице-губернаторы, средней руки помещики и даже комендант Петропавловской крепости (в период, когда туда был заключен Федор Достоевский).

В позднейшей книге «Говори, память» Набоков описывает свою прабабку Нину Шишкову, учинившую скандал парижскому портному за чересчур глубокое декольте на бальных платьях

ее дочерей и в результате попавшей в 1859 году на страницы газет. Жених одной из них также устроил скандал, попытавшись выбросить кого-то из окна. Этим женихом был будущий дед Набокова — Дмитрий.

Таких коллизий в истории рода Набоковых наберется немало, однако не будем шуршать дальней историей. А близкая такова: Владимир Набоков родился 10 апреля по старому стилю 1899 года в Петербурге в отделанном розовым гранитом особняке Набоковых. Сам он предпочитал называть дату своего рождения по новому стилю — 23 апреля, учитывая, что в этот день родился Шекспир. Шекспир, Англия — это так привлекало… «В обиходе таких семей, как наша, — вспоминал позднее Набоков, — была давняя склонность ко всему английскому… Я научился читать по-английски раньше, чем по-русски…» А еще в семье говорили по- французски, и таким образом Набоков рос трехъязычным ребенком.

В 16 лет и без того богатый отпрыск семьи сделался мультимиллионером — умер дядя Владимира Набокова со стороны матери и оставил ему наследство, что позволило юноше иметь два роскошных автомобиля — «бенц» и «роллс-ройс». Для того времени это было захватывающе инте-

ресно, и дети с улиц бегали за автомобилем юного Набокова с криками: «Мотор! Мотор!..»

Что составляло мир молодого Набокова? Он увлекался коллекционированием бабочек, с азартом играл в футбол, сочинял стихи и расширял свои знания в Кембридже. Роскошный и интеллектуальный мир новоявленного денди рухнул в 1917 году. Из Петербурга пришлось бежать в Крым. Тревожным апрелем 1919 года пароход под оптимистическим названием «Надежда» увез в эмиграцию супружескую чету Набоковых и пятеро их детей. Старшему, Владимиру, было 20 лет. Два десятилетия Набоков прожил в России и больше никогда в нее не возвращался. На корабле юноша не вздыхал тяжко и тем более не рыдал по утраченной родине. Он меланхолично писал стихи о кипарисах, о шелковой глади воды и о кристально чистой луне.

Начались тяжелые эмигрантские годы. Богатство и роскошь остались в России, и пришлось зарабатывать на жизнь нелегким трудом. В основном Набоков давал уроки. «Это обычно страшно утомляло меня, — вспоминал он. — Приходилось ездить из конца в конец города (речь идет о Берлине. — Ю. Б.). Я всегда вставал усталым. Писать приходилось ночью. Затем нужно

было тащиться с места на место ради уроков. В дождь. В домах, где я давал уроки, меня кормили обедом. Это было очень любезно. В одном месте еда была действительно поразительная. И они с таким удовольствием, так очаровательно кормили меня. Это осталось в памяти. Но были и другие. Они говорили после часового урока: «Извините, но мне нужно на работу, на работу…» И затем он ехал со мной в западную часть города, по дороге все время пытаясь заставить меня продолжить урок».

Набоков упорным трудом зарабатывал на жизнь и параллельно с тем же упорством поднимался по ступенькам литературной славы. В этом русско-английском мальчике были заложены мужество, стойкость и целеустремленность киплинговских героев. Короче, он сделал, вылепил себя сам, без поддержки Союза писателей СССР и без подкормки советских издательств. Действовал в одиночку, полагаясь лишь на свой, данный ему Богом талант.

Примерно до 1927 года у Набокова теплилась надежда на возвращение в Россию после падения Советов. «Не позже. Не позже. Но до этого была оптимистическая дымка. Дымка оптимизма. Думаю, что мы расстались с мыслью о возвращении

как раз в середине тридцатых. И это не имело большого значения, ибо Россия была с нами. Мы были Россией. Мы представляли Россию. Тридцатые были довольно безнадежными. Это была романтическая безысходность».

Еще раньше, 28 марта 1922 года, трагически погиб отец писателя — Владимир Дмитриевич Набоков, эта смерть окончательно сделала сына мужчиной. Он отбросил литературный псевдоним Вл. Сирин и стал для всех Владимиром Набоковым. Хотя кто-то на иностранный лад звал его Набокофф.

В пору, когда писатель приближался к своему 40-летаю, Зинаида Шаховская описывала его так: «Высокий, кажущийся еще более высоким из-за своей худобы, с особенным разрезом глаз несколько навыкате, высоким лбом, еще увеличившимся от той ранней, хорошей лысины, о которой говорят, что Бог ума прибавляет, и с не остросухим наблюдательным взглядом, как у Бунина, но внимательным, любопытствующим, не без насмешливости почти шаловливой. В те времена казалось, что весь мир, все люди, все улицы, дома, все облака интересуют его до чрезвычайности…»

Шло накопление земного и космического

материала? Сам Набоков признавался, что соглядатайство, наблюдательность были у него развиты до чрезвычайности. Он презирал тех, кто не замечает лиц, красок, движенья, жестов, слов, всего, что происходит вокруг. А что удивляться? Набоков был не только прозаиком, но и поэтом. И каким поэтом! Я бы рискнул назвать его философско-акварельным за глубину мысли и за краски деталей, за тончайшую нюансировку человеческого бытия. Не об этом ли говорит начало его стихотворения «Поэты» (июнь 1919):

Что ж! В годы грохота и смрада,
еще иссякнуть не успев,
журчит, о бледная отрада,
наш замирающий напев…
И, слабый, ласковый, ненужный,
он веет тонкою тоской,
как трепет бабочки жемчужной
в окне трескучей мастерской…

Согласно сложившейся легенде, Набоков был человеком мрачным, держался, как правило, холодно и надменно. Но вот «любимая сестра любимого брата» — Елена Сикорская (урожденная Набокова) — говорит иное: «Мрачным

я его вообще не помню — он был | очень веселым и жизнерадостным человеком. Постоянно шутил, у него даже были своеобразные ритуалы розыгрышей… Но в каких-то вещах Володя был, безусловно, человеком очень сдержанным — сдержанность вообще наша семейная черта, сказывалась строгость «английского воспитания» — у нас не принято выставлять напоказ свои эмоции. Зато мы все любим критиковать и даже высмеивать, а Володя был даже излишне ироничным и насмешливым…»

Но самое главное — Набоков был необыкновенно работоспособным, писал буквально с утра до вечера.

Итак, составляющие Набокова: талант, работоспособность, чувство гармонии и изящества, тонкая ирония и едкий сарказм. Некоторые критики находят у него много общего с Салтыковым-Щедриным. Это подтверждает и Зинаида Шаховская, «…но стилистическая грация первого оттеняет тяжеловесную поступь второго, — отмечает она. — Щедрин — тяжеловесный арденский конь, Набоков — английская чистокровка».

Однако оставим тему творчества Набокова литературоведам. Кто-то из них сказал: «Творчество Набокова можно рассматривать как прощальный

парад русской литературы XIX века». «Это писатель ослепительного литературного дарования, — так определил Владимира Набокова Александр Солженицын, — и именно такого, которое мы зовем гениальностью…»

Талантливый, гениальный, эталонный (есть и такое определение) — пусть в этом разбираются набоковеды. Поговорим лучше о любви Набокова к женщинам. И начнем с детства. Многие писатели влюблялись еще в раннем возрасте, но, пожалуй, Набоков лучше других сумел вспомнить и точно выразить первые проблески чувственного влечения к противоположному полу, впрочем, в искусстве «заклинать и оживлять былое», как он выразился, ему нет равных в отечественной и мировой литературе. .

В «Других берегах» Набоков вспоминает юные годы, когда они с мальчишками-ровесниками зачитывались воинственно-романтическим Майном Ридом; «истомленные приключениями, мы ложились на траву и говорили о женщинах». При этом, замечает Набоков, «невинность наша кажется мне теперь почти чудовищной…».

А самое первое безотчетно щемящее чувство возникло у Набокова на пляже в Биаррице, когда ему было 10 лет. У французской девочки Колетт

были приглянувшиеся Володе «шелковистые спирали коричневых локонов, свисавших из-под ее матросской шапочки».

«Двумя годами раньше, на этом же пляже, — вспоминает Набоков, — я был горячо увлечен другой своей однолеткой, — прелестной, абрикосово-загорелой, с родинкой под сердцем, невероятно капризной Зиной, дочкой сербского врача; а еще раньше, в Болье, когда мне было лет пять, что ли, я был влюблен в румынскую темноглазую девочку, со странной фамилией Гика. Познакомившись же с Колетт, я понял, что вот это — настоящее…»

Чувствуете шаловливую иронию Набокова? Позднее, когда ему было 12 лет, на его горизонте появилась еще одна однолетка, Поленька, дочка кучера, у которой было «прелестное круглое лицо, чуть тронутое оспой, и косящие светлые глаза…». Это была ОНА. «Боже мой, как я ее обожал!..» — восклицает в «Дальних берегах» писатель, выдавая свою тоску не по дочке кучера, а по ушедшему счастливому своему детству. «Странно сказать, — продолжает Набоков, — но она в моей жизни была первой, имевшей колдовскую способность наки- панием света и сладости прожигать сон мой насквозь…»

«Накипанием света и сладости» — это чисто набоковское восприятие и языковая стилистика.

Еще Набоков в разные годы был тайно или открыто влюблен во всех своих двоюродных сестер. А их было много. Но все это далекие подходы к истинной любви. Репетиции еще детского, но уже чуткого и необычайно отзывчивого сердца. Истинная любовь пришла к Набокову позднее.

Я думаю о ней, о девочке, о дальней,
и вижу белую кувшинку на реке,
и реющих стрижей, и в сломанной купальне
стрекозку на доске.
Там, там встречались мы и весело оттуда
пускались странствовать по шепчущим лесам,
где луч в зеленой мгле являл за чудом чудо,
блистая по листам…

Это «девочка» из юности Набокова, таинственная В. Ш., «русалочка», которую встретил петербургский гимназист Набоков. Под псевдонимом «Тамара» она проходит через книгу

воспоминаний «Другие берега», и она же являет собою прототип «Машеньки», первого романа Набокова. Ей же, В. Ш., посвящен и первый поэтический сборник 1916 года. Так кто она, первая любовь и первая муза Владимира Набокова? Валентина Шульгина.

«Я впервые увидел Тамару — выбираю ей псевдоним, окрашенный в цветочные тона ее настоящего имени, — когда ей было пятнадцать лет, а мне шестнадцать… Она была небольшого роста, с легкой склонностью к полноте, что, благодаря гибкости стана да тонким щиколоткам, не только не нарушало, но, напротив, подчеркивало ее живость и грацию. Примесью татарской или черкесской крови объяснялся, вероятно, особый разрез ее веселых черных глаз и рдяная смуглота щек. Ее профиль на свет был обрисован тем драгоценным пушком, которым подернуты плоды фруктовых деревьев миндальной группы…»

Набоков так рельефно описывает свою Тамару, что мы видим ее зримо. И далее пишет: «Ее юмор, чудный беспечный смешок, быстрота речи, картавость, блеск и скользкая гладкость зубов, волосы, влажные веки, нежная грудь, старые туфельки, нос с горбинкой, дешевые сладкие духи, все это, смешиваясь, составило необыкновенную,

восхитительную дымку, в которой совершенно потонули все мои чувства…»

Этот любовный роман стал известен отцу будущего писателя, и он прочитал сыну короткую лекцию о долге, о том, как оградить женщину от неприятностей, и, к своему огорчению, выяснил, что молодые уже вступили в интимную связь (это произошло в укромном уголке на одной из загородных лужаек), причем без каких-либо мер предосторожности. «Что? Ты удовлетворил девушку?!» — именно так, как рассказал Набоков своему биографу Эндрю Филду, воскликнул Набоков- старший.

«Жизнь без Тамары, — продолжал Владимир Набоков, — казалась мне физической невозможностью, но когда я говорил ей, что мы женимся, как только кончу гимназию, она твердила, что я очень ошибаюсь или нарочно говорю глупости…»

Может быть, ей подсказывала женская интуиция, что «безрассудный роман» так и останется романом. И действительно, все эти «встречи в лирических аллеях, в деревенской глуши, под шорох листьев и шуршанье дождя» в один прекрасный день закончились. Прекрасный ли? В этот день в России грянула революция. Она

развела, растащила людей по разным углам, грозно вмешалась в их судьбы. Пропала куда-то и Тамара. Как написал Набоков, она «опустила голову и сошла по ступенькам вагона в жасминном насыщенную тьму». Сказано по-набоковски, с щемящей печалью.

Они расстались, но неслись еще письма друг к другу. Тоска по утраченному прошлому жгла обоих, и оба понимали, что прошлое невозвратимо.

29 апреля 1921 года Набоков пишет стихотворение к В. Ш. о предположительной встрече, «если ветер судьбы, ради шутки» поможет им найти потерянное:

…мы встретимся вновь, – о, Боже,
как мы будем плакать тогда
о том, что мы стали несхожи
в эти глухие года;
о юности, в юность влюбленной,
о великой ее мечте;
о том, что дома на Мильонной
на вид уж совсем не те.

Ничто так не убивает любовь, как разлука. Шульгина и Набоков расстались навсегда. Но свято место пусто не бывает. Ушла одна женщина

— пришли другие. Потребность в Музе всегда жила в Набокове. В его сердце царило «вдохновенье, розовое небо…». В стихотворении 1932 года он обращается к вдохновенью напрямую:

Выходи, мое прелестное,
зацепись за стебелек,
за окно, еще небесное,
иль за первый огонек.
Мир быть может пуст и беспощаден,
я не знаю ничего,
но родиться стоит ради
этого дыханья твоего.

Дыханье вдохновенья обжигало Набокова, и, опаленный, он тянулся к белому листу бумаги…

Следует, однако, сказать, что, расставшись с романтической В. Ш. и одновременно с Россией, Набоков стал более прозаическим и менее рефлектирующим человеком. Уже на корабле «Надежда», увозившем его с родины, он завел роман с некоей поэтессой Аллой. А в Греции, куда они приехали, увлекся Надеждой Го- родковской. В Англии, куда затем перебрались Набоковы, у Владимира появились новые увлечения и связи. С Евой и Элизабет, с очаровательной официанткой

и с танцовщицей Мариной Шрейбер… В Кембридже у юноши одновременно завязались три крупных романа — в двух случаях женщины были старше его. Бывали, по выражению Набокова, и «шалости», и влюбленности. На одной из новых пассий — Светлане Зи- верт — Набоков чуть не женился в 1923 году. До этого он был помолвлен с Мариной Шрейбер, но получил от нее отказ, так как она хотела выйти замуж только за человека, который «оставит за собой что-то реальное, вроде моста». Но Набоков мосты не строил, он собирал бабочек. Стало быть, не подошел.

Неудачей кончилось и сватовство к одной из первых красавиц русской колонии в Берлине, Светлане Зиверт. По одной из версий, Набоков предложил ей сделать что-то не совсем приличное, какой-то «странного рода поцелуй». Свет (так он ее звал) рассказала родителям, те немедленно объявили Набокова извращенцем, и помолвка была расторгнута. Раздосадованный жених навсегда покинул Берлин.

Многие исследователи выражают сожаление, что Набоков не женился на Светлане Зиверт, ибо она была женщиной, весьма приверженной старому русскому образу жизни, и, следовательно, могла повлиять на художественный голос

Набокова, заставить его звучать более по-русски. Но это всего лишь предположение.

Вера Слоним, ставшая женой Набокова, была совсем иной женщиной и из другого круга, более западного и более радикального, чем сам Набоков.

Автор книги «Мир и дар Набокова» Борис Носик отмечает: «Вера, по признанию набоковедов всех школ и направлений, сыграла огромную роль в жизни писателя, была его музой и вдохновительницей, хранительницей очага и матерью его ребенка, его первой читательницей, его секретарем и машинисткой, критиком той единственной категории, которая способна писателю помочь (то есть понимающим, одобряющим и подбадривающим), его литературным агентом, шофером, душеприказчиком и биографом…»

Знакомство Владимира Набокова с Верой Слоним произошло в Берлине 8 мая 1923 года в издательстве ее отца (она там работала, а Набоков пришел обсудить условия перевода Достоевского на английский язык). А 15 апреля 1925 года Вера стала женой 26-летнего писателя. Это была классическая любовь с первого взгляда.

Зоркий глаз Набокова мгновенно оценил так называемое родство душ и «то, что его больше

всего восхищало в ней: ее совершенную понятливость, абсолютность слуха по отношению ко всему, что он сам любил».

В стихотворении «Встреча» (1 июня 1923 года) Набоков писал:

…Надолго ли? Навек? Далече
брожу и вслушиваюсь я
в движенье звезд над нашей встречей…
И если ты – судьба моя…
Тоска, и тайна, и услада,
и словно дальняя мольба…
Еще душе скитаться надо.
Но если ты – моя судьба…

Набоков решил: судьба. Для родственников подобный выбор был сомнительным. Естественно, дочь еврея Евсея Слонима, богатого лесопромышленника и лесоторговца (вскоре он разорился), не отвечала честолюбивым претензиям сановитой русской семьи Набоковых. Но и практичный тесть, Евсей Слоним, вряд ли считал удачным выбор его средней дочери (а их было три) в спутники жизни какого-то тощего поэта (поэзия не торговля, какая с нее может быть прибыль?!). Но сами молодые остались непреклонны в решении

соединить свои судьбы, хотя был момент, когда Набоков заколебался («а нужна ли мне жена?»). Но тут Вера Слоним проявила историческую решимость. Историческую потому, что под ее несомненным влиянием творчество Набокова еще более расцвело и вышло на новую, мировую орбиту.

Сначала супруги жили в Берлине, потом в Америке, а с 1961 по 1977 год избрали местом своего обитания небольшой городок Монтрё на берегу живописного Женевского озера, а в Монтрё — гостиницу «Монтрё- Палас».

«После России “собственного дома” у них никогда не было, вспоминает сестра Набокова. — “Вести дом , заниматься хозяйством, у них не было ни времени, ни желания. К тому же у Владимира и Веры полностью отсутствовало влечение к вещам. Просто невозможно представить, чтобы они купили себе, скажем… какую-нибудь вазу. Покупалось только необходимое, и ничего лишнего. Правда, в Монтрё они жили не совсем “гостиничной” жизнью, снимали практически небольшую квартиру: гостиная, кабинет, две спальни и кухня. В ресторан они спускались крайне редко, только когда кто-нибудь приезжал — готовить к ним приходила женщина, которая

делала самые простые обеды. Но уборка и прочее лежало, конечно, на гостиничном персонале, и это было для Володи и Веры очень важно, так как они были чудовищно заняты…»

Творчество, творчество было главным для Набоковых, а не ковры и не вазы, — впрочем, эта ремарка вряд ли образумит наших вещнолюбивых классиков советской и русской литературы, не говоря уже о богатых новорусских. У них свои приоритеты. Кстати, почти все сегодняшние мэтры недолюбливают Набокова. Так, к примеру, ныне покойный Владимир Максимов отмечал, что Набокова он «тоже застал», и каким? «…желчно-остроумный был человек». И о жене, Вере Евсеевне, в чисто совковом ключе: «…Такая постаревшая одесская еврейка. Она все говорила по-старому: «Господа, что будете: чай, кофе?» А Набоков в ответ: “Матушка, ну когда это я пил чай? Принесите пива”».

Максимов не одинок в своем прохладном отношении к Набокову. В книге Эндрю Филда «Жизнь и искусство Владимира Набокова» писатель представлен в совершенно негативном свете: сноб, гордец, игрок, фокусник, имморалист и эротоман. В КГБ хранится пленка с записью от 5 февраля 1967 года, на которой зафиксировано обсужде-

ние вопроса, можно ли приглашать Владимира Набокова в Советский Союз. Искусствоведы в штатском и советские коллеги западного мэтра были единогласны в том, что Набоков категорически не нужен советскому народу: «Читали! Дрянь! Порнография! Антисоветчина!..» В результате даже «приглашения на казнь» не последовало!..

А тем не менее Набоков продолжал будоражить души и перья журналистской и литературоведческой братии, и в Монтрё к волшебнику с Женевского озера слетались их целые стаи. В 1979 году был опубликован составленный Набоковым по собственным записям сборник, включающий 22 интервью, относящиеся к 60-м и началу 70-х годов, и несколько статей и писем к читателям. Этот сборник писатель назвал просто: «Ясные мысли». Как отозвался западногерманский «Шпигель», это мысли несгибаемого одиночки, придерживающегося весьма пестрых элитарных космополитических воззрений, русского по рождению, утонченного петербуржца по воспитанию, насквозь пропитанного западноевропейской культурой и при всем этом, как он сам с гордостью признавался гостю из «Пари ревю», «американца в той же мере, что и апрель в Аризоне».

Не так давно были изданы два тома набоковских писем. В этих «эпистолах» Владимир Набоков предстает не как разрушитель морали и не как игрок, для которого жизнь не более чем шахматная доска с передвигающимися фигурками, а как человек, полный нежности и бесконечно привязанный к своей жене. Легкоранимый Набоков сознательно ограничил себя семейным кругом, где его любили и почитали и где он не мог ни от кого ждать подвоха и обиды. В письмах и воспоминаниях писатель выглядит как человек тихий и «одомашненный». Впрочем, к чему спор, какой был Набоков! Главное: он был!

Своими размышлениями о самом себе он поделился в одном из стихотворений, написанном в Сан-Ремо в 1959 году:

Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей.
О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полом изумруде,
мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.

Почти самоэпитафия. Писатель определял жизнь следующими точными и печальными набоковскими словами: «Жизнь — только щель слабого света между двумя идеальными черными вечностями». Этот зазор слабого света исчез 2 июля 1977 года, и 68-летний мэтр и волшебник слова растворился в черной вечности.

Вдова писателя Вера Набокова-Слоним скончалась в 1991 году. Сын Дмитрий Набоков — в прошлом оперный певец, выступавший на одной сцене с Лучано Паваротти, ныне литератор и переводчик — бережно сохраняет память великого отца. Незадолго до смерти Владимир Набоков принес в комнату сына томик стихов Альфреда де Мюссе. «Отец говорил, что больше всего ненавидит в жизни тиранию, жестокость, глупость, грязь и бессмысленный музыкальный фон», — отметил Набоков-сын в одном из своих интервью.

Что еще осталось незатронутым в нашем коротком рассказе? Тема «Россия и Набоков»? В 30-е годы Владимир Набоков писал об отчаянии,

которое овладело им после того, как он покинул Россию и понял, что на родину нет возврата:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих…
И в конце:
Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд,
поздно, поздно, никто не ответит,
и душа никому не простит.

Набоков не простил этот мир. Но мы прощаем все его грехи, даже грехи его литературных героев — Гум- берта и Лолиты. Тем более что все мы, и это подчеркивал Набоков, перемещаемся по вертикали, от ангела к животному, от святости к греху. Увы. Такова человеческая природа.

Клоун советской поэзии (Николай Глазков)

Как удивительно порой меняются авторитеты! Не так давно, в советский период, тиражировалась своя звучная обойма имен: Сурков, Тихонов, Матусовский, Ошанин и прочие. В наши дни о них вспоминают все меньше, зато на слуху другие поэты — из бывшего второго-третьего и других дальних рядов, все те, кто раньше пребывал в тени обласканных властью поэтов. Сегодня они вырвались из тьмы забвения. Один из них — Николай Глазков (1919 — 1979).

Волжанин по рождению, Глазков более 50 лет про-*1* жил в Москве на Арбате. Это был удивительный человек. Поэт, эссеист, акгер (летающего мужика в «Андрее Рублеве» помните?), шахматист, боксер… «Глазков, — сказал о нем Евгений Евтушенко, — это русский Омар Хайям, но из нашего века, где существуют атомные бомбы и бюро пропусков…» Глазков был настоящий «анфан- террибль» литературных Союзов.

Я иду по улице,
Мир перед глазами,

И стихи стихуются
Совершенно сами.

Глазков — яркий пример того, как талантливый человек не может жить в тоталитарной системе, выламывается из нее. Каждый находил тогда себе нишу. У Глазкова была своя: ниша юродивого поэта, философа и клоуна одновременно:

Я поэт или клоун?
Я серьезен иль нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Глазкова долго не печатали: не певец, не фанфарист власти, а ёрник и циник, как считали чиновники от литературы. Первый сборник Глазкова вышел лишь в 1957 году, когда поэту было 38 лет, и вышел не в московском издательстве, а в калининском и назывался «Моя эстрада». Чиновники тайного смысла названия не поняли.

Да здравствуют мои читатели,
Они умны и справедливы!
На словоблудье не растратили
Души прекрасные порывы.

Надо отметить, что, хотя Глазков поздно при-

шел в официальную литературу, среди читающей публики он был известен давно, стихи его передавались из уст в уста.

Мне простите, друзья,
За милую странность,
Но не выпить нельзя
За мою гениальность!

В 1940 году Глазков собрал полное собрание своих сочинений (их было 187) и «издал» в трех экземплярах от руки (даже не на машинке). Своей книжечке он дал гриф «Сам-себе-издат», и таким образом именно Николай Глазков пустил по миру этот всем известный и тогда весьма роковой термин «самиздат».

Конечно, Глазков был типичным самиздатским автором, «рабом поэзии» в «море лжи». Сам себя он называл «юродивым из Поэтограда», «поэтом переулков», и все его строки пронизаны какой-то особой нежностью к простым людям и сдобрены изрядной порцией самоиронии. Кто, кроме него, мог написать такие строки о войне:

Бомбы падают у дач,
Где не следует;
Миллионы неудач

Нас преследуют.

Или вот это:

Те люди, совесть у кого чиста,
В атаку шли за родину, за Ста…
Нет! Люди воевали за Россию,
Речь о другом была для них пуста.

Так и жил этот удивительный человек, продолжатель традиций Хлебникова, «бравый солдат Швейк» тоталитарной эпохи. Издавался и не издавался. Много пил (а какой гений не пьет?), уходил в свои норы и отдушины от затхлой атмосферы официальной помпезной литературы, уходил от «большого стиля» в маленький, частный, интимный. Еще до войны — в 1938 году (страшно сказать: в год выхода Краткого курса ВКП(б)) — он написал в пику Эдгару По свой вариант поэмы «Ворон»:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.
Я спросил его: – Удастся
Мне в грядущие года

Где-нибудь найти богатство? –
Он ответил: – Никогда!
Я сказал: – В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимый? –
Он ответил: – Никогда!
Я сказал: – Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье? – Никогда!
И на все мои вопросы,
Где возможны нет и да,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: – Никогда!

Такое в прежние годы не только не могли напечатать, но за такое можно было и крепко схлопотать. Слава Богу, пронесло! «Надо быть очень умным, чтобы валять дурака», — как-то заметил Глазков. Ему все как-то сходило с рук — политика и любовь.

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:

Ее кусали муравьи,

Меня кусали комары.

И вот такие наскоки на держиморд-издателей:

Я лучше, чем Наполеон и Цезарь,

И эту истину признать пора:

Я никого на свете не зарезал,

Напротив, резали меня редактора!

Давно нет с нами Николая Глазкова, не дожил он до перестройки и гласности, до ГКЧП и последующих реформ-обвалов, всего того, что воплотилось в его гениальных строках:

Я на мир взираю из-под столика.

Век двадцатый – век необычайный.

Чем столетье интересней для историка,

Тем для современника печальней.

90-е годы оказались интереснейшими для историков и чересчур печальными для всех нас. Но опять же спасает Глазков:

Было очень много неудач,

Срывов, промахов, помех и сплетен…

Все же улыбайся, а не плачь,

Радуйся, что ты живешь на свете!

Ну что ж, хороший совет дал Николай Глазков. Простой и мудрый.

Возвращение Александра Галича

Он судит пошлость и надменность
и потешается над злом,
и видит мертвыми на дне нас,
и лечит на сердце надлом.
И замирает близь и далечь
в тоске несбывшихся времен,
и что для жизни значит Галич,
мы лишь предчувствуем при нем…

Борис Чичибабин. «Галичу», 1971

Ах, Россия, Расея -
Чем набат не веселье!

Александр Галич. «Китеж», 1974

Ошибка автора

Бывают в жизни непостижимые ошибки и проколы: я очень любил песни Александра Галича, но ни разу не видел его «живьем». Я не был вхож в бардовско-поэтический цех и даже не пытался в него войти. Я просто любил магнитофонные песни Галича. Любил заочно, издалека. В то прошедшее время это было настоящей отдушиной,

глотком свободы, катарсисом от застоя и одичалости.

Вместо живого Галича весной 1998 года я увидел могильный крест поэта, драматурга и барда на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем, с надписью: «Блаженный изгнанник правды ради». Рядом могилы Ивана Бунина, Виктора Некрасова, Андрея Тарковского…

Призывают: спешите делать добро. Говорю и я: обязательно встречайтесь с теми, кого любите. Не опаздывайте!..

Эти записи о Галиче — как искупление личной не- встречи.

Советский период

Александр Галич родился 19 октября 1918 года в Ека- теринославе. Вообще-то он родился 20 октября, но дядя Галича, известный литературовед-пушкинист Самуил Гинзбург, очень почитал день лицейского братства, и день рождения маленького Александра стали отмечать 19 октября, а уже потом эта дата утвердилась во всех справочниках и энциклопедиях.

Во втором томе «Литературной энциклопедии» (1964) о Галиче написано так: «…рус. сов. драматург. Автор пьес «Улица мальчиков» (1946),

«Вас вызывает Таймыр» (в соав. с К. Исаевым, 1948), «Пути, которые мы выбираем» (1954; др. назв. «Под счастливой звездой»), «Походный марш» («За час до рассвета», 1957), «Пароход зовут «Орленок» (1958) и др. Г. написал также сценарии кинофильмов «Верные друзья» (совм. с К. Исаевым, режиссер М. Калатозов), «На семи ветрах» (режиссер С. Ростоцкий) и др. Комедиям Г. свойственны романтич. приподнятость, лиризм, юмор. Г. — автор популярных песен о молодежи».

Итак, романтическая приподнятость. Одну из песен Галича, «До свиданья, мама, не горюй!..», пела вся страна. То есть первоначальный настрой: «главное, ребята, сердцем не стареть...» Так всех нас воспитывали. Таким романтически настроенным юношей был и Галич и поэтому без особых осложнений вписался в интерьер советской жизни. Его ранние стихи заметил и похвалил Эдуард Багрицкий в «Комсомольской правде», а первая публикация была в «Пионерской правде».

В конце 30-х годов Галич одновременно учился в двух вузах — в Литературном институте и на актерском факультете Студии Станиславского. «Перед весенними экзаменами, — вспоминает Га-

лич в автобиографической повести «Генеральная репетиция», — меня остановил Павел Иванович Новицкий, литературовед и театральный критик, который и в институте, и в Студии читал историю русского театра, — и характерным своим ворчливым тоном сказал:

— На тебя, братец, смотреть противно — кожа да кости! Так нельзя… Ты уж выбери что-нибудь одно…

Помолчав, он еще более ворчливо добавил:

— Если будешь писать — будешь писать… А тут все- таки Леонидов, Станиславский — смотри на них, пока они живы!

И я бросил институт и выбрал Студию».

Любопытно: на экзаменационном листе Галича председатель приемной комиссии народный артист СССР Леонид Леонидов вывел: «Принять. Артистом не будет, но кем-нибудь обязательно станет».

И все же, прежде чем стать драматургом и поэтом, Галич немного поактерствовал.

«Впервые я увидела 22-летнего Сашу Галича (тогда еще Гинзбурга) в 1941 году перед войной в нашумевшем спектакле «Город на заре». Он играл одну из главных ролей — комсорга строительства ортодокса Борщаговского, превратившего моло-

дежную стройку в концлагерь», — вспоминает Марина Строева, нынешний доктор искусствоведения.

Дальше — фронтовой театр. Параллельно актерство и сочинительство. Знаменитый Александр Таиров заметил молодого драматурга и хотел поставить его пьесу «За час до рассвета», но театр был разогнан, и эту пьесу позднее поставил Николай Охлопков.

В 1948 году в Театре сатиры с триумфом прошла лирическая и вместе с тем блещущая остроумием комедия Галича «Вас вызывает Таймыр». Знакомые то и дело звонили по телефону и, шутя, говорили: «Вас вызывает Таймыр».

В конце 40-х — начале 50-х годов Галич был на пике популярности. Ему хорошо писалось и хорошо пелось (он давно дружил с гитарой). Его пьесы шли во многих театрах Москвы, художественные ленты и мультфильмы по его сценариям демонстрировались на экране, от «Трижды воскресшего» до мультяшки «Упрямое тесто».

Галич — член двух творческих союзов: писателей и кинематографистов. Его печатают, ставят, читают, смотрят, любят. Он нарасхват. Он почти всем нравится — «высокий, черноглазый, усатый, какой-то гаскон- ский» (Ольга Кучкина). Эдакий

советский мушкетер, только вместо шпаги — перо и гитара. И вдруг…

Антисоветский период

Нам сосиски и горчицу -
Остальное при себе,
В жизни может все случиться -
Может «А», а может «Б»...

Александр Галич

Вдруг случилось невероятное: Галич променял сытую, красивую, благополучную жизнь на тревоги и хлопоты. Неожиданно для многих он бросил смертельный вызов власти, казавшейся тогда монолитной и неодолимой. Перестал сочинять фальшиво светлые комедии и сценарии про советскую действительность и запел о своем народе и о своей стране чистую правду. На фоне официальной лжи она звучала резко и громко.

Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши.
Им, по справке, выданной МИДом,
От семидесяти – и выше.
Откружили в боях и вальсах,
Отмолили годам продленье...
И в сведенных подагрой пальцах
Держат крепко бразды правленья...

С годами к Галичу пришло понимание и про-

зрение, что это за власть и какова ей истинная цена. «К чиновной хитрости, к ничтожному их цинизму я уже давно успел притерпеться, — признавался Галич. — Я высидел сотни часов на прокуренных до сизости заседаниях — где говорились высокие слова и обделывались мелкие делишки…»

Но чаша переполнилась, и Галич решительно порвал со своей ролью, как он сам выразился, «благополучного сценариста, благополучного драматурга, благополучного советского холуя. Я понял, что я так больше не могу, что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду».

Чиновники, партбоссы и прочие вершители человеческих судеб стали объектами его яростной сатиры («…что у папаши ее пайки цековские, а по праздникам кино с Целиковского…»). А еще он ненавидел богачей, первачей, палачей…

Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем – доходней молчанье,
Потому что молчание – золото.
Вот так просто попасть в богачи,
Вот так просто попасть в первачи,

Вот так просто попасть в палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи! –

так Галич язвил и одновременно сокрушался в своем «Старательском вальске». В балладе «Ночной разговор в вагоне-ресторане» Галич сочно представляет историческую картину разоблачения культа личности:

Заявился к нам в барак
«Кум» со всей охраною.
Я подумал, что конец,
Распрощался матерно…
Малосольный огурец
Кум жевал внимательно.
Скажет слово – и поест,
Морда вся в апатии.
«Состоялся, дескать, съезд
Славной нашей партии.
Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения».
Кум докушал огурец

И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не Отцом, а сукою…
Полный в общем ататуй,
Панихида с танцами!
И приказано статуй
За ночь снять на станции!..»

Галич пел про зеков, про лагеря. Его спрашивали: «Александр Аркадьевич, ну не может быть, чтобы вы не сидели в лагере?»

Нет, не сидел, но явственно видел и ощущал, что лагерь был не только в Магадане, лагерь был везде, повсеместно, в том числе и в Москве, всюду, где попирались человеческие свободы, где правили бал палачи.

Он иронизировал. Шутил. Но становилось «от шуточек этих зябко», как говорил персонаж одной из его песен.

Несомненно, в Галиче был определенный заряд ненависти, но было в нем и другое, что подметил премудрый академик Дмитрий Лихачев: «Он не злой был… он был больной страданиями народа».

Галич четко различал, что Власть и Россия — не одно и то же. Власть — надутая, чванливая,

наглая и без конца и края помпадурствующая. А Россия — бедная, затюканная, исстрадавшаяся людская масса, которая всем бедам и напастям противопоставляет свои маленькие радости, для нее «готовит харчи Нарпит»:

Получил персональную пенсию,
Завернул на часок в «поплавок»…

Или знаменитое:

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило…

Другой вариант:

Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!..

И вообще «полстраны сидит в кабаках». Ну а «шизофреники вяжут веники».

Ах, у психов жизнь –
Так бы жил любой!
Хочешь – спать ложись,
Хочешь – песни пой.
Предоставлено

Им вроде литера –
Кому от Сталина,
Кому от Гитлера!..

Это нынешнему поколению покажется, возможно, странным, что вот-де Галич надрывался, как и Высоцкий, пел и кричал правду, ну, мол, и что?! Сегодня все кричат. Стучат касками. Ложатся на рельсы. Бьются за свои зарплаты и пенсии. Сегодня крик недовольства и правды — рядовое явление. А тогда, в золотые годы социализма и КГБ, молви одно неосторожное словечко — и сразу каюк. Поэтому в те времена мало кто отваживался на критику, в основном все держали фигу в кармане, интеллигенты выпускали пар на кухнях, люди искусства и литературы отводили душу в подтекстах, намеках и аллюзиях. Сколько тогда было храбрых? Да считанные по пальцам единицы (Солженицын, генерал Григоренко да еще несколько имен). Среди этих смельчаков был Александр Галич со своим советом: «Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!..»

Идут мимо нас поколенья,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье

Дают нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой…

Александр Галич был опасен царям и псарям социализма, ведь он не хотел жить в неволе и декларировал:

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю свободу
И – свистите во все свистки!

Сначала власти терпели, скрипели зубами, позволяли выступать — подальше от столицы, в академгородках. Галич там выступал с неизменным успехом. В 1968 году на фестивале песни в Новосибирске ему вручили серебряную копию пера Пушкина и почетную грамоту Сибирского отделения Академии наук СССР, где было написано: «Ваше творчество предвосхищает и подготавливает грядущее нашей Родины… и мы восхищаемся не только Вашим талантом, но и Вашим мужеством».

Песни

В Советской России было три великих барда: Булат Окуджава, Владимир Высоцкий и Александр

Галич. Все три разные, но все замечательные. Тихий и интеллигентный Булат, рвущий душу и гитару Высоцкий, ироничный и язвительный Галич. Но, пожалуй, из всех троих Галич ближе всего к высокой литературе, к настоящей словесности. Песни Галича — явление изначально литературное. В своих песнях-балладах он использовал широкий спектр лексических средств, от возвышенно-торжественных слов до грубо-просторечных («никаких вы не знали фортелей…»).

«Его поэзия отличалась такой остротой содержания, таким напряжением гражданского пафоса, — свидетельствовала писательница И. Грекова, — что действовала ошеломляюще».

Карусель городов и гостиниц.

Запах грима и пыль париков…

Я кружу, как подбитый эсминец,

Вдалеке от родных берегов…

(«Старый принц»)

А последний шарманщик – «обломок империи»

Все пылил перед Томкой павлиньими перьями,

Он выламывал, шкура, замашки буржуйские:

То, мол, теплое пиво, то мясо прохладное!

А шарманка дудела про сопки маньчжурские,

И спала на плече обезьянка прокатная.

– Тихо вокруг, Ветер туман унес…

(«На сопках Маньчжурии»)

Песни Галича распространялись по стране с быстротой эпидемии гриппа. Галичем «заболевали» сразу и надолго. Невозможно было без внутренней слезы слушать его песни, такие, как «Облака», «Мы похоронены где-то под Нарвой», «Петербургский романс» и эту, с надсадом:

Уходят, уходят, уходят друзья,

Одни – в никуда, а другие – в князья…

Все три барда — Окуджава, Высоцкий и Галич — по-своему выразили эпоху. Как отметила Мария Роза нова: «Мы рождались на песнях Окуджавы, зрели и многое понимали на песнях Высоцкого, а сражались уже под песни Галича». Не без помощи этих поэтов- бардов рухнула ненавистная

советская империя зла. Что произошло дальше, включая сегодняшний день, — не вина поэтов. Вина — капитанов и рулевых, наследников коммунистического прошлого, бросивших корабль «Россия» на рифы и скалы. Но это, как говорится, отдельная песня.

Галич же — кровный наследник совсем другого: наследник великой русской литературы. В его песнях — отголоски творчества многих выдающихся сатириков — Салтыкова-Щедрина, Михаила Булгакова, Михаила Зощенко, Даниила Хармса. И, конечно, он следовал традиции некрасовской поэзии, с ее болью за народ, что заметил Корней Чуковский. А еще Александр Галич подхватил темы трех других Александров — Полежаева, Блока и Вертинского.

По признанию отца Александра Меня (Боже, сплошные Александры!): «…Окуджава пел о простом, человеческом, душевном после долгого господства казенных фраз. Галич изобразил в лицах, в целой галерее лиц, портреты нашей трагической эпохи…»

Если у Булата в песнях часто действуют абстрактные гусары и драгуны, музыканты и скрипачи, то у Галича — вполне конкретные люди с точным социальным адресом. Пьяный

истопник, поведавший историю про физиков, которые «на пари раскрутили шарик наоборот»:

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда…
А шарик вертится и вертится,
И все время не туда!..

Или Галич поет про «останкинскую девочку» Лену Потапову, милиционершу, которая неожиданно для всех вышла замуж за африканского принца. Про директора антикварного магазина № 22 Копылова, попавшего в психиатрическую больницу. Или вот Клим Петрович Коломийцев, мастер цеха, член парткома и депутат горсовета, выступающий на митинге по шпаргалке:

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я, и не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:
«Израильская, – говорю, – военщина
Известная всему свету.
Как мать, – говорю, – и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая –
Все счастье – мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..»

Галич остроумно показал, как из людей делали говорящих марионеток: они вещали то, что им подсказывала в своих интересах власть.

А как едко высмеял Галич «прочность» советской семьи в песне «Красный треугольник»:

А вернулась, ей привет – анонимочка,
Фотоснимок, а на нем – я да Ниночка!
Просыпаюсь утром – нет моей кисочки,
Ни вещичек ее нет, ни записочки…

В песнях Галича отображена вся наша прежняя жизнь в ее искореженных реалиях и подчас анекдотических деталях.

Евреи

Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков.

Александр Галич

Галич был евреем по рождению, он родился в семье Аркадия и Фейги Гинзбург. Но рос неверующим, а в юные годы был отчаянным комсомольцем и атеистом. В семье в иудаизм верил только дед Галича, читавший по ночам Тору. Сам Галич в зрелые годы говорил: «Если когда-нибудь я поверю, то приму только православие. Еврейская вера хороша, но слишком сурова». И тем не менее в его песнях евреи появляются довольно часто. Он откровенно презирал холуйствующих евреев:

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если станешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Росинантом,
И украсят лапсердак аксельбантом.
Но и ставши в ремесле в этом первым,
Все равно тебе не быть камергером,
И не выйти на елее в Орфеи…
Так не шейте же вы ливреи, евреи!

Галич понимал не только внешне, но и изнутри

проблему антисемитизма в стране. Вот, к примеру, пассажир из «Веселого разговора»:

Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алешей.
Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший.

Ах этот милый, так называемый бытовой антисемитизм… Диалог в «Вальсе-балладе про тещу из Иванова». Теща с дочерью о зяте: «- Сам еврей? — А что? — Сиди, не рыпайся. Вон у Лидии без ноги да с язвою…» А тут вроде с ногами и без язвы, но вот, однако, червоточина: еврей. А вот горько-смешная история о русском майоре, который потерял документы и решил шутки ради назваться евреем, на что органы пришли в ярость:

Мы тебя не то что взгреем,
Мы тебя сотрем в утиль!
Нет, не зря ты стал евреем,
А затем ты стал евреем,
Чтобы смыться в Израиль!

Рассказывая о злоключениях евреев в России, Галич оставался не «жильцом», а сыном Оте-

чества, которое он очень любил и из которого никуда не собирался выезжать, тем более для того чтобы «жрать свою мацу» в Израиле.

Жены

Ныне публикация «без женщин» — считай, материал в корзину, это еще точно определил сам Галич:

А как вызвали меня, я свял от робости,
А из зала мне кричат: «Давай
подробности!»
Все, как есть,
ну, прямо все, как есть!..

«Все, как есть» — не хочу. А вот коротко скажу: официально Александр Галич был женат дважды: пер

вая жена — красавица, актриса Валентина Архангельская. Вторая — Ангелина, племянница легендарной Матери Марии, из дворянского рода Караваевых. Женщина умная, тонкая, образованная, она забросила все свои дела ради Галича и его творчества. Буквально растворилась в нем.

Ангелина Николаевна (Нюша — в быту) никогда не устраивала сцен ревности вечно молодящему-

ся супругу. Она действовала иначе. Когда Галич в окружении щебечущих поклонниц отправлялся в дом творчества ВТО, выбирала самую опасную, на ее взгляд, соперницу и невинно просила ее последить за Сашей: «Я на вас очень надеюсь! Вот это лекарство надо давать каждые полчаса, оно предотвратит сердечный приступ. Заранее вам благодарна. Сашенька — такой легкомысленный, не думает о своем здоровье…»

Прием действовал безотказно.

Галич по натуре был увлекающимся человеком. «В романе с женщиной для него был важен не результат, а процесс, — рассказывает дочь поэта Алена Архангельская-Галич. — Он пользовался у женщин огромнейшим успехом. Он умел себя держать, умел разговаривать. Был такой смешной случай: мы пришли в комиссионку покупать мне пальто, и папа просит меня отойти в сторону, чтобы он мог разговаривать с продавщицей «нежно-половым» голосом. И продавщицы таяли и вынимали замечательные вещи из-под прилавка. И тогда папа подзывал меня…»

Юрий Нагибин в своем дневнике оставил такую характеристику Александра Галича: «Он был пижон, внешний человек, с блеском и обаянием, актер до мозга костей, эстрадник, а сыграть ему

пришлось почти что короля Лира — предательство близких, гонения, изгнанье…»

Гонения «В шестьдесят восьмом году, — рассказывал Галич на Западе, — мне было запрещено выступать публично..

В Советском Союзе, кстати, нет такой формулы «за-

прещено». Мне было «не рекомендовано». (Смех в зале.) Меня вызвали в соответствующие инстанции и сказали: «Не стоит. Не стоит… Мы не рекомендуем». Я продолжал выступать в разных квартирах у моих друзей. Иногда даже у совсем незнакомых людей: кто-нибудь из друзей меня туда звал, и я выступал…»

Галичу не только запретили выступать публично в общественных залах, но и сняли его имя с титров фильма, где он был автором сценария. По указке высокого партийного начальства его исключили 29 декабря 1971 года из Союза советских писателей. «Когда и почему свихнулся Галич? — писала «Неделя». — По времени это случилось в начале 60-х годов, когда он практически бросил литературную работу и занялся сочинительством и исполнением под гитару полублатных, а чаще клеветнических песен. Причины? Может быть, творческий срыв? Заниматься сомнительным

стихоплетством, конечно, легче, чем писать драмы, а клеветать, разумеется, проще, чем критиковать… Или кризис моральный? Пьянки, дебоши, неразборчивые амурные связи Галича. В мае 1968 года секретариат московской писательской организации предупредил Галича. Ему дали время образумиться. Но Галич не унимался…»

Вот так грязно и разнузданно писали о нем. Злопыхательствовал главный редактор «Огонька» Анатолий Софронов: «Галич был и остается обычным блатным антисоветчиком». Обидные слова в адрес поэта и барда бросил Александр Арбузов: «Галич был способным драматургом, но ему захотелось еще славы поэта — и тут он кончился!»

Кто-то назвал Галича даже «мародером». Позднее он ответил: «Историки разберутся — кто из нас мародеры…» Но вся эта лавина зубодробительной критики была предсказана самим бардом:

И лопается терпенье
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак…

Постыдная история. Кто-то безропотно выпол-

нял волю сверху, кто-то хотел быть святее папы римского,

а кто-то поливал грязью исключительно из-за литературной зависти, впрочем, такой расклад наблюдался и ранее, при линчевании Бориса Пастернака. Кстати, одно из лучших стихотворений Галича посвящено опальному поэту:

«Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела».
Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!
А зал зевал, а зал скучал –
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!
И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу –
Голосованьем!..

Три инфаркта — цена гонений Александра Галича. И надо вспомнить, что его отлучили не только от Союза писателей, но и от Литфонда, и от медпомощи. Естественно, ему, больному человеку, сердечнику, в последние годы было худо физически и психологически.

К 1973 году жизнь Галича стала совсем невыносимой. Норвежский театр, зная его бедственное положение, прислал ему приглашение на семинар по творчеству Станиславского. Но ничего из этой благородной затеи не вышло: Галича несколько раз вызывали в ОВИР и столько же раз отказывали ему в поездке. Наконец его вытолкнули из страны по израильской визе. Предложили в десять дней уехать из Советского Союза, сказали, что либо он уезжает за рубеж, либо остается в СССР, но едет на Север. То есть: эмиграция или высылка! Такая вот «свобода перемещения»!..

Что ж, прощай, мое Зло, мое доброе Зло.

Ярым воском закапаны строчки в псалтири,

Целый год благодати в безрадостном мире –

Кто из смертных не скажет, что мне

повезло?!

Что ж, прощай, мое Зло!..

Это строки из стихотворения «Заклинание Добра и

Зла», написанного в Москве 14 июня 1974 года. А уже в Норвегии Галич написал так:

Мы бежали от подлых свобод,

И назад нам дороги заказаны.

Мы бежали от пошлых забот

Быть такими, как кем-то приказано.

И горький вздох-вывод:

Мы тождественны в главном – мы беженцы…

Перед отъездом Александр Галич принял православную веру. Обряд крещения совершил Александр Мень. «И в первом же разговоре, — вспоминал отец Александр, — я ощутил, что его «изгойство» стало для поэта не маской, не позой, а огромной школой души… Его вера не была жестом отчаяния, попыткой куда-то спрятаться, к чему-то примкнуть, лишь бы найти тихую пристань. Он много думал. Думал серьезно. Многое пережил. Христианство влекло его…»

Разуверившись в земных ценностях, Галич искал «доброго Бога».

Он снимает камзол, он сдирает парик.
Дети шепчутся в детской: «Вернулся старик».

Что ж — ему за сорок, немалый срок,

Синева, как пыль, – на его губах…
«Доброй ночи, Бах», – говорит Бог,
«Доброй ночи, Бог, – говорит Бах, –
Доброй ночи!..»

Таможенник на границе не хотел пускать Галича с крестом в самолет. Последнее унижение. Но Галич настоял на своем и не снял крест. Изгнанный, но не побежденный взошел он на трап авиалайнера.

Поэт покинул родину 24 июня 1974 года, в этот печально знаменательный для себя день он записал: «Сегодня собираюсь в дорогу — в дальнюю, трудную, извечно и изначально — горестную дорогу изгнания…»

Вначале он уехал в Норвегию, затем жил некоторое время в Мюнхене, а потом в Париже.

Как могу я не верить в дурные проро-

чества:

Не ушел от кнута, хоть и бросил поводья.

И средь белого дня немота одиночества

Обступила меня, как вода в половодье…

На Западе

По свидетельству дочери, на Западе Александр Галич отнюдь не бедствовал: «У него там было все — признание, пластинки, книги, концерты, у него было даже две работы — радио «Свобода» и еще он редактировал в английской энциклопедии раздел русской поэзии. Он был достаточно обеспеченным человеком, у него была прекрасная квартира…»

Прервем цитату и отметим, что на Западе вышли сборники его стихов «Песни», «Поколение обреченных», «Когда я вернусь…», а также автобиографическая книга «Генеральная репетиция» (1974). А теперь завершим цитату дочери Алены: «Но у него постоянно было ощущение несвоей жизни».

Можно сказать так: Галич был очень русским человеком и очень связанным с прошлым и на-

стоящим своего народа, он был, как говорится, плоть от плоти его. Свои передачи на радиостанции «Свобода» начинал с песни «Когда я вернусь…». Эта песня была его позывными.

Когда я вернусь…
Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли,
по февральскому снегу,
По еле заметному следу – к теплу
и ночлегу –
И вздрогнув от счастья, на птичий твой
зов оглянусь –
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..

Он не вернулся: Вернулись лишь его стихи, песни и книги.

Смерть

15 декабря 1977 года — последний день жизни Александра Галича (он прожил 59 лет и без четырех дней два месяца). В тот последний день он приобрел радиоприемник «Грюндиг» и страшно

радовался своему приобретению. Жене Ангелине, ушедшей из дома за сигаретами, сказал: «Вернешься, услышишь необыкновенную музыку». Он любил «чистый», бархатный звук.

Когда жена вернулась, Галич был мертв. Он лежал с обугленной полосой на руке и зажатой в кулаке антенной. Смерть от несчастного случая? Такова была официальная версия врачей. Неофициальная версия: убрали спецслужбы. Вместе с КГБ почему-то называли и ЦРУ.

Что произошло на самом деле, мы не узнаем никогда, ибо уход Галича был из того самого разряда загадочных и таинственных смертей (если хотите: от президента Кеннеди до генерала Рохлина).

Лев Копелев сказал наиболее точно: «Умер на чужбине чужой смертью».

Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Бьют колокола…
Первый сон, последний сон…
Так и жизнь прошла!

Так заканчивается одно из последних стихотворений Галича «Там, в заоблачной стране…».

Ангелина Николаевна, жена Галича, погибла через 9 лет при очень странных обстоятельствах: якобы от не- затушенной сигареты начало тлеть одеяло, а далее смерть от удушья. А в результате: ушла из жизни важная свидетельница жизни и кончины Александра Галича. Примечательно: со смертью вдовы исчез и архив поэта. И концы в воду…

Эпилог

Конечно, у каждого времени свои певцы и песни. После ухода Галича выросло новое поколение. Но Галича нельзя забыть. Он — часть нашей истории. Он был, как выразился Леонид Плющ, Гомером опричного мира. А Владимир Буковский продолжил: «Каждая его песня — это Одиссея, путешествие по лабиринтам души советского человека».

В разгар всемирного угарища,
Когда в стране царили рыла,
нам песни Александра Галича
пора абсурдная дарила, –

писал Борис Чичибабин. А вот строки и самого Александра Галича:

А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на виду…
И все это было когда-то уже,
В таком же кромешном году!..
…А что до пожаров – гаси не гаси,
Кляни окаянное лето –
Уж если пошло полыхать на Руси,
То даром не кончится это!..

Когда это написано? В ноябре 1971 года, много лет назад, а звучит устрашающе актуально. Гомера нет. Разрушена советская Троя. А мы все — беженцы в новом «кромешном году». Таков печальный итог российской мистерии. Утешает одно: итог не окончательный, а лишь промежуточный. Так или иначе, Александр Галич нисколечко не устарел. Он и сегодня звучит злободневно.

Москва-Петушки, далее бездна, или Шаги Командора по кличке Ерофеич

«Кто поручится, что наше послезавтра будет не хуже нашего позавчера».

Венедикт Ерофеев

Юбилей без юбиляра

24 октября 1998 года Венедикту Ерофееву исполнилось бы 60 лет. По существу, это был первый его юбилей (50-летие, кроме друзей и собутыльников, никто не отмечал). И вот звонкая, на всю Россию, дата. Юбилей без юбиляра (Веничка прожил 51 год). Ну и как оценить юбиляра? Один из критиков нашел точные слова: «После Карнавала, или Вечный Веничка».

Почему карнавал? Да потому, что вся советская действительность представляла собой сплошной карнавал — шествие с масками и плясками смерти. Мы жили в перевернутом мире человеческих ценностей, изрядно сдобренном трупным запахом (террор, ГУЛАГ, безысходное пьянство и добровольное самоубийство как спасение). А

Вечный Веничка? Это наша русская ментальность. Веничка — это определенный тип русского человека, талантливого созерцателя, не востребованного жизнью и сознательно уклоняющегося от нее. Таланта — ще и умница без меры. «Самый русский из всех наших писателей, после Розанова», «не выходя из тени родных осин, осознающий и воспринимающий себя в западном контексте от Баха до Сартра» (Петр Вайль). Естественно, не признанный. Сам Венедикт Васильевич говорил: «А я, хоккейно выражаясь, забытый и пропущенный».

И принимайте таким, какой он есть.

Петушки – наш тоскующий град

«Я вышел из дому, прихватив с собой три пистолета: один пистолет я сунул за пазуху, второй – тоже за пазуху, третий – не помню куда. И, выходя в переулок, сказал: «Разве это жизнь? Это не жизнь, это колыхание струй и душевредительство».

Венедикт Ерофеев.

«Василий Розанов глазами эксцентрика».

Венедикт Ерофеев — автор бессмертной поэмы «Москва-Петушки» (бессмертной — без всякого преувеличения). «Все мы вышли из “Петушков”» — это не только надпись на первой изданной в России антологии поэтов новой волны. Это правда. Сначала была «Шинель», а теперь вот «Петушки». Новый язык. Новый стиль. Новое прочтение и восприятие жизни. Озарение и упоение страданием (вот он, наш исконный и домотканый менталитет, поляны и осины русской души). Настоящей страстью Вени, отмечает Ольга Седакова, было горе. Он предлагал писать это слово с прописной буквы, как у Цветаевой: Горе. Горе не бытовое, а общемировое, экзистенциальное.

Но не только страдание, переходящее в сострадание и в любовь к ближнему и дальнему.

Друг Венички Ерофеева Игорь Авдиев (выведенный в «Петушках» как Черноусый) вспоминает: «Веничка был апологетом нежных отношений между людьми. Со страниц «Петушков» он как бы говорит нам: «Люди, ну не будьте так грубы!» Он возбуждал забытые со времени Карамзина, литературы сентиментализма чувства. Я бы сказал, он был учителем нежности».

Итак, евангелический, сострадательный аспект. Но у поэмы «Москва-Петушки» есть и другой аспект — социологический: в ней угадан и воплощен бурно протекающий процесс национальной люмпенизации. Водка, матюги, бред, глум, абракадабра и прочие проявления темноты и неразумения людей, сошедших со своей социальной резьбы.

Но опять же это не все. «Москва-Петушки» — это и религиозная книга. Поиски Бога и разговор с ним.

Исповедь и раскаяние. Восхищение и недоумение («Мы грязные животные, а ты — как лилея!»). Негодование по поводу миропорядка и мироустройства («Получается — мы маленькие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред...»). Вызов от имени всех униженных и оскорбленных, вопль собственного бессилия («Смотри, Господь,

вот розовое крепкое за рупь тридцать семь…»).

В «Петушках» Венедикт Ерофеев выступает как «праведник среди дикарей», «миссионер среди варваров», «святой среди богохульников», по определению Льва Аннинского. Герой поэмы (его авторское «я») все пытается совершить паломничество к святыне. Она Дева и Богородица. Живет в Петушках. Ее образ ослепителен и притягателен. Вот бы добраться и припасть к ее мраморно-белоснежным коленям. Там — рай. Но… никак не может доехать Веничка до вожделенного пункта своего счастья. Не дается Рай. Герой блуждает по кругам Ада, все время проезжая мимо станции «Серп и Молот». Он пьет, чтобы прибавились силы, однако алкоголь (портвешок и другие его заменители) лишь обессиливает его. Бессмысленное кружение без катарсиса.

Когда «Москва-Петушки» в самиздатовском варианте (а это был 1969 год) стала гулять по стране, то реакция оказалась полярной, от полного восхищения до такого же полного отторжения. Одни чутко улавливали мысли и чувства, вынесенные за скобки и утопленные в подтексте, для других же все было ясно: «Да просто пьяница едет в электричке».

«И в запой отправился парень молодой»

«Кто хочет, тот допьется».

Название главки и эпиграф из записей Венедикта Ерофеева

Итак, пьяница в электричке. О пьянстве Венички следует поговорить особо. Да, Венедикт Ерофеев пил (а кто не пил из российских писателей?). Во владимир

ский его период у Ерофеева бывали дуэли с самыми знаменитыми выпивохами, и он перепивал всех, причем знаменитости валялись под столом, а он, чистый как стеклышко, в домашних тапочках на босу ногу (о, бедность!), снисходительно принимал восторги дев, зрительниц данных соревнований.

Мать первой жены, Валентины, растапливала печку Вениными дневниками, приговаривая: «У пьяного Тришки одни рваные книжки».

По воспоминаниям друзей и знакомых, у Ерофеича (так его иногда называли) была изумительная способность не пьянеть, она длилась долго. А потом, увы, иссякла. Лидия Любчикова вспоминает: «Он остался такой же веселый и хороший, как в молодости, но только когда был трезв, а это случалось все реже. Очень жаль, что Венедикт потерял способность не пьянеть. Потому

что пьяным он становился совершенно другим — резким, неприязненным. Его трудно стало любить — ценить, все прочее, а любовь он мог оттолкнуть очень резко. И слава Богу, что многие все-таки его видели настоящего и любили…»

Хотя, конечно, были и просветы и попытки если не пить совсем, то по крайней мере мало.

Из письма Ерофеева сестре Тамаре, 13 ноября 1982 года: «День рождения обстоял вполне благополучно, и я намеренно почти ничего не пил (вот что удивительно, и Галина меня перехвалила: все последовали моему образцу, и все обошлось «без бурь, без громов и без молний» (Висс. Белинский). Я заведомо спровадил всех потенциальных экстремистов, налив им по рюмке водки и мысленно дав поджопника, а всех максималисток, поочередно с каждой кулуарно беседуя, заверил в своей любви и в их единственности…»

И все же Венедикт Ерофеев, скажем прямо, был сильно пьющим человеком. Как писал Генрих Сапгир в стихотворении «Очередь», посвященном Веничке Ерофееву:

Дрызнь об нас обколотила все углы.
Мы бы рады стать красивей – жены злы,

вот и пьем и вяжем мать твою в узлы…

На вопрос, пьет ли он, Венедикт Ерофеев отвечал:

— Попиваю, да, но ведь без всякой эскалации.

— И часто?

— Когда как. Другие — чаще… Но я — в отличие от них — без всякого фарсу и забубенности. Я — только когда печален…

По мнению Ольги Седаковой, Венин алкоголь был для него в своем роде возвышающей страстью. «Чувствовалось, что этот образ жизни — не тривиальное пьянство, а какая-то служба. Служба Кабаку? Мучения и труда в ней было несравненно больше, чем удовольствия. О таких присущих этому занятию удовольствиях, как «развеяться», «забыться», «упростить общение» — не говоря уже об удовольствии от вкуса алкогольного напитка (тому, кто хвалил вкус вина, Веня говорил: «Фу, пошляк!»), в этом случае и речи не шло. Я вообще не встречала более яростного врага любого общеизвестного «удовольствия», чем Веничка. Получать удовольствие, искать удовольствий — гаже вещи для него, наверное, не было. Должно быть плохо, «все должно идти медленно и неправильно, чтобы не загордился человек…» — как

помнят читатели «Петушков»...»

Наталья Шмелькова, последняя подруга Венедикта Ерофеева, дает такую оценку: «...Вообще я его алкоголиком не считаю. Он не был этим болен. Тут сложнее. Это был как бы образ жизни. Алкоголь не был для него наркотиком, как для других: мозги затуманить, забыть и уснуть. Абсолютно нет. Он не любил тупого пьянства. Пили, беседовали, юмор. Терпеть не мог, когда физически пьянели, всегда свежая голова, свежие глаза. Говорил: ненавижу пьяниц».

Старый друг и собутыльник Венички Игорь Авдиев подтверждает: «Веня ненавидел просто пьяниц. Ненавидел опьяняющее скотство: нетвердость в ногах, жесты чересчур, слабость, когда ты, как трехмесячный младенец, плохо голову держишь, — это Веня прощал, но заплетающийся язык, нечеткость мыслей, стилистическую несуразность, советские идеолекты, безмозглость логики, мертвость пошлости — еще чего? Чего же еще! Сам Веня никогда не был, видимо, пьян. Он или затихал, как дерево в роще, но только, когда вся роща уже затихала, он затихал последним, как самое высокое дерево в роще, или, если роща вырубалась и

молола посюстороннюю чепуху, Веня становил-

ся трагичен, как Бранд в вышине. Веня не любил налитые бельма, бессмысленность взгляда…»

«Мне с вами не о чем пить» — коронная фраза Венедикта Ерофеева. По Веничке, пить — это значит общаться, разговаривать, мыслить, острить.

«В манере Пастернака: “Достать бы водку за шесть гривен”» (из записных книжек Венедикта Ерофеева).

Возвращение к «Петушкам»

В книге «Москва-Петушки» можно вычитать любые рецепты алкашей того советского славного периода. Знаменитый «Сучий потрох» (рецепт изготовления: пиво «Жигулевское» — 100 г, шампунь «Садко — богатый гость» — 30 г, резоль для очистки волос от перхоти — 70 г, клей БФ — 12 г). А еще спиртовые коктейли: «Слеза комсомолки», «Поцелуй тети Клавы», «Дух Женевы»…

Да, «Петушки» богато спиритуализованы. Это видимая и ощущаемая сторона повествования. Но есть и другая, невидимая для тех, кто незнаком с мировой и русской литературой, и именно эта часть доставляет настоящий кайф. Впрочем, это касается и других произведений Венедикта Ерофеева. Он виртуозно владел методом литературного монтажа: цитаты, прямые и скрытые,

аллюзии, переклички, параллели идут в тесном ряду и создают энциклопедический аромат культуры. Если курят, то тринадцать трубок; если позвонок, то четвертый; если что-нибудь отблескивает, то на клине бороды и т. д.

«И пламенный Хафиз (пламенный пошляк Хафиз, терпеть не могу), и пламенный Хафиз сказал: «У каждого в глазах своя звезда». А вот у меня ни одной звезды, ни в одном глазу.

А Алексей Маресьев сказал: «У каждого в душе должен быть свой комиссар». А у меня в душе нет своего комиссара…» («Василий Розанов глазами эксцентрика»)

Все эти цитаты плотно вписаны в ерофеевский текст, не говоря уже о Библии. Библейские образы, метафоры и ходы освоены Ерофеевым до блеска.

Так что же получается? Алкоголик и книгочей? Бомж и эрудит? Плебей и высоколобый? Пушкин-Ев- тюшкин?.. Чисто российский вариант, но с иностранным вкраплением. Что-то вроде помеси Аполлона Григорьева с Артюром Рембо. Вечный изгнанник. Вечный бездомный. Вечно неприкаянный. Но — с нежной душой и четким умом философа.

Тут напрашивается биография: откуда, как

и почему? Но вот незадача: Венедикт Ерофеев уже при жизни стал мифом, оброс основательно легендами и слухами, превратился в почти фольклорный персонаж.

Пришелец из Заполярья

«- Плевать на Миклухо-Маклая, что бы он там ни молол. До тридцати лет, после тридцати – какая разница? Ну что, допустим, сделал в мои годы император Нерон? Ровно ничего не сделал. Он успел, правда, отрубить башку у брата своего, Британика. Но основное было впереди: он еще не изнасиловал ни одной из своих племянниц, не поджигал Рима с четырех сторон и еще не задушил свою маму атласной подушкой. Вот и у меня тоже – все впереди!»

В. Ерофеев. «Василий Розанов глазами эксцентрика».

И все же без нескольких биографических штрихов никак не обойтись. Венедикт Ерофеев родился 24 октября 1938 года в Кировске (бывший Хибиногорск) Мурманской области. Родители из Ульяновской области, с Поволжья. Отец Венички был репрессирован в 1946 году. По словам сестры Нины, он был человеком очень остроумным, мог рассказать анекдот, а этого было достаточно для ареста. Мать одна тащила шестерых детей — Веничка был пятым. Рос он в бедности и голоде. В школе у Вени с братом Борей был один портфель

на двоих. Рассказывает сестра Нина:

«Веничка необычный был и маленький: когда он

научился читать, мы даже и не знали, никто его специально не учил, может быть, сам что-то спрашивал у старших. Он был сдержанный, углубленный в свои мысли, память у него была превосходная. Например, такой эпизод. Книг особых у нас не было, поэтому читали все подряд, что под руку попадется; был у нас маленький отрывной календарь, который вешают на стену и каждый день отрывают по листочку. Веничка этот календарь — все 365 дней — полностью знал наизусть еще до школы; например, скажешь ему: 31 июля — он отвечает: пятница, восход, заход солнца, долгота дня, праздники и все, что на обороте написано. Такая была феноменальная память. Мы, когда хотели кого- нибудь удивить, показывали это. К тому же у него всегда был независимый характер. Например, на него жаловалась учительница в первом классе: когда детей принимали в октябрята, он ей сказал, что не хочет. Учительница была вне себя: «Как же так, все же октябрята!» — «А я не хочу, как все». Так и не стал октябренком. И ни пионером, ни комсомольцем он не был. А ведь это было в 40-50-е годы».

Три года Венедикт провел в детском доме. Затем его, когда вернулся отец, забрали в Кировск, и там, на Кольском полуострове, он закончил 10 классов. Золотым медалистом в 17 лет отправился Веничка в Москву и поступил в 1955 году на филологический факультет МГУ. «В нем еще ничего не было, кроме через край бьющей талантливости и открытости к словесности» (сокурсник и друг Владимир Муравьев). Жили студенты-филологи очень весело, ставили оперу «Апрельские тезисы», которую сочинили все вместе. Но это веселье долго не продолжалось.

В одном из интервью Венедикт Ерофеев рассказывал:

— Майор, который вел наши военные занятия, сказал однажды: «Ерофеев! Почему вы так стоите? Неужели нельзя стоять стройно, парам-пам-пам! Главное в человеке, — и он прохаживается перед строем наших филфаковцев, — выправка!» Ну, а я ему и сказал, что это, мол, не ваша фраза, это точная цитата из Германа Геринга, конец которого, между прочим, известен…

— А что, интересно, ответил товарищ майор?

— Товарищ майор ничего не ответил, но дал мне глазом понять, что мне недолго быть в МГУ имени Ломоносова. Но ничего не возразил — что

на это возразишь?..

На зимней сессии второго курса Ерофеева вышибли. Но не товарищ майор был тому виною, а сам Веничка: первую сессию он сдал на пятерки без всякого для себя напряжения, а потом перестал сдавать экзамены и вообще ходить на занятия. Ему хотелось быть вольной птицей, а такого не дозволялось.

Четыре вуза — Московский университет, Орехово- Зуевский, Коломенский и Владимирский педагогические институты — изгоняли его. Во Владимире не только отчислили из института, но и выслали из города. Формулировка такая: «За моральное, нравственное и идейное разложение студентов Института имени Лебе- дева-Полянского». В чем выразилось «нравственное и идейное разложение»? В общежитии, в тумбочке, у Ерофеева нашли Библию, которую он постоянно читал и часто цитировал. По тогдашним временам это было нечто контрреволюционное и антисоветское, а поэтому

— ату его!..

Вот так складывалась судьба юноши из заполярной глубинки. С институтами не получалось, приходилось работать. «Чем занимался? Да чем только не занимался, — рассказывал «Москов-

ским новостям» Венедикт Ерофеев. — Работал каменщиком, штукатуром, подсобником на строительстве Черемушек, в геологоразведочной партии на Украине, библиотекарем в Брянске, заведующим цементным складом в Дзержинске Горьковской области… Кем угодно».

Не получив высшего образования и не имея возможности работать по специальности, связанной с филологией, с литературой, Венедикт Ерофеев 15 лет скитался по стране. Был еще приемщиком стеклотары, змееловом в Средней Азии, дорожным рабочим, монтажником линий связи.

«Я работал тогда на кабельных работах, и по моей вине вся Россия покрылась телефонными кабелями, — в другой раз и другой газете рассказывал Ерофеев. -

Я связал Вильнюс с Витебском и Полоцк с Москвой, но это не минуло литературу, поскольку ей всегда необходим новый язык, со старым языком ничего не будет, а на кабельных работах я получил отличную фольклорную практику. Жил я в вагончике тогда, в грязи, в одном вагончике помещалось девять человек. Мои соседи обращались со мной нормально, но считали дураком…»

Именно там, на кабельных работах, лежа на верхней полке нар, написал Венедикт Ерофеев

поэму «Москва-Петушки», ставшую символом целой эпохи. Тонюсенькая книжечка, написанная в 1969 году, вызвала бурю литературоведческих дискуссий и сразу вошла в народ, как нож входит в масло. По количеству крылатых слов и выражений «Москва-Петушки» может соперничать с «Горем от ума».

Но еще раньше, в студенческую пору, Ерофеев сочинил «Записки психопата», затем роман о Шостаковиче. И то, и другое считается утерянным.

Ну а дальше на Венедикта Ерофеева навалились болезнь и слава, почти одновременно. Он перенес тяжелую операцию, и благодарное отечество отвалило ему 26 рублей пенсии по инвалидности. Поэма «Москва-Петушки» (повесть, роман — как ее только не называют) перепечатывалась многократно у нас и за рубежом. Публиковалось эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика». Пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» шла в театре. Журналисты стали осаждать уже признанного и знаменитого писателя вопросами типа: «Наследует ли советская интеллигенция лучшие традиции интеллигенции русской?» На что Венедикт Васильевич отвечал так:

— Советская интеллигенция? Господи, а это что такое?.. Это чистейшая болтовня. Чего им на-

следовать? Советская интеллигенция истребила русскую интеллигенцию, и она еще претендует на какое-то наследство…

— А как вы оцениваете современное состояние культуры — как кризисное? — вопрошал корреспондент «Московских новостей» в декабре 1989 года.

— Никакого кризиса нет, и даже полное отсутствие всякого кризиса, — отвечал Венедикт Ерофеев. — Добро

бы был хотя бы элементарный кризис, а то вообще — ни культуры, ни кризиса, решительно ничего.

На такое полное отрицание кто-кто, а Венедикт Ерофеев имел право.

Книжный человек

Alit lectio ingenium[1 Чтение питает ум {лат.).].

Владимир Муравьев о Венедикте Ерофееве: «Он всю жизнь читал, читал очень много. Мог месяцами просиживать в Исторической библиотеке, а восприимчивость у него была великолепная. Но читал не все что угодно. У него был очень сильный избирательный импульс, массу простых вещей он не читал, например, не уверен, что он перечитывал когда-нибудь «Анну Каренину». Не знаю, была ли она вообще ему интересна. Он, как собака, искал «свое». Вот еще в общежитии попались ему под руку «Мистерии» Гамсуна, и он сразу понял, что это — его. И уж «Мистерии» он знал почти наизусть. Данные его были великолепны: великолепная память, великолепная, незамутненная восприимчивость. И он совершенно был не обгажен социалистической идеологией… Он вообще мечтал весь век учиться, быть школьником или сидеть с книжечкой в библиотеке… Он действительно был человеком литературы, слова. Рожденным словом, существующим со словесностью…»

Когда Веничка приезжал к родным — сестрам и братьям, то составлял для них список, что надо

читать. «“Что ты читаешь?” — «Пикуля». — «Фу! Вот Набокова надо читать, — вспоминает слова Вени сестра Нина. — Неужели ты дожила до таких лет и не знаешь, кто такой Набоков?.. Вот сейчас печатают Конквиста», а у него эти книги в такие годы. Он давал эту книгу нам с Тамарой на одну ночь».

Любимыми писателями Венедикта Ерофеева были из западных Рабле, Паскаль, Ибсен, Гамсун… Из отечественных — Гоголь («Если бы не было Николая Васильевича, и меня бы как писателя не было, и в этом не стыдно признаться»), Некрасов, Салтыков-Щедрин, Козьма Прутков, обэриуты Хармс, Олейников… Из поэзии любимыми были Бальмонт и Северянин, к которым Ерофеев сохранил привязанность до конца дней своих. В юности Ерофеев любил сочинять пародии в стиле Северянина. Вот отрывок, написанный летом 1957 года и посвященный тогдашним международным событиям:

О, катастрофа Будапешта
была изящным менуэтом,
она, как декольте Сильваны,
сорвала русские муары.
Для нас служила оппонентом

декоративность пируэта,
для них – трагедия Суэца –
своеобразным писсуаром.
Я, очарованно загрезив,
постиг рентабельность агрессий
и, разуверившись в комфорте
республиканского фрегата,
неподражаемо эффектно
сымпровизировал позессив,
пленив пикантностью Жюль Мока
и деликатных делегатов.

Не терпел Ерофеев Чернышевского и Добролюбова. Не любил Ахматову и Булгакова (по воспоминаниям, «Мастера и Маргариту» ненавидел так, что его трясло). Про писания Эдуарда Лимонова говорил: «Это нельзя читать».

К современным писателям Венедикт Васильевич относился плохо. Во многих из них его коробила «победоносная самоуверенность» — по мнению Ерофеева, «писатели должны ходить с опущенной головой». Не признавал напыщенности. «Я хоть и сам люблю позубоскалить, — говорил он, — но писать нужно с дрожью в губах, а у них этого нет». И еще Венедикт Ерофеев

признавался: «Писать надо, как говоришь». По наблюдению Шмельковой, сам Ерофеев писал легко и быстро, на одном дыхании, когда накатывало вдохновение, потом мог подолгу молчать.

Помимо книг, Венедикт любил музыку и хорошо ее знал. Одним из самых любимых его композиторов был Ян Сибелиус. Характерное признание содержится в письме писателя к сестре Тамаре от 13 ноября 1982 года: «Теперь другая помеха занятиям: по случаю кончины нашего президента мне на голову свалилась такая бездна добротной музыки, что я едва успеваю перебегать от радио к телевизору и обратно. Допустим, только что по радио закончилось мое любимое получасовое andante из 4-й симфонии Брукнера, как слышишь: в той комнате, по телевизору, начали 8-ю сонату Бетховена; не успев ее дослушать, бежишь на кухню, потому что там без всякого предупреждения вступила самая скорбная и горемычная часть из 1-й сюиты Сибелиуса и т. д.».

Веничка во весь рост

«Что я, в сущности, люблю? Лютики, песни Блантера, портвейн и человеконенавистнические замыслы американской военщины».

Венедикт Ерофеев

В этом признании — весь Веничка: кроткий ироник со всеми слабостями и грехами. На вопрос одного из журналистов: какие мечты он лелеял в детстве? — Веничка ответил так:

«Я вначале мечтал быть стеклодувом, потом фальшивомонетчиком, вампиром — а потом опять стеклодувом и прекрасной дамой».

Из ответа ясно: Ерофеев не выносил серьезного пафоса и штампов газетных интервью. Был ироничен и остроумен. Любил шутку, веселую историю, каламбуры. Юмор не покидал его в самых тяжелых обстоятельствах. В его записных книжках много истинных перлов:

«Зачем мне сюжет, был бы бюджет».

«Я попросил Господа Бога сделать ну хоть на полтора градуса теплее обычного. Он ничего твердого мне не обещал».

«Ходил в лес исследовать апрель, каковы его свойства».

«Вот еще вид спорта: погоня за химерами».

Венедикта Ерофеева любили почти все окружающие. Любопытно, что все называли его по-разному. Он сам составил такую хронологическую классификацию своих кличек:

«В 1955 — 1957 гг. меня называли просто «Веничка». В 1957 — 1958 гг., по мере поведения и повзрос- ления — «Венедикт»; в 1959 г. — «Бен», «Граф», «Сам»; в 1961 — 1962 гг. — опять «Венедикт», и с 1963 г. — снова поголовное “Веничка”».

Ерофеев всегда был открыт, сострадателен к чужой беде. Не случайно с ним дружили такие люди, как Виктор Некрасов, Юрий Домбровский, Андрей Амальрик, Вадим Делоне… Однако дружба и пьяные застолья отвлекали его от творчества.

Галина Ерофеева вспоминает: он все время мечтал, что вот сейчас останется один и будет писать. Из его записных книжек видно, что это постоянное желание — быть в одиночестве. Где бы он ни был, всегда бывал окружен людьми. Для него характерно такое признание: «Мое нормальное положение — закрытое, как у шлагбаума».

Со слов второй жены: «Он был очень хрупким, незащищенным, буквально как цветочек». И далее о нем: «Известно, как обычно мужики носятся со своим здоровьем, — у него этого никогда не

было. Он был невероятно застенчив даже перед собой. Он как посмотрит на лица наших писателей — мурло! Ну кто, когда из русских писателей мог позволить себе быть таким гладким? А он никогда не жаловался, даже с этой проклятой болезнью…»

Речь у Венедикта Ерофеева была размеренной, голоса он никогда не повышал. «Горше всего вспоминать о нежности Бена. Она осталась невостребованной», — отмечает Лидия Любчикова.

Еще одна грань характера и личности Венедикта Ерофеева: очень сильный религиозный потенциал, — вспоминает Владимир Муравьев. «У Венички было ощущение, что благополучная, обыденная жизнь — это

подмена настоящей жизни, он разрушил ее, и его раз- рушительство отчасти действительно имело религиозный оттенок. Как, кстати, и у декадентов, которые были ему близки…»

Не отсюда ли нелюбовь к душевному покою? Самоистязание, самосожжение. «Без страдания обходиться не мог» (Наталья Шмелькова).

И последний штрих: «В материальном отношении он был абсолютно бессребреник» (Александр Леонто- вич).

Женщины Венедикта Ерофеева

«Я люблю дебелых, я дебелогвардеец».

Венедикт Ерофеев

На вопрос: «А как вы относитесь к женщинам?» — Ерофеев отвечал коротко: «Противоречиво отношусь».

Расшифруем: он относился к ним нежно, но эту нежность тщательно скрывал за иронией. «У нас в паспортах так и записано: у меня: «Недоносок», а у нее: “ Пеннорожденная ” ».

Вот вам и «расстановка сил».

Рассказывает Лидия Любчикова:

«В юности он был очень добродушен и деликатен, никогда он никого резко не отталкивал. И у него, по- моему, были романы, но не знаю, насколько они его глубоко трогали. По рассказам, он любил Юлию и чуть ли это не осталось болезнью на всю жизнь. Юлия у них была «комсомольская богиня». Она была, кажется, секретарь комсомольской организации, девица с волевым характером, ездила на мотоцикле, стреляла и так далее. Она училась на биолога и сейчас, кажется, кандидат наук. Тогда дело кончилось разрывом: наверное, в этом виновата и его богемная натура, и очевидная неустроенность, и благосклонность ко всем девушкам, которые вокруг вились. Была

легенда, что Юлия хотела даже застрелить Бена.

Валя Зимакова, тоже из пединститута, оказалась, очевидно, той, которая полюбила Веню сильнее других,

«прилепилась» к нему, как советует Писание, и стала в конце концов его женой. После распределения она поехала к себе в Мышлино преподавать. Это под Петушками (деревня), совершенно захолустная: через поля, через леса. Там несколько деревень близко друг от друга. Валя жила в Мышлине, а преподавала немецкий и потом что придется в соседней деревне, в школе. Бенедикт приезжал в Мышлино, когда у него были свободные дни. Валя начала очень сильно пить, а может быть, она пила еще со Владимира, там была тогда мода на пьянство и бесовство: все девицы объявляли себя ведьмами, была общая истерия, вечно их нужно было вызволять, спасать: то они себе разрежут вены, то еще что-нибудь. Контора Бенедикта была в Москве, жил он где придется, у него никогда не было своего дома. Неустройство было ужасное…»

Среди русских литераторов это обычная напасть: большинство писателей маялось то с домом, то с семьей, а уж с презренными деньгами, наверное, почти все, кроме Льва Николаевича. Но

вернемся к воспоминаниям Лидии Любчиковой:

«Ребенка своего Бенедикт называл «младенцем» — так и повелось. Он ужасно его любил, но не показывал этого впрямую. Ему несвойственно было говорить нежные слова, но интонация, выражение лица… Ребенок в «Петушках» — это Валин сын, а женщина — не она. И даже буква «Ю», я думаю, идет от имени Юлия. Бен потом снова сошелся с Юлией, и на какое-то время семью у него как отрезало, он о них даже не вспоминал, не говорил. У Юлии была трехкомнатная квартира в Пущине, она постаралась его обиходить, потому что он в переездах среди своих пьяных мужиков, житья на квартирах и в гостиницах оборвался весь… И она взялась его одевать, обувать, отмывать, всячески холить и нежить. Приезжает он как-то раз к нам и портфель несет. То у него были какие-то замызганные чемоданчики, а тут — роскошный министерский портфель, и оттуда он вынимает замечательные тапочки — мягкие, коричневые. Он нам тапочки показывает, усмехаясь над собой, и говорит: «Что тапочки! У меня теперь холодильник даже есть, представляете! Первый раз в жизни у меня есть холодильник, и чего там только в этом холодильнике нет!» И весь сияет и рад

по-детски...»

И такое уже в истории было, достаточно вспомнить, как Зинаида Райх спасала Сергея Есенина и тоже пыталась отучить его от пристрастия к алкоголю. Юлия Ру- нова тоже ставила ультиматум, чтобы Веня не пил. Слово, конечно, он не сдержал, пошли ссоры-раздоры, и стал тогда Венедикт Ерофеев метаться между женой и любовницей, между Валей и Юлией, между Мышлином и Пущином, не забывая при этом таскать с собой «замечательные тапочки». В конце концов Юлия не выдержала и прогнала Ерофеева окончательно.

Потом Веничка возник в жизни другой женщины, Галины. Ее подруга, Нина Козлова, знакомая Вени, попросила Галину пустить его пожить в квартиру на Камергерском. И, конечно, интересно вчитаться в воспоминания Галины, которая стала второй официальной женой Венедикта Ерофеева:

«В общем, сначала все выглядело так, что я сдала свои комнаты писателю... Пустить в дом Ерофеева — все равно что пустить ветер, это не мужик, а стихия. И в житейском отношении я ничем не отличаюсь от большинства русских баб: и у меня муж был пьяница, и у меня он все

пропивал. Когда за границей вышли «Петушки» — это ничего в нашей бедности не изменило… В доме я была добытчицей… Как я понимаю, всю жизнь Ерофеева преследовал голод… Мы прожили вместе 15 лет, и я не помню, чтобы он жадно ел… Я перестала работать за год до его смерти, когда уже совсем уж ему стало плохо. Тогда деньги стали появляться, и пьеса пошла в театрах. А то, что я работала, — этими деньгами только за квартиру платить. А был период, когда я была в больнице, — нечем было и за квартиру платить. Тогда мать моя ездила отвозить ему еду. Все бывало. Все русские варианты мы прошли…»

Галина Ерофеева вспоминает, как увлеченно Веничка интересовался политическими новостями, слушал радио, смотрел теленовости. Когда шел первый съезд народных депутатов, Веня говорил: «У меня работа. С десяти часов я на съезде». Он всегда был в курсе всего и обращался к жене: «Вот, девка, смотри». Он всех на

зывал «девка» или «дурочка», большинство захлебывалось от возмущения: «Я дурочка?»

По воспоминаниям Нины Фроловой, сестры писателя, «Галя была ему как мама родная, а когда он заболел — тем более».

Но Галина была не единственная. Когда Ве-

ничка стал популярным, вокруг него роилось множество «жриц». «Эти «жрицы», — вспоминает Лидия Любчикова, — все занимались угождением ему и вели себя, как кролики перед удавом». Однажды они засыпали уснувшего Венедикта Ерофеева белыми хризантемами. Эффектная сцена: он возлежал на диване весь в цветах.

Ольга Кучкина спросила Вадима Тихонова, прожившего с Ерофеевым душа в душу более 32 лет: «А женщины Веничку любили?» Ответ Тихонова:

— Ой, Господи! Они от него вообще без ума были. Ему, придурку, 50 лет, а около него пасутся эти, девятнадцатилетние девки. Я ему говорю: какого хрена, Ерофеич, что ты с ними делаешь? Он говорит: я не знаю, что они со мной делают.

Из записных книжек Венедикта Ерофеева:

«Душою надо полнеть, девки, а не телесами».

«Не женщина, а телесное наказание».

«Вакханка-пулеметчица».

«И как жаль, что у нее только две коленки».

У Венедикта Ерофеева была мечта: всех девушек, которые его любили, собрать за одним столом. Устроить эдакую Вальпургиеву ночь и посмотреть, как они будут вести себя — сами передерутся, может быть, его убьют, или все тихо

будет.

Не собрал. Хотя в последние три года жизни Венедикта Ерофеева около него были две женщины: жена Галина и подруга Наталья Шмелькова (ученая-геохи- мик, кандидат наук, литератор, искусствовед, художница и очень красивая женщина, модель известных художников). Когда они познакомились, Веничка записал в своем дневнике: «Нахальная брюнетка». Затем они крепко подружились, но это были какие-то особенные отношения.

Наталья Шмелькова признавалась: «Это было многослойное чувство: и как к ребенку, и к мужчине, и к

другу. И он ко мне так же. Я его матерью крестной стала…»

Это целая история: Ерофеев крестился в католическом костеле святого Людовика. Он принял католичество, ибо не любил православие «за холуйство».

Не будем копаться в отношениях Ерофеева и Шмельковой: то, что считает нужным, отдает на суд читателей сама Наталья Шмелькова: «Единственная любовь — Веничка. Я обожала его. Не подумайте, потому что писатель. Если бы он был дворником, кем угодно, при тех же качествах…»

А вот Галина иногда упрекала мужа, что он не кандидат наук, — она была кандидатом. И, к сожалению, психически больной женщиной. Во время осенних кризисов формулами исписывала обои и однажды хотела выброситься с балкона навстречу комете Галлея, которая тогда приближалась к Земле. Во второй раз попытка была успешной: она выбросилась из окна 13-го этажа. Это случилось после смерти Вени и не было самоубийством на почве любви и отчаяния.

«С чего начинается Родина?.,»

«Что ж, и я Россию люблю. Она занимает шестую часть моей души».

Венедикт Ерофеев

О женщинах поговорили, теперь — о Родине. Вряд ли Венедикт Ерофеев писал это слово с большой буквы. У него к ней было двойственное отношение, как у Лермонтова, к примеру. Его горькая фраза: «И еще угораздило родиться в стране, наименее любимой небесами» — явно восходит к пушкинской: «Чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом!..»

Ерофеев хорошо знал не только русскую литературу, но и русскую историю, от Ивана Грозного до Иосифа Сталина, и со знанием дела говорил: «За кровавую блажь нескольких параноиков должна платить вся нация».

К патриотам-невротикам типа Зои Космодемьянской Ерофеев испытывал ненависть. Их подвиги, вос

петые пропагандой, служили, по его мнению, лишь укреплению власти, режима, а надо жить не для родины, а для себя — вот позиция Венички. «Политикой партии и правительства не интересуюсь. Газет не читаю, скрыт, замкнут, способен на любое преступление» — такую он давал себе

шутливо-серьезную оценку в духе практиковавшихся в стране доносов.

Нет, газеты и журналы как раз он читал и очень интересовался происходящим в стране, особенно в горбачевский бурный период гласности и перестройки. Незадолго до смерти Веня как-то сказал Шмельковой: «Меня-то скоро не будет, а ты когда-нибудь испытаешь гордость за то, что жила в это время».

Своими проницательными глазами он видел все, что происходит в стране и с народом. Примечателен его воображаемый разговор с Василием Розановым в его знаменитом эссе:

«Не зная, чем еще высказать свои восторги (не восклицать же снова: «О, шельма!»), я пересел на стул, предоставив ему свалиться на мое канапе. И в трех тысячах слов рассказал ему о том, чего он знать не мог: о Днепрогэсе и Риббентропе, Освенциме и Осоавиахи- ме, об истреблении инфантов в Екатеринбурге, об упорствующих и обновленцах (тут он попросил поподробнее, но я подробнее не знал), о Павлике Морозове и о зарезавшем его кулаке Данилке.

Это его раздавило, он почернел и опустился. И только потом опять заговорил: об искривлении путей человеческих, о своем грехе против чело-

века, но не против Бога и Церкви, о гефсиманском поте и врожденной вине.

А я ему — тоже о врожденной вине и посмертных реабилитациях, о Пекине и кизлярских пастбищах, о Таймыре и Нюрнберге, об отсутствии всех гарантий и всех смыслов…»

Вот как понимал Венедикт Ерофеев свою родину — как страну без всех гарантий и всех смыслов, то есть бесчеловечную.

Ему звонили. Угрожали: «Ерофеев, если вы не оставите свои семитские штучки, мы и вас не пожалеем,

когда сила будет на нашей стороне». На этот счет Веничка говорил: «Если начнутся еврейские погромы, то в знак протеста переименую себя в Венедикта Моисеевича».

Запись из дневника Натальи Шмельковой от 17 февраля 1989 года:

«Вечер Вени в Литературном институте… Выступали Битов, Еременко, потом Веня. Много вопросов. Последний — про «Мою маленькую Лениниану». Вот тут и началось!!! «…Этого плешивого мудака давно пора убрать из мавзолея». Под смех и аплодисменты парторг, вытянув шею, с пунцовыми пятнами на щеках, по ногам сидящих в ряду стремительно пробирается к выходу.

«Коммунисты не способны решить никаких задач, — продолжает Веня. -¦ Вот разве что СССР выиграл войну. Но коммунисты здесь ни при чем. Выиграл войну народ». Реакцией студентов остался доволен. Особенно когда садился в такси, а они на прощание махали ему вслед руками».

«Моя маленькая Лениниана» — это еще один маленький шедевр Ерофеева. О пастве Ильича Веничка писал:

Не одолев их буйной дури,
Он встал под знамя Ильича,
Теперь, мятежный, просит бури,
Как морда просит кирпича.

И еще один Веничкин прикол: «Да мало ли от чего дрожит рука? От любви к отечеству».

Болезнь и смерть

«Они вонзили мне шило в самое горло… Я не знал, что есть на свете такая боль. Я скрючился от муки, густая красная буква «ю» распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду».

Венедикт Ерофеев. «Москва-Петушки»

Венедикт Ерофеев успел увидеть свою пьесу «Вальпургиева ночь», дождался репетиций «Диссидентов», готовилась к публикации «Фанни Каплан». И — огромное количество незаконченного, недоделанного в

ящиках письменного стола. «У него было миллион планов, и все готово, но в голове. Ему все казалось, что сейчас у него будет две свободные недели — он сядет и напишет, но сил уже не было» (Галина Ерофеева).

Сил не было — болезнь пожирала его изнутри. Ему были срочно необходимы хорошие врачебные руки, современные лекарства и новейшая медицинская аппаратура. Однако «компетентные органы» дважды не выпустили его из СССР на лечение во Францию и Израиль. Про эти «компетентные органы» Венедикт Ерофеев говорил:

«И они копались, копались — май, июнь, июль,

август 1986 года — и наконец объявили, что в 63-м году у меня был четырехмесячный перерыв в работе, поэтому выпустить во Францию не имеют никакой возможности. Я обалдел. Шла бы речь о какой-нибудь туристической поездке — но ссылаться на перерыв в работе двадцати-трехлетней давности, когда человек нуждается в онкологической помощи, — вот тут уже… Умру, но никогда не пойму…»

Весьма ценен дневник Натальи Шмельковой о последнем периоде жизни Венедикта Ерофеева:

1989 год. «3 ноября узнаю от него о возобновлении метастазов, начавшихся, оказывается, еще летом, о чем он никому не говорил. Поражаюсь его самообладанию, ведь все это время он вел себя как обычно, ровно, без тени паникерства.

В Абрамцеве он последний раз встречает свой любимый праздник — Новый год… 23 марта возвращается в Москву. Врачи обнаруживают увеличение лимфатического узла. Считая положение безнадежным, предлагают все же сделать несколько сеансов облучения. Ерофеев сопротивляется: «Не буду, ничего не хочу, хочу в Абрамцево». 28-го вызывается машина, чтобы повезти его на рентген. Он еще шутит: «Не надо такси, поеду на метрополитене, надо копить на

домик». В больнице сообщают результат: «Это фатально, ничего не поможет».

10 апреля Ерофеев последний раз выходит из своего Дома… Говоря, что «на этот раз я уже не выкарабкаюсь», берет в больницу книги, последние дневниковые записи… Врачи назначают капельницу… Ежедневно навещают родные, друзья, знакомые. Он всем рад. «Гости действуют на душу анестезирующе».

С 26 апреля наступают самые тяжелые дни. Ему постоянно колют сильнодействующие наркотики… 4 мая выдергивает из вены иглу от капельницы…

Уже находящемуся почти в полном беспамятстве писателю приносят в палату конверт со справкой о полной посмертной реабилитации его отца, Василия Ерофеева, пробывшего несколько лет в лагерях и выпущенного после смерти Сталина «за неимением состава преступления».

Перед Днем победы на очередной «летучке» разгневанно выступает дежурящий по ночам медбрат, жалуясь лечащим врачам, что приходит много народу, что в палате не продохнуть, что до 9-го можно еще потерпеть, а там…

9 мая. Состояние резко ухудшается. Вечером в

палату заходит молоденькая, очень внимательная медсестра. Советует отказаться от всяких антибиотиков — лишние мучения, обезболивающие — другое дело. «Не шумите. Он сможет уйти и сегодня, даже во сне».

10 мая. Врачи предупреждают, что предстоящая ночь — последняя.

11 мая, в 7 часов 45 минут, Венедикта Ерофеева не стало».

Так лаконично закончила свои записи Наталья Шмелькова. Его друг Игорь Авдиев написал так:

«Венедикт' Васильевич Ерофеев проснулся в пятницу 11 мая, посмотрел на мир ясными голубыми глазами обиженного ребенка, как бы спрашивающими, за что «эта боль», «этот холод собачий», «эта невозможность», — и уснул навеки».

В дневниковых записях самого Венедикта Ерофеева есть такие слова: «Вот сейчас последний раз выдохну — и уйду в мир чистых сущностей».

Он умер 11 мая 1990 года. Немного не дотянул до августовского путча 1991 года. «Наверняка Ерофеев бы назвал его ПУТЧ-К: Пусть Умрет Такое Чудовище -

Коммунизм! Не довелось ему порыдать над развалинами Империи Зла…» — написал в некро-

логе Слава Лен.

Далеко не железный Командор, а всего лишь Поникший Лютик покинул порог огромного сумасшедшего дома. Ушел «в мир чистых сущностей».

«Мы живем скоротечно и глупо, — признавался Венедикт Ерофеев Василию Розанову и кивал в сторону Запада, — они живут долго и умно. Не успев родиться, мы уже издыхаем. А они, мерзавцы, долголетни и пребудут вовеки. Жид почему-то вечен. Кощей почему-то бессмертен. Всякая их идея — непереходяща, им должно расти, а нам — умаляться. Прометей не для нас, паразитов, украл огонь с Олимпа, он украл огонь для них, мерзавцев…»

Нечто личное

«Пишущих много. Чтобы выдержать конкуренцию, надо иметь сердце на плечах, голову в груди».

Венедикт Ерофеев

Марина Цветаева гордо писала: «Мой Пушкин». Если есть свой Пушкин, почему не может быть своего Ерофеева? Для меня Венедикт Ерофеев — «мой». Мой, потому что он некоторым образом мой двойник — во вкусах, в пристрастиях, в характере. Он, как и я, обладал страстью и усердием классификатора и коллекционера сведений. Он был собирателем фактов. «Любимым его коньком была систематизация. Вечно он что- то упорядочивал, собирал, систематизировал. У него была страсть составлять антологии» (Лидия Любчико- ва).

«У него не было режима, не было понятия времени, но он совсем не был рассеянным профессором. Была и аккуратность, и математическая способность. Он все записывал, все подчеркивал» (Галина Ерофеева).

Боже мой, как похоже! Узнаю самого себя: я тоже собираю, подчеркиваю, выписываю, вечно что-то составляю и систематизирую…

Венедикт Ерофеев любил фиксировать улич-

ную температуру, вел дневник грибника (когда идут белые, рыжики, сыроежки и т. д.), составлял списки нормальной температуры диких и домашних животных. А главное — вынашивал идею антологии «Русские поэты». Мечтал создать «Календарь русских поэтов», где каждому дню соответствовало бы стихотворение. Венедикт Ерофеев не успел ее составить. А я составил, но… увы, ни одно издательство не заинтересовалось им. Какой календарь?! Какие поэты?! Главное — инфляция, цены, эмиссия… Главное не читать, главное — выжить!..

Но мне, конечно, грех обижаться, многое из моих систематизаций и импровизаций публикуется, и даже книги выходят. Так что некоторые идеи и мечты Венички Ерофеева я развиваю и несу читателям. Однако я, кажется, слишком увлекся в своем писании, и, как говорил Венедикт Васильевич, «слишком все это затянулось. Затянулось, как лобзанье».

Пора прощаться. Адью. Дай петушка!..

Моя Москва

Сердце дома. Сердце радо. А чему? Тени дома? Тени сада? Не пойму…

Иннокентий Анненский

Столица глазами автора

В Москву, в Москву!.. В тот город столь знакомый,
Где родилась, где вырастала я;
Откуда ум, надеждою влекомый, Рвался вперед, навстречу бытия…

Евдокия Ростопчина (1811-1858)

Нет ничего проще и нет ничего труднее, чем писать о Москве. Все вроде бы известно, все исхожено и изъезжено, и в то же время сколько еще неизвестного и загадочного в ней, по крайней мере для меня. Попадаешь иной раз в какой-нибудь далекий район или уголок, где до этого никогда не был, и удивляешься: «Это тоже Москва?!» Да, Москва — «город чудный, город древний, — как писал когда-то Федор Глинка. — …Сколько храмов, сколько башен на семи твоих холмах!»

У каждого из нас своя Москва. Свой ареал, своя сфера обитания, где родился, жил, работал, влюблялся… Для меня это Волхонка, Арбат, Замоскворечье… Все остальное по мере рассказа.

Первый крик (а может, писк) издал я в родильном доме им. Грауэрмана. Ныне этот дом совсем неприметен в начале «вставной челюсти» Ка-

лининского проспекта. У Грауэрмана родились многие знаменитые москвичи (Александр Ширвиндт, к примеру), и я тихо этим горжусь. Первые шаги совершил в отчем доме на Волхонке. Первые прогулки в детской коляске по Александровскому саду и по Гоголевскому бульвару, когда еще памятник писателю охраняли мраморные львы.

Далее поворот судьбы и — Замоскворечье. Арсен- тьевский переулок (потом его переименовали в улицу Павла Андреева), кирпичные дома напротив фабрики Гознак и парфюмерной фабрики «Новая заря». Большой двор с фонтаном, который никогда не работал.

Мальчишеские игры «отмеряла», «рас-шиши», всякие ножички, гам-шум-тарарам. Послевоенная Москва. Много демобилизованных военных и блатных уголовников. «Семь маслин в нагане — Сева на майдане…»

Школа № 554 в Стремянном переулке. Затем в том же Стремянном Плехановка (Институт народного хозяйства им. Плеханова). Тогда по Большой Серпуховской улице ходили трамваи. Вспрыгнуть на ходу на подножку и так же лихо соскочить — для мальчишек тогда был самый смак (слово «кайф» в 40-е годы было неизвестно). Ну а в юношеские годы другие развлечения:

гулянка в ЦПКиО им. Горького. Аттракционов не ахти, но задора — хоть отбавляй. Знаменитая танцве- ранда парка, где полулегально «лабал» джаз. Отчетливо помню разочарование: пришли 31 августа 1948 года на танцы — все закрыто по случаю смерти Жданова. Но никакой скорби. Одно недоумение, почему нельзя «по- стилять».

Другой любимый парк — Сокольники, там в Лучевых просеках я обожал гулять с любимой девушкой.

Лукаво подмигивал диск
Над бахромою Сокольник,
Где шел на любовный риск
Розовощекий школьник, –

так писал я в автобиографической поэме, которую никогда не публиковал: стыдился…

О любовных приключениях умалчиваю (достаточно того, что в одном из журналов вел рубрику «Капризы любви»). Единственное, что упомяну: Георгиевский переулок; дворик внутри улицы Горького, где на лавочке сладко целовался с одной девочкой. Четырнадцать лет — упоительный и неповторимый возраст, «возраст робкого осла», говорил Генрих Гейне. Зато удовольствия — выше всякой знойной страсти!..

Но я отвлекся от Замоскворечья. Любимые улицы той поры: Люсиновская, Мытная, Житная, Полянка, Ордынка, Щипок… Друзья-товарищи. Встречи-разговоры. Футбол и карты. Стихи и алкоголь (дань возрасту?). Помню, зимой всегда с наслаждением после бани (Донской или Даниловской) тянул кружку ледяного пива и никогда не позволял, чтобы в нее доливали

теплого пива из чайника. Нынешним любителям баночного пива этого не понять!

Я упомянул танцверанду в парке Горького. Но ходил я не только туда. Конец 40-х — начало 50-х годов — расцвет стиляжничества. Узкие брюки. Ботинки на толстом каучуке. Пестрые галстуки — и «О Сан- Луи, город стильных дам…» Почему-то очень тянуло в Сан-Луи, Париж, Сан-Франциско (неосознанная реакция на официальную патриотическую пропаганду). И уже улица Горького — не Горького, а Бродвей. И все мы, тогдашние стиляги, с сознанием собственной значимости (еще одно молодое заблуждение) «хиляли» вдоль нынешней Тверской.

Нету танца лучше буги –
Африка!
Все танцуют буги-вуги –

Африка!

Лучшие стиляги Москвы танцевали в ресторане «Москва» в зале на втором этаже и в ресторане «Спорт», что был за Белорусским вокзалом сразу по Ленинградскому проспекту. Сейчас там, кажется, какой-то офис. Как мы тогда танцевали! Как пристукивали каблуками на подковках! Как млели!.. «Расскажи, о чем тоскует саксофон…» Лично для меня сталинские годы — это не планы преобразования природы и не труды вождя по языкознанию, а именно тоскующий саксофон, что соответствовало возрасту и умонастроению, и я этого сегодня не стыжусь.

Второе сильное увлечение после танцев — футбол. И сам играл, и «болел» отчаянно. Первые футбольные азы проходил в Строченовских переулках, на задворках школы, где мы, школята, с упоением гоняли тряпичный мяч. Да-да, тряпичный. Кожаный, пятнистый нам и не снился. Потом, взрослея, уже гонял мяч на стадионе завода «Красный пролетарий» на Мытной, на Ширяевом поле в Сокольниках, на полянках в Лужниках и в других футбольных и полуфутбольных местах. Ну, а «боление» длилось почти четыре десятилетия, начиная с осени 1945 года — матчи «Динамо» в Англии, хриплый голос ра-

диокомментатора Вацима Синявского покорили сердце. Исправно ходил почти на все матчи

динамовцев в Петровский парк и в Лужники. Сколько переживаний, страстей, эмоций!.. По юности прорывался на трибуны без билета, по зрелости — торжественно проходил через служебный вход по спецпро- пуску. Но футбол — отдельная тема. Волнующая и даже чуть капризная. Не будем ее ворошить.

Я благодарен судьбе, что жил не в телевизионную эру (свой первый телевизор приобрел после 40 лет), и поэтому вместо часовых бдений у «ящика» в молодые годы активно ходил на спектакли (любимыми были Большой, Художественный и Малый театры, еще оперетта и сатира), покупал и изучал театральные программки и, конечно, обожал кино (нравились и «Трактористы», и американская версия «Трех мушкетеров»). «Придворными» кинотеатрами были: «Авангард» (давно снесенный), «Ударник», «Буревестник» и позднее появившийся на Люсиновке кинотеатр, хотя специально ездил и в дальние: «Форум», «Колизей» и прочие.

И еще — библиотеки. Сегодня для меня это странно — пойти в библиотеку. Зачем, когда есть домашний огромный архив, которым в основном

и «питаюсь»? Но тогда, в младые годы, шел лишь набор знаний. Сидел, читал и делал многостраничные выписки в Ленин- ке, в Исторической библиотеке, читальне дома-музея Маяковского на Таганке.

Ну а теперь обратимся к московским адресам трудовой деятельности: Большая Полянка, Пятницкая улица, Хрустальный переулок (около ГУМа), улица Горького, Неглинная, снова Пятницкая, Большой Черкасский переулок, проспект Вернадского…

На Большой Полянке находилась районная контора Мосхлебторга. Дом-лабаз. Он и ему подобные давно снесены, и вместо них возвышаются дома-коробки, в одном из них расположен книжный магазин «Молодая гвардия». Также нет старинного дома, в котором располагалась популярная булочная-кондитерская № 5, ныне на ее месте чванливо торчит стеклянный небоскреб гостиницы «Националь». Я прохожу мимо и вспоминаю, как в подвале былой булочной в тесной каморке без окон доблестно трудился молодой выпускник Плехановки. Дважды пришлось мне работать на Пят

ницкой: меньше года в кондитерском магазине (боже мой, какими конфетами угощали меня), а

затем в течение 13 лет трудился уже на другой ниве, на поприще радиовещания на страны Латинской Америки — в радиодоме (он напоминает утюг) на той же Пятницкой улице, около станции метро «Новокузнецкая».

На радио я пришел работать из экономического журнала «СПК», редакция которого располагалась на Неглинной улице по соседству с магазином «Охота и рыболовство». До революции здесь был бордель (комнаты-номера), а в советское время — бордель редакционный. Веселое было время (опять же исключительно по причине молодых и глупых лет). Запомнилось оно не столько выпуском скучнейшего журнала, сколько веселыми перерывами на обед в теплой компании коллег. Обеды-застолья проходили в ресторане «Будапешт», в «Узбекистане» и в «Камышах» (так в народе называлось кафе в начале Неглинной, дома эти вместе с кафе давно снесены). Кстати сказать, в те 50-60-е годы мною были «опробованы» многие «едальные» места, от помпезного «Метрополя» до последней «забегаловки». И с каждым предприятием «общепита» (это слово тоже исчезло из нашего словаря) связано какое-то определенное воспоминание. Естественно, сугубо личные, поэтому и не вываливаю их на

читателей.

Так сложилась судьба, что все мои «точки приложения» трудовых сил находились в самом Центре, в пределах Садового кольца. И когда я, коренной москвич, очутился в доме Центросоюза на проспекте Вернадского, то воспринял этот район как какие-то выселки, периферию, вовсе не Москву.

Что касается места жительства, то вот почти 30 лет, как я покинул родное Замоскворечье и живу на Соколе, в окружении многочисленных Песчаных улиц. Я полюбил этот район бывших генеральских квартир. Когда-то тут жили Белла Ахмадулина, турецкий классик Назым Хикмет, добрый писатель Дмитрий Гулиа. Я как-то делал материал о нем, который Гулиа очень понравился, и он предложил мне написать что-нибудь о Пушкине (он готовил пушкинский номер в «Литга- зете»), чем поверг меня в ужас. Я и Пушкин?! Да кто

я такой?! Но прошли годы, я «оборзел» и спокойно пишу о Пушкине, Байроне и других корифеях мировой литературы.

В моем новом районе много зелени. По весне зацветают сирень и черемуха, в белом кипенье купаются яблони и вишни, полыхает лиловым

иноземным цветом японская сакура. Вполне милый район, если бы не… чуть не скатился на фельетонные выпады, но это противоречило бы общей тональности воспоминаний.

Когда долго живешь в городе, то явственно видишь, как он меняется, а последние годы над Первопрестольной несется настоящий строительный ураган: крушатся старые здания, возводятся новые, реставрируются ветхие. Тут мне пришлось побывать несколько раз в студии Авторского ТВ в Казачьем переулке (все то же Замоскворечье), и я охнул от уже построенных и еще возводимых особняков в стиле московского неомодерна.

Москва хорошеет на глазах. Это с одной стороны. С другой — с каждым годом превращается в жуткий мегаполис, перенаселенный и кишащий людьми и автомобилями. По сравнению с нынешними временами Москва 50-х годов была почти провинциально тиха. Я не имею в виду киллеров и стрельбу, эту примету американского Чикаго, нет, в целом город был спокойнее, уравновешеннее и скромнее (опять же под влиянием тоталитаризма с его железным порядком). Сегодня Москва — город контрастов, город вопиющей роскоши и удручающей бедности. Тут критикуй не критикуй, ничего от этого не изменится. У

истории есть свой план и ход развития, и его не перешибешь ничем.

Сегодня, подобно Лермонтову, я могу сказать, что люблю Москву, но «странною любовью»: временами ненавижу, рвусь из нее. Но удивительное дело: возвращаешься домой откуда-то из Вены или Брюсселя — и искренне радуешься, что снова в Москве. Снова дома. Очевидно, это чувство знакомо многим, недаром поэт Серебряного века Константин Бальмонт писал в эмиграции:

Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук – услада,
Песнь Мекки и Дамаска, и Багдада –
Мне не поют заветные слова, –
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне:
Москва!

Москва — отчий дом. Между прочим, Бальмонт родился в деревне Гумнищи под Шуей, а я в Москве, да еще на Арбате, и — вспомним начальный эпиграф — «рвался вперед, навстречу бытия». Бытие наше именно в Москве. А всякая «загранка» — так, развлекаловка. Побывал, полюбовался и назад — глубже вдыхать «дам

отечества».

Принцесса Греза, большевик Бухарин и шпион Освальд – обитатели «Метрополя»

(история гостиницы)

«Метрополь»… Сегодня это пятизвездный международный отель, входящий в объединение гостиниц «Ин- терконтиненталь». Недоступно-надменный, красивый, валютный. А когда-то он был вполне доступный, народный, если можно так выразиться (ах, эта пленительная идея равенства!).

Во-первых, тут был кинотеатр, длинный как кишка, но вполне уютный. И сюда я приходил смотреть фильмы. Центр, метро рядом, удобно… Во-вторых, даже в свои полуголодные студенческие годы я не раз бывал в ресторане «Метрополь», чтобы в хрустально-накрахма- ленном уюте отведать бульон, съесть котлету по-киев- ски (в 50-е годы наивысший кулинарный изыск) и заказать чашечку черного кофе. То есть устроить себе маленький праздник в великолепии метропольского интерьера, под сводами удивительной красоты стеклянного расписного потолка.

Так что, входя в почти царственные апартаменты нынешнего «Метрополя», я чуточку ностальгировал по ушедшему прошлому.

Ну а теперь исторический экскурс.

История

На месте «Метрополя» в конце прошлого века находилась гостиница «Челыши». Вместо нее акционеры во главе с Саввой Мамонтовым решили воздвигнуть новую гостиницу, соответствующую облику новой России, переживавшей тогда капиталистический подъем. Был объявлен международный архитектурный конкурс на проект фасада здания. Окончательный выбор пал на проект английского архитектора Вильяма Валькотта. В строительстве «Метрополя», начавшемся в 1899 году,

приняли участие Кекушев, Эриксон, Весневский и другие русские архитекторы, инженеры и строители.

В 1903 году здание было построено, и пораженная Москва ахнула. Рядом со строгими постройками классической архитектуры (Большой и Малый театры) появилось нечто совсем новое, в стиле модерн. Пятиэтажная, массивная, чем-то напоминающая океанский корабль, го-

стиница возникла у Китайгородской стены. Сразу разгорелись споры: красив «Метрополь» или нет, вписывается в Москву или выламывается из нее?

Недавно ушедший от нас Юрий Нагибин считал, что «Метрополь» построен, как он выразился, с мавританскими причудами группой посредственных архитекторов. Но это личное мнение писателя. Конечно, «причуды» видны невооруженным глазом: в модерн вплетены элементы неоклассицизма, барокко и даже стиля Людовика XIV. Словом, эклектика. Но это как раз тот случай, когда эклектика не раздражает, а, наоборот, приятно ласкает взгляд. «Метрополь» смотрится, а после реставрации особенно. Я бы даже сказал: он грандиозен и впечатляющ.

Фронтон здания украшает майоликовое панно Михаила Врубеля «Принцесса Греза». У этого панно почти детективная история. Савва Мамонтов заказал картину (16 м в длину и 6,36 м в высоту) Врубелю, который работал над ней с редким вдохновением. Картину собирались экспонировать на Всероссийской промышленной и сельскохозяйственной выставке летом 1896 года в Нижнем Новгороде, но… взбунтовались академики, входившие в жюри императорской

Академии художеств. По словам художника Коровина, не обошлось без «озлобленной ругани, и ненависти, и проклятий на бедную голову Михаила Александровича». Многие не поняли новаторства Врубеля.

Мамонтов не дал в обиду своего любимца, и картина все же была выставлена в отдельном павильоне. А ее декоративная копия вознеслась над «Метрополем».

«Принцесса Греза» — персонаж модной тогда комедии Эдмона Ростана. Что касается оригинала картины, то он считался долгое время пропавшим и лишь в 1957 году был обнаружен случайно.

Врубель был не единственным художником, который потрудился во имя красоты «Метрополя». Во внутренней отделке здания принимал участие знаменитый архитектор Иван Жолтовский. Потолки расписывал Сергей Чехонин, график и живописец, член объединения «Мир искусства», создатель так называемого «агитационного фарфора». У Чехонина был каллиграфически изощренный рисунок кистью, основанный на стилизации декоративных мотивов русского ампира. Прибавьте к этому искусную работу краснодеревщиков, мраморщиков, чеканщиков, изготовителей фарфора, уникальных люстр и

светильников, и вы получите почти музейный «Метрополь».

Четырнадцать лет отвела история «Метрополю» в дореволюционное время. Гостиница была знаменита и посещаема. Не менее популярным слыл и ресторан. Мамонтов имел тут постоянный столик. Частым гостем был Шаляпин. Запомнился его импровизированный «бенефис» по случаю царского манифеста о свободе. Взбудораженный Федор Иванович взгромоздился на стол и оглушил всех пением «Дубинушки». «Эх, дубинушка, ухнем!..» И она ухнула в образе революции. Ухнула так, что от старой жизни не осталось и следа.

Второй Дом Советов

В октябре 1917 года в «Метрополе» засели, как пишут коммунистические летописцы, белогвардейцы. Из здания они были выбиты красногвардейцами и революционными солдатами во главе с Фрунзе, о чем свидетельствует мемориальная доска.

С марта 1918 года «Метрополь» зажил новой, неожиданной жизнью: он превратился во 2-й Дом Советов. Здесь разместились правительственные учреждения, проходили съезды и конференции, жили государственные и партийные деятели.

По западному фасаду протянулась новая надпись, исполненная большевистской самонадеянности: «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала. Ленин». Сам вождь не

однократно бывал в «Метрополе». В июле 1918 года, когда Германия предъявила ультиматум молодой республике, он выступил с балкона во внутреннем зале. Еще Ленин выступал тут в день прощания с председателем ВЦИК Яковом Свердловым. Тогда же в «Метрополе» было оглашено решение Московского Совета о том, что площадь перед гостиницей будет носить имя Свердлова. Потом ей вернули прежнее название: Театральная.

Итак, в «Метрополе» обосновался 2-й Дом Советов. В мгновение ока все изменилось: атмосфера, публика, речь. По коридорам уверенно засновали партийные функционеры, засуетились советские чиновники, замелькали различные делегаты из разных концов России. Собирались в банкетных залах. Совещались. Надрывали горло. И все во имя светлого будущего. А пока в его ожидании неуклонно мерк аристократизм «Метрополя», исчезала его буржуазная комфортность, тем более что часть гостиничных номеров была отдана

новым жильцам под коммунальные квартиры.

«Метрополь» и коммуналки — непостижимо! Но и жизнь тогда была непостижимой для нас, людей сегодняшнего дня.

Мы сидим в холле с Евгением Сергеевичем Петропавловским, жильцом «Метрополя» более чем с 25-летним стажем проживания (его личную судьбу, полную драматических моментов, сознательно опускаю). Петропавловский вспоминает, как ему в юные годы приходилось сталкиваться с многими знаменитыми людьми советской эпохи: Бухариным, Ульрихом, Енукидзе…

В «Метрополе» жил Ларин, который, как считается, стоял у колыбели советской экономической политики. Беспокойный, постоянно фонтанирующий идеями человек. В те годы бытовала такая присказка: «Нас учили в книгах мудрости Бухарина и с утра до ночи заседать У Ларина».

У Ларина была дочь Нюся (Анну Михайловну Ларину в ту юную пору называли именно так). Дочка была прехорошенькая, и друживший с Лариным Николай Бухарин часто с нею играл. Нюся подросла, и между ней и любимцем партии Бухарчиком завязался роман. Она называла его Николаша и обращалась к нему на

«ты». Обо всех этих любовно-лирических пе-

рипетиях рассказывала Анна Михайловна в интервью журналу «Огонек», в частности о том, как ее первое стихотворное признание Бухарину: «Видеть я тебя хочу. Без тебя я грущу» — передал Николаю Ивановичу сам Сталин. Эдакая зловещая ирония судьбы.

До 1927 года Бухарин жил в «Метрополе», а потом, по настоянию Сталина, переехал в Кремль, но продолжал бывать в «Метрополе» у Лариных. Бухарин не страдал вождизмом, был человеком в быту несколько даже робким и застенчивым. Однажды, рассказывает Петропавловский, швейцар гостиницы сделал замечание Бухарину при входе в «Метрополь», что он-де не снимает галош. Бухарин их снял и, крепко прижимая к груди, поднялся на 4-й этаж, к своей возлюбленной невесте.

Совсем по-другому держал себя Ульрих, один из сталинских сатрапов. Верноподданническая печать писала о нем, что он «лучший из лучших судей страны».

Ульрих проживал в «Метрополе» со своей женой, невзрачной и толстой литовкой. Его всегда сопровождали двое военных — охранников. Маленький, плотный, Ульрих деловито пробегал по коридорам «Метро- поля», спускался вниз и

садился в автомобиль, чтобы проехать пару сотен метров в свое ведомство, коммунистическое судилище. Там он вел судебные дела и тех, кто жил с ним бок о бок в «Метрополе».

Старейшая работница гостиницы Анна Петровна Борисова рассказывает, как в середине 30-х годов все обитатели «Метрополя» со страхом ложились спать: к 12 часам ночи во двор приезжали специальные автомобили («черные Маруси», как окрестила их Анна Ахматова), чекисты поднимались вверх на 1рузовом лифте и брали очередную свою жертву. Кого не тронули, те испытывали короткое облегчение: на этот раз пронесло! А завтра?

Одной из жертв чисток стал маршал Василий Блюхер. Он жил в «Метрополе» в 73-м номере люкс с женой и двумя маленькими дочками. Много лет спустя в гостиницу пришла жена Блюхера, встречалась с Борисовой, которая когда-то присматривала за маленькими дочками маршала, и с печалью вспоминала об исковерканной жизни.

В те страшные годы никто не был застрахован от «карающего меча» Лубянки. Авель Енукидзе был другом Сталина, но и он впал в немилость. Некогда весельчак и любитель дамского общества, Авель Енукидзе, когда над ним нависли тучи

гнева, мгновенно сдал. Как говорится, почернел лицом. Таким и запомнил Енукидзе его сосед по «Метрополю» Петропавловский.

Но хватит об этом.

Жили во 2-м Доме Советов, то бишь в «Метрополе», не только маршалы и крупные советские деятели, но и какие-то малоизвестные личности. Как они туда попали, кто выдал им вожделенный ордер на жилплощадь, установить, наверное, невозможно, да и не нужно. Жили и жили, и Бог с ними!

С трудом сегодня можно представить, как в «Метро- поле» существовали эти коммунальные клетушки; «всюду ужаснейшая грязь», — записано в дневнике Сергея Прокофьева; общая кухня, керогазы, запах готовки и стирки. И апофеоз всему — общая уборная на этаже. Некий старик по фамилии Файнштейн по утрам торжественно нес в туалет горшок своей старой жены (она брезговала ходить в общий туалет и на манер советской маркизы Помпадур предпочитала индивидуальную ночную вазу). Эту сцену удачно застал и сфотографировал корреспондент газеты «Нью-Йорк тайме». С соответствующей подписью снимок был опубликован и вызвал почти международный скандал. И началось великое

выселение коммунальных жильцов из «Метрополя». Полностью оно завершилось в 1954 году.

Помещения почистили, привели в божеский вид, и они снова стали гостиничными номерами. В этой операции пострадало много старой мебели, которую посчитали хламом (было такое поветрие: все старое — это рухлядь, все новое — это прекрасно), потом, естественно, спохватились и снова стали выискивать всякие шкафчики, стульчики и кресла с ломаными линиями и изящными изгибами.

С середины 50-х годов начался еще один виток в истории «Метрополя»: интуристский. Гостиница для иностранцев.

Жильцы и гости

В разные годы в «Метрополе» останавливались такие знаменитости, как Лев Толстой, Илья Репин. В 1911 году в Москве в последний раз побывал ученый с мировым именем Илья Мечников, остановился он именно в «Метрополе». В октябре 1932 года в дни своего юбилея жил здесь отец космонавтики Константин Циолковский.

В 1937 году вернулся из Парижа на родину Александр Куприн. Он поселился в «Метрополе». «Родная Москва встретила меня на редкость при-

ветливо и тепло, — отмечал писатель. — Душа отогревается от ласки незнакомых друзей. Даже цветы на родине пахнут по- иному… на родине все лучше!»

Петропавловский вспоминает, как к Куприну в гостиницу приходили восторженные юноши и девушки — уставшие от «Брусков» и «Цемента», они искренно приветствовали автора «Суламифи» и «Гранатового браслета».

В «Метрополе» жил после своего возвращения и «солнечный композитор» Сергей Прокофьев. Он покинул Россию в 1918 году и вернулся спустя 9 лет. Уезжая, он писал: «Итак, прощайте, большевики. Прощайте, «товарищи»! Отныне не стыдно ходить в галстуке, и никто не наступит на ногу».

И вот Прокофьев вернулся все к тем же большевикам-«товарищам». Почему? Загадка. На Западе он был признан, материально обеспечен и все-таки вернулся в Советскую Россию, в мрачнейший ее период. «Собрали вещи и отправились на вокзал — ехать в Большеви- зию. Мелькали мысли, вернешься ли оттуда или не отпустят», — делился с бумагой своими раздумьями Сергей Прокофьев.

1927 год, 20 января, четверг. Запись в дневнике композитора: «Приехали в Метрополь… Первым долгом надо было достать мне в номер

инструмент; к моему первому московскому выступлению я хотел быть в форме. В России на инструменты голод: новых не выделывают или выделывают очень мало, а на выписку из-за границы не дают лицензию…»

Через два дня Прокофьев был в гостях у наркома Луначарского, сел за «рояль среднего качества» и сыграл «марш из Апельсинов».

В «Метрополе» Прокофьев жил с 19 января по 24 марта 1927 года. Тут у него не раз бывали в гостях его друзья-композиторы Николай Мясковский и Борис Асафьев. Как сложилась дальнейшая судьба Прокофьева — это особая тема, уже никак не связанная с гостиницей. Отметим лишь одно: Прокофьева не арестовывали, не ссылали, ему просто приклеили ярлык главного «формалиста» в музыке и перекрыли кислород. В последние годы это был сломленный человек.

Если вспоминать иностранных гостей «Метрополя», то здесь жили весьма именитые особы. Например, Бернард Шоу, Поль Робсон, Пабло Неруда… В список звезд, проживавших в «Метрополе», входят Монсеррат Кабалье, Иегуди Менухин, Пьер Ришар, Жерар Депардье, Майкл Джексон…

Ходил по «Метрополю» и знаменитый кино-

актер Омар Шариф, да не сам по себе, а в образе доктора Живаго. Режиссер одноименной картины Дэвид Лин одну из сцен своего фильма снимал в ресторане при гостинице.

Надо отметить, что киношники обожают снимать интерьеры «Метрополя». Приглянулись роскошные кабинеты и залы и политикам. О выступлении Ленина мы уже упоминали. Тут велись переговоры с Сухэ-Ба- тором, руководителем монгольской революции. С Мао- Цзэдуном проводил свои задушевно-политические беседы Сталин. А о чем думал в своем номере «Метро- поля» Ли Харви Освальд, когда вернулся из Минска и собирался отправиться в Америку? Может быть, вынашивал в своей голове какую-то маленькую частицу тайны будущего убийства Кеннеди?

А какие тайны хранит нынешний люксовый номер 44? В нем жил первый министр иностранных дел коммунистической России (тогда нарком) Георгий Чичерин. Аристократ по происхождению, он мало походил на «пламенных революционеров», вульгарных и грубых. И все же оказался в этой стае, ибо не захотел, как он признавался, «жить так просто, без смысла». Революция показалась ему таким смыслом: добиться справед-

ливости и счастья для всех людей. Кроме революции, Чичерин любил музыку. «Революция — настоящее, а Моцарт — предвкушение будущего», — писал он. Свой литературный этюд о Моцарте Чичерин назвал так: «Выписки плюс лирика».

От времен Чичерина в номере сохранился диван со львами из красного дерева на валике, просторный письменный стол с зеленым сукном и множеством ящичков. Что лежало в них? Какие дипломатические ноты? Или ноты с пьесами Моцарта?.. В углу кабинета стоит рояль «Рониш». Я не удержался, открыл крышку и тронул клавишу. Раздался одинокий и какой-то грустный звук. Звук далеких воспоминаний…

Ресторан

Отдельная глава истории «Метрополя» — это ресторан. Их, правда, несколько: собственно «Метрополь» (224 посадочных места, если говорить общепитовским языком), «Европейский» (136) и «Боярский», стилизованный под боярские своды, где незаметно снуют официанты, одетые в красные русские рубахи, — «рашен клюква». Есть еще одиннадцать кабинетов. Долго ломали голову, как их назвать, и решили увековечить память

русских писателей — у кабинетов появились золоченые таблички: Толстой, Гоголь, Чехов, Достоевский, Бунин… Хотите выпить у Бунина? Или покутить у Достоевского? Милости просим!..

«Звенят, гудят джаз-банды…» Это строчка из песенки Александра Вертинского, он был завсегдатай ресторана (в гостинице он и жил со своей красавицей женой и двумя очаровательными дочками — Марианной и Анастасией… «О, как это было давно…»).

Послушай!.. О, как это было давно…
Такое же море и то же вино…
Мне кажется, будто и музыка та же.
Послушай, мне кажется даже…

Помните песню Вертинского «Над розовым морем»? А помните, какие строки следуют дальше?

Нет! Вы ошибаетесь, друг дорогой,
Мы жили тогда на планете другой…

Вот уж действительно те ушедшие времена — это жизнь на другой планете. Сколько политических интриг, финансовых комбинаций, любовных историй было в той далекой жизни, в том старом «Метрополе» (сегодня совсем другие интриги, другие комбинации и другая совсем

любовь)…

Историки утверждают, что именно в «Метрополе» Сергей Есенин признался в любви американской «босоножке» Айседоре Дункан. Признался в любви, чтобы потом возненавидеть? «Встречаются, чтоб разлучаться, влюбляются, чтоб разлюбить…» — это не Есенин, это Игорь Северянин.

Позднее, несколько десятилетий спустя, в зале «Метрополя» состоялась встреча (так и хочется написать: ис- торико-семейная) Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича. Вот что пишет по этому поводу сама Вишневская в своей книге «История жизни»:

«Иногда известных артистов приглашали на приемы иностранных делегаций в качестве гостей, и на одном таком приеме в ресторане «Метрополь» в апреле 1955 года была и я — естественно, без мужа. Мы сидели за столиком своей компанией. Вдруг подходит какой-то молодой мужчина, здоровается со всеми. Меня спрашивают: «Вы не знакомы?» — «Нет». — «Так познакомьтесь — это виолончелист Мстислав Ростропович, а это — новая звезда Большого театра Галина Вишневская». Он сел за наш стол, я с кем-то болтала, на него не обращая никакого

внимания… Он рассказывал какие-то смешные истории, потом смотрю — яблоко от него ко мне через весь стол катится (как Парис в «Прекрасной Елене» — «Отдал яблоко он ей…»). Я собралась уходить домой, молодой человек вскакивает: “Послушайте, можно мне вас проводить?”»

Так началась история взаимоотношений двух звезд мирового искусства. Добавим к этому, что Мстислав Ростропович, будучи еще студентом, выступал в «Метрополе» с концертами. Тут самое время привести отрывок из воспоминаний Юрия Нагибина:

«Старые москвичи очень любили ресторан «Метрополь». Не могу понять, почему казался таким уютным огромный с высоченным потолком зал. Посредине весе-

ло журчал фонтан, водяные струи осыпались в бассейн, где плавали рыбы: караси, карпы, сазаны, судачки. Вы могли выбрать рыбу и заказать ее в сметане, фри или запеченную в картофеле… На большой эстраде играл отличный джаз с сильными солистами и очень достойным репертуаром. Танцевали вокруг бассейна, освещение менялось: рубиновое, синее, серебристое, оранжевое, соответственно окрашивалась вода в садке и струи фонтана. Это было красиво. Сюда частень-

ко захаживали писатели, режиссеры, артисты — московская интеллигенция...» (Ю. Нагибин. «Всполош- ный звон»).

Кто только не ел и не пил (а то и просто гулял) в ресторане! Рассказывают, что один из сталинских министров так разгулялся, что свалился в бассейн, после чего лишился своего высокого поста. Ну как не напиться, когда так привлекает широченный ассортимент напитков. Тут вам и ароматное розовое «анжуйское», и нежнейшее «божоле», романтическое «бургундское» (хочется мгновенно стать мушкетером), и кристальное шампанское «Луи Родерер», которое так любил Александр II. А ассортимент блюд! Как вам понравится такой набор: суп из зеленой спаржи с орехами макада- миа, маринованный барашек с соусом розмари, французские сыры, медовое парфе с малиновым шербетом? По-моему, недурственно! А знаменитая гурьевская каша, приготовленная по особому рецепту? Тоже пальчики оближешь! Не хуже знаменитых ананасов в шампанском!..

Особенно широко шла гулянка в послевоенные годы. «А помнишь, при Сталине? Сразу после войны?» На эту тему выступил журнал «Огонек» с публикацией «Царевы кабаки» Павла

Кнышевского. Народ влачил полуголодное существование, а 208-я спецбаза центральной конторы снабжения ВАО «Интурист» ломилась от всевозможных яств. База снабжала продуктами трех грандов «Интуриста» — «Метрополь», «Националь» и «Савой». Этот спецфонд (остряки называли его именем Анастаса Микояна) и давал возможность покутить во всю ивановскую. Гуляли министры и артисты, дипломаты и директора. Среди звездной клиентуры был и «за

кройщик из Торжка», народный любимец Игорь Ильинский. Он обожал сладенькое. Все эти звезды-клиен- ты не только ели и пили в ресторане, но часто пользовались и «сухими пайками».

Но что вспоминать? Что было, то было. И сегодня в кабинеты и залы «Метрополя» идут косяком люди — встретиться, поговорить, покушать, выпить. Кто-то из читателей, возможно, не выдержит и взовьется в крике: а цены?! Цены, конечно, соответствующие. Вот, к примеру, «шведский стол». Обед — 36 долларов, ужин — 48, завтрак — 22, естественно, без спиртных напитков.

Сегодня в залах «Метрополя» стало меньше «чистой» интеллигенции, но зато больше бизне-

сменов, предпринимателей, коммерсантов, то есть деловых людей. Встречаются и политики. Как только на политическом небосклоне взошла звезда Владимира Вольфовича, он первым делом примчался в «Метрополь» и отметился в ресторане. Оно и понятно: прежде чем делать «бросок на юг», следует основательно подкрепиться.

И все же главное не политики. Главное — высокие гости, которые останавливаются в «Метрополе» и используют его залы для своих деловых и культурных акций. Переполох был в «Метрополе» в связи с «высокой модой». Высадился целый десант французской элегантности: пять известных парижских домов «от купор». И это сближает Москву со всеми столицами мира.

Третья жизнь «Метрополя»

Первая жизнь — будем считать дореволюционная, вторая — советская, а третья — нынешняя. Как вы помните, в 1986 году «Метрополь» был закрыт на реставрацию, к этому времени он сильно обветшал. За реконструкцию и реставрацию взялись русские мастера и финские специалисты из фирмы «Перусюхтюме» (руководитель проекта Эркки Хюлкиля). В течение пяти лет «Метрополь» был в лесах и, как и при своем строительстве,

окутан загадочными слухами. Но вот в феврале 1991 года перед москвичами предстал новый

«Метрополь» во всем сиянии восстановленной молодости — и сразу отбил «хлеб» у всех злопыхателей.

И внешне, и внутренне «Метрополь» засиял. Панно Врубеля, все архитектурные завитки и детали были очищены от «пыли веков» и отдраены до блеска. Обновленными предстали и внутренние интерьеры, мебель, скульптуры и все прочее.

«Метрополь» изменился и качественно: число мест в гостинице возросло с 659 до 800. Номеров стало 403, в том числе 75 номеров люкс. Цена номеров: от 330 до 1600 долларов в сутки.

При гостинице появился спортивный комплекс, конференц-зал, подземный гараж. Здание оснащено самыми современными инженерными системами. Появился бизнес-центр (кстати, вместо бывшего кинотеатра — вечная ему память). В бизнес-центре есть все необходимое для деловых людей: компьютеры, факсы, телексы и прочее. Короче, «Метрополь» вышел на нормальный мировой уровень обслуживания клиентов. Прибавьте к этому его восстановленную красоту — лепнину, декор, подлинные картины, мебель,

скульптуры, люстры, которые реставрировали лучшие мастера из Эрмитажа. В итоге все это, вместе взятое, и позволило «Метрополю» встать в один ряд с такими супергостиницами, как «Ле Гран» в Париже, «Карлтон» в Каннах и «Виллард» в Вашингтоне.

…В холле было уютно и респектабельно. Я сидел, вспоминая строки Валерия Брюсова, написанные Михаилу Врубелю:

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.

Строки эти прекрасны, но нуждаются в маленькой корректировке. Не наяды, а амуры-светильники. Смотрят лукаво, но совсем не печально. А скорее удивленно. Удивляясь нашей нынешней жизни, где и «убогое богато». «Метрополь» — истинный оазис западной роскоши в российской мерзости запустения.

Июль 1994 г.

Иные дали

...Давай мы с тобой помечтаем,
Давай мы с тобой улетим
В Италию.
Хочешь в Италию -
В Неаполь, в Милан или в Рим?..

Кирилл Померанцев Мир путешествий

Сотри случайные черты -
И ты увидишь: мир прекрасен.

Александр Блок

Нет в жизни ничего прекраснее путешествий, если не считать, конечно, книг, любви, вина и женщин. Но путешествия!.. Ставлю многоточие и восторженно закатываю глаза. «Это нечто!»

— как говорит современная Эллочка-Людоедка.

Мои личные путешествия начались с детского курорта Анапа. Затем в зрелые годы — Сочи, Одесса, Крым. Ленинград и Тбилиси. Кисловодск и Прибалтика. Пушкинские Горы и Львов. Многочисленные командировки по стране: Иваново, Могилев, Краснодар, Куйбышев, Волгоград, Челябинск, Киров, Черкассы, Таллинн, Ташкент, Минск, Запорожье, Ивано-Франковск, Владивосток, Вильнюс, Рига, Киев, Петрозаводск, Брест, Бухара и т. д. Республиканские и областные центры, города, городки, поселки и села.

Короче, удалось поездить по Советскому Союзу и немало повидать, но заграница («Страна святых чудес!» — как писал славянофил Хомяков) долгое время была терра инкогнита. Таинственный мир за железным занавесом. Привлекательный и манящий.

Перед своей скандинавской поездкой в 1976 году я писал:

«Принадлежность к великой стране и патриотическое воспитание заставляют нас криво усмехаться по поводу достижений и уровня жизни малых стран и народов, каких-то «датчан и разных прочих шведов». Мы — супердержава, делающая ракеты и покоряющая Енисей, как

поется в одной песне. Мы запустили первый спутник, сконструировали луноход, ввели бесплатное медицинское обслуживание и всеобщее среднее образование. У нас самое большое жилищное строительство. А дальше стремительно нарастает уже бормотание взахлеб: самое большое… громадное… первое в

Европе… лучшее в мире… «А у нас в квартире газ… А у вас?..» И стоит, ослепленный своими достоинствами, русский великан и смотрит невидящими глазами на мир…»

Однако поездка в Швецию-Данию была второй по счету. А первым и незабываемым, как первая любовь, был вояж в Бельгию, Голландию, Люксембург в июле 1973 года. В те годы мало кто выезжал на Запад, а тем более в страны Бенилюкса. По приезде домой, вдохновленный увиденным, я напечатал «в стол» аж 100 страниц путевых впечатлений (публиковать тогда их было просто невозможно).

Сегодня поездками в дальние страны никого не удивишь, появились даже специальные издания «Вояж», «Иностранец» и другие. Собрал деньги — и поехал. И никаких проблем. А тогда!.. Всю тогдашнюю предпоездную вакханалию точнехонько выразил Владимир Высоцкий в

песне «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме». Инструктор (естественно, кагэбэшник)

Говорил со мной как с братом
Про коварный зарубеж,
Про поездку к демократам
В польский город Будапешт…

Это Будапешт, соцстрана, ну, а капиталистическая — тут специальные комиссии по отбору достойных граждан просто сатанели, решая вопрос: пущать или не пущать?! Комиссии, пресса, радио, телевидение — все стращали соотечественников загнивающим Западом, вбивали в сознание и в подсознание, что все у них там не так, бесчеловечно, мрачно и ужасно, что они — представители капиталистической системы (за исключением членов коммунистических партий) — совсем другие люди, чем мы, счастливые граждане Страны Советов. И поэтому немудрено, что, когда наша туристическая группа (все члены Союза журналистов СССР) попала из самолета в зал брюссельского аэропорта «Завентен» и увидела плачущего малыша, кто-то из группы умиленно сказал: «Плачет. Как у нас». И вот это ощущение, что у них — «как у нас», было самым

первым моим впечатлением от Запада.

Ну а дальше — архитектурные красоты, великолепие католических соборов (чего стоит один Гентский собор со своим знаменитым алтарем: увидеть и умереть!), восхитительные собрания картин в музеях (включая Дом Рубенса) — все это требует отдельного разговора.

Конечно, в 1973 году потрясали витрины магазинов, ошеломляло изобилие товаров, да и «живой» товар, впервые увиденный, вызывал некий психологический шок. Но все это в прошлом. Ныне витрины наших магазинов и наши «девочки», вышедшие на панель, ничуть не хуже. Но — еще раз воскликну — тогда!.. Вот отрывок из моих бельгийских заметок:

«Путь в «Палас-отель» лежал через «розовый район». Я изнемогал от усталости и впечатлений, однако пришлось тащиться за остальными. Напарники оказались настоящими бойцами. Олег подходил к живым рекламам и рассматривал их в упор. После каждого окна он тяжело отваливал, подбегал к нам и признавался: «Ну, братцы, я такого никогда не видел!» И это говорил маститый журналист, кандидат юридических наук, бывший народный судья, фронтовик, отец двоих детей… А когда я показал Олегу на авто-секс-сер-

вис, то он обомлел окончательно. Действительно, есть чему подивиться: в тихом переулке вас нагоняет машина с красным огоньком, на ходу открывается дверь, высовывается для соблазнения изящная ножка, и автомобильная красотка приглашает вас занять место рядом с ней. У руля? Как в старой дореволюционной шансонетке:

Шофер мой милый, как ты хорош,
За руль возьмешься – бросает в дрожь.
Ты знаешь, как поставить,
Ты знаешь, как направить,
И нежданно полный ход даешь!..

В номер я притащился еле-еле. Принял душ, устроил себе головомойку. А потом, как и подобает простому советскому человеку, нашел утешение в труде: полоскал в белоснежной раковине грязные носки и рубашку».

На шестой день пребывания в Бельгии наш гид Роже подсказывал нам программу на вечер: «Гостини-

ца — туда, — (следовал энергичный взмах руки), — ночные клубы — туда. Еще хуже — туда!»

Какие ночные клубы? На какие деньги?! Удел советских туристов сводился к одному: поглазеть. В «розовом районе» (там, где «еще хуже») Левон

подкрадывался к светящимся окнам мягко и вкрадчиво, как кот, но стоило «крошке» вопросительно поднять на него глаза (зазывать клиентов в Бельгии запрещено), как он так же легко и пластично ускользал в сторону. Олег, наоборот, ступал тяжело, чувствовалось, как сердце бьется молотом в его грудной клетке. У занавешенных окон, где не горел свет, он очень расстраивался и с сожалением объявлял всей нашей бродячей группе: «Идет сеанс!..»

Покинув «розовый район», вышли на освещенную улицу баров, дансингов и кафе. Все двери заведений открыты настежь, и поэтому видишь, как люди сидят, пьют, танцуют, болтают, молчат, дергают рычажками игральных автоматов, а те грохочут: улюлюкают и пожирают франки. В отель дотащились «на честном слове и на одном крыле». На втором этаже гостиницы сосредоточенно резались в бильярд какие-то почтенные люди в жилетках. «У, толстосумы!» — злобно выругался Анатолий и устремился к писсуару».

В 1976 году, спустя три года (трехгодичный перерыв был обязателен для поездок на Запад), состоялось путешествие по Швеции и Дании.

Кому хулить, а прочим наслаждаться

–

Удой возрос, любое поле тучно,

Хоть каждый знает – в королевстве Датском

По-прежнему не все благополучно…

Так писал когда-то Илья Эренбург. Прошли годы. Благополучно — неблагополучно, а на наш поверхностный туристский взгляд все в Дании и Швеции было ухожено, умиротворенно и богато.

«Дания, — описывал ее Михаил Кольцов, — зеленая плоскость биллиардного стола. Сырые луга, дымчато-фарфоровое небо, кирпичные стройки…»

А воздух! — добавляю я. Какой божественно свежий и мягко ласкающий воздух в Копенгагене! Я вспоминаю о нем в Москве в январскую круговерть, в но

ябрьскую слякоть, в мартовский пронизывающий до костей ветер.

А еще вспоминаю памятник моему любимомуо философу Сёрену Кьеркегору. Из записей 1976 года:

«Мы выходим из автобуса и оставляем позади себя городской шум, финансовые волнения и любовные тревоги. Здесь, в саду королевской библиотеки, среди ив и берез, у тусклого озерно-

го зеркала, обрамленного цветами, спряталось царство тишины и покоя. Увенчанный ниспадающими ветками, в задумчивости сидит Кьеркегор. На коленях у «датского Сократа» рукопись, рука сжимает перо, кажется, еще мгновение — и потекут слова о смысле и назначении человеческого бытия.

Кьеркегор не очень высоко ценил его. Он подчеркивал бессилие человека, пытающегося бежать от мучительной для него вечности и от самого себя в убожество повседневной жизни и мечущегося перед альтернативой: «…вам представляется только два выхода, вы должны решиться или на то, или на другое, но, откровенно говоря, сделаете ли вы то или, другое, вы одинаково раскаетесь…»

«Величие, познание, слава, дружба, наслаждение и добро — все это лишь ветер и дым, а вернее говоря, все это ничто», — приводит Кьеркегор стих Пеллисона в качестве эпиграфа к своему знаменитому произведению «Или — или».

Сёрен Кьеркегор, этот «магистр иронии», как он себя называл, явился в мир предтечей экзистенциализма. За ним последовали Хайдеггер, Ясперс, Сартр…

От Кьеркегора, который был мятежником духа

и тревожил души датчан апокалипсическими откровениями, мы идем- к Торвальдсену, который успокаивал и ласкал. Великий скульптор Торвальдсен -¦ ученик греков. Его искусство — это ясность, красота и спокойствие. Более ста лет назад Григорович писал, что, “гуляя по Копенгагену, вы во всем чувствуете присутствие Торвальдсена”».

Примечательным было посещение в Дании Эльси- нора. Замок «Кронборг кастл» по-настоящему мрачен. Он действительно давит на психику, кажется, вот-вот выглянет тень отца Гамлета либо других убитых, заму-

ченных или отравленных персон королевского двора. Зимой, как говорит гид, здесь бьется о темные своды замка и жутко, по-звериному, завывает ветер. Как там в «Гамлете»?

Святители небесные, спасите!..
…Чем объяснить,
Что, бездыханный труп, в вооруженье,
Ты движешься, обезобразив ночь,
В лучах луны и нам, глупцам созданья,
Так страшно сотрясаешь существо
Загадками не нашего охвата?

Скажи: зачем? К чему? Что делать нам?

(перевод Бориса Пастернака)

В застойные социалистические времена мне посчастливилось побывать и в других странах: в Чехословакии (1981 год), в Греции, на Кипре и в Египте (1983), в Италии (1989). Каждая из поездок была тщательнейшим образом описана, лирический отчет напечатан на верном «Консуле», переплетен и убран в дальний ящик стола.

Цитировать прежние записи можно до бесконечности. Вот первый обед в ботеле «Альбатрос», в гостини- це-поплавке на берегу Влтавы. Гид расхаживал вдоль столов и зачитывал скрипучим голосом постановление чешского правительства о том, что нельзя вывозить из страны: текстиль, хрусталь и т. д. Список был огромный, и по мере чтения у наших туристов пропадал аппетит.

— А что можно? — спросил кто-то нервно.

— Не знаю, — ответил гид, насмешливо улыбаясь — может быть, в память о 1968 годе. Далее он сообщил, что будет всех собирать по свистку, и пообещал, что организует для нас что-то «помимо программы».

Кстати говоря, «помимо» было много интерес-

ного. И вообще Прага — замечательный город, «улыбка солнца сквозь летний дождь», как выразился поэт Павел Койш. А Карлов мост! А Злата улочка! А другие города в Чехословакии! Чески-Крумлов, Брно, Братислава…

В ключе коротких восклицаний можно вспоминать и поездку в Грецию: о Афины, о Парфенон, о Микены, о мыс Сунион в южной части Атгики!..

Немного автоцитирования: «Когда-то тут, на мысе

Сунион, была крепость, а сейчас живописные развалины храма Посейдона. Могучи боги моря, велика их власть, но господствует над всеми великий брат Зевса Посейдон — так говорится в мифе.

Место, конечно, роскошное: выдвинутый в море мыс, и на нем возвышаются колонны красивейшего некогда храма. Легко даже вообразить, как он был величествен, как восторгались им люди, как била ключом жизнь, ныне сошедшая на нет. Не об этом ли писал Константин Батюшков:

Где слава, где краса, источник зол твоих?

Где стогны шумные и граждане счастливы?

Где зданья пышные и храмы горделивы,

Мусия, золото, сияющие в них?

Увы! погиб навек, Коринф столповенчанный!

И самый пепел твой развеян по полям.

Все пусто: мы одни взываем здесь к богам,

И стонет Алкион один в дали туманной!

Ныне, конечно, никакой Алкион не стонет, а прыгают с камня на камень туристы, рассматривают оставленный на колонне автограф лорда Байрона, фотографируются, галдят… При уходе с мыса всех собирает руководительница группы и изрекает: «Тут никто не подслушивает, и поэтому можно говорить. Я обеспокоена вами: начался активно «ченч», и кто-то хочет с кем-то встречаться в городе. Этого делать нельзя…» Словом, бдительность, чекизм и беликовщина: как бы чего не вышло…

Над храмом Посейдона возникла тень железного Феликса…»

Да, так было. Ничего не придумано. Но «ченч» в условиях туристского дефицита денег, несмотря на запреты, процветал. Удивительный обмен

произошел со мной на плато Гиза у великих египетских пирамид. Неожиданно ко мне подлетел араб с торбой и буквально сорвал с головы мою лыжную шапочку (стоял декабрь, и было несколько прохладно). Я обомлел. Коробейник убрал мою шапочку с помпоном в свою сумку и протянул мне взамен пять глянцевитых открыток с изображением пирамид. Я продолжал недоумевать, что все это значит, тогда торговец протянул мне еще две открытки и сказал: «Бери Нефертити». Всучил открыт-

ку, оставив меня с открытым ртом, с Нефертити и еще с шестью рекламными открытками, но без любимой шапочки. Вот это был «ченч»!

Слово «бери» было произнесено по-русски. Сноровистые торговцы быстро овладели русским языком, и когда одна женщина из нашей группы сунулась к верблюду с куском хлеба, погонщик наставительно заметил: «Верблюд не хочет булочка, верблюд хочет чико- лат». С этого момента я, как большой любитель шоколада, стал смотреть на верблюдов как на своих опасных конкурентов.

Что касается пирамид -¦ Хеопса, Хефрена и «малютки» Микерина, — то в двух словах о них не расскажешь, как и о Сфинксе, который возведен

рядом с Хефреном.

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты… –

так когда-то писал Николай Гумилев, очарованный Египтом. Лично меня Египет не очаровал (очевидно, я не человек Востока), а вот Италия покорила сразу и навсегда. Это моя страна. Может быть, в какой-то из своих прошлых жизней здесь я жил?.. Или эта страна — нечто вроде магнита?

Вслед за Гоголем могу сказать, что в моей душе есть родство с Римом. В Италии я был дважды — в 1989 году и в 1996 году и готов ездить туда хоть каждый год. Я-то хочу, да вот бюджет что-то не позволяет. На этой грустной финансовой ноте закончим, пожалуй, вступление к теме путешествий. И более пространно, с некоторыми деталями и подробностями (только в деталях заключена вся красота) расскажем о Голландии, Италии и Австрии. Ну а на десерт — Париж.

Цветы, Рембрандт и эротика (Голландия)

— Напишите о Голландии, — попросили в одной редакции. — У нас готовится голландский номер.

— Голландия! — повторил я как завороженный и сразу разволновался. Голландия была одна из первых стран Запада, которую я увидел в далеком 1973 году.

Что я знал тогда о Голландии из нашей прессы? Что это «высокоразвитая капиталистическая страна, ведущую роль в экономике которой играют крупные монополии», что «в стране растут инфляция, безработица, все острее ощущается нехватка жилья». Ну и ядовитые строки по поводу «ядовитых отходов компании “Шелл”». Но все эти пропагандистские «дули» исчезли сразу, как только я вступил на голландскую землю. В одно мгновенье я был очарован увиденным. Замечу, что очарованность моя была неоригинальна, до меня Голландией очаровывались многие русские, побывавшие здесь. Совсем недавно я собирал материалы для книги о блистательном

художнике Серебряного века Константине Сомове, и в его письмах натолкнулся на упоминание об этой стране. 23 декабря 1923 года Сомов писал:

«Чем дальше ехали по Голландии, тем больше нам нравилась, такой живописный пейзаж… каналы, вереницы деревьев, небольшие красивые городки со старинными готическими церквями… Не буду больше описывать красот Голландии…»

«Красоты Голландии» я тоже зафиксировал в своем дневнике-отчете, выдержками из которого воспользуюсь сегодня.

10 июля 1973 года (50 лет после Сомова!) в 9.10 мы пересекли голландскую границу. Таможенники даже не повернули в нашу сторону «головы кочан, чувств никаких не изведав». Проехали первую голландскую деревеньку. Все в ней чисто, аккуратно, красиво. Дома ело-

жены из кирпича в сочетании с белым камнем, более строги по архитектуре, без бельгийской пышности.

Пригород Роттердама нас встретил воздухоплавающей рекламой, которую тащили по небу два самолетика. Затем мы обратили внимание на вереницу велосипедов, которые спокойно катили по специально отведенным велосипедным дорожкам. Ехали старушки в платьях до пят, ехали

молодицы в таких мини, что хотелось бежать за ними вслед, ехали мамы, позади которых из корзин выглядывали симпатичные мордашки малышей. Велосипед в Голландии — это больше чем велосипед, это образ жизни. На великах голландцы учатся ездить раньше, чем ходить. Как правило, у каждого голландца два велосипеда — один для прогулок, другой для поездок за покупками, с объемистыми корзинами, в них частенько перевозят даже домашних животных, небольших, конечно.

Однако мы забыли про Роттердам. Это один из немногих городов Западной Европы с заново отстроенным центром, где на практике осуществлены новейшие достижения современного градостроительства. 14 мая 1940 года в результате воздушного налета авиации третьего рейха за 40 минут центр Роттердама был превращен в развалины. Все давно восстановлено, и ныне Роттердам смотрится как музей на открытом воздухе. В городе возникла одна из первых в Европе пешеходных улиц, а сам торговый центр Леенбаан был построен в 1949-1953 годах. Один из его создателей архитектор Якоб Беренд Бакем писал: «Следует восстановить градостроительство и архитектуру как язык человеческого общения…

дома и города создаются не столько для того, чтобы в них жили, сколько для того, чтобы они влияли на способ жизни тех, кто в них живет».

Вот эти принципы — комфортности, органичности — осуществлены практически во всей Голландии. Здесь ничто не подавляет человека. Здесь хочется жить…

А вот рассказ гида из 1973 года — и вряд ли что-то коренным образом изменилось сегодня в жизни голландцев, они живут без революционных потрясений:

«Обратите внимание, у всех голландцев в домах не

закрытые окна. Во времена испанского владычества завоеватели не разрешали голландцам задергивать окна гардинами, они опасались заговоров. Это вошло в традицию и сохраняется поныне… Посмотрите: на улице много детей. С ними гуляют мамы. В семье 4-5 ребятишек. Нет яслей, детских домов, и мамы сидят с детьми. Голландки, как правило, не работают. Считается зазорно. Их обеспечивают мужья… В 6 часов вечера семья собирается вместе, все обедают. Можно даже сказать, что в это время обедает вся Голландия. На улицах можно встретить только туристов и молодежь. Один раз в день горячее, это вече-

ром. А так на работу берут с собой завтраки… Все дни недели у голландских женщин расписаны: понедельник — стирка, во вторник — глажка, в среду — день детей, в обычные дни дети делают уроки в школе до вечера, а в среду — дома, под присмотром мамы. В четверг — починка белья, в пятницу — уборка, в субботу — «делаем покупочки на два дня», — так говорила гид Марсела.

Что добавить к ее рассказу о быте голландцев? Национальная еда — не удивляйтесь! — жареная картошка. И еще они обожают «панекукен» — звучит необычно, но это обычные наши блины, только едят их не с красной рыбой и икрой, как мы, а в основном с сахаром или вареньем. Пьют голландцы по сравнению с нами мало. Девушки ежевечерне любят пропустить рюмочку (не стакан) хорошего портвейна, а мужчины, разумеется, что-то покрепче — напиток «Женевер», к примеру, и, конечно, пиво — голландское пиво «Хольстен», которое теперь преспокойно можно купить и у нас на каждом углу (и в Голландию ездить не надо).

Да, наверное, уместно сказать, что Голландия, она же Нидерланды, — одна из немногих стран с двумя официальными названиями. В переводе они означают «низменность» и «земля без

прочного фундамента». Вода. Кругом вода! Вот, наверное, почему голландцы — наиболее искусные, пожалуй, гидроинженеры в мире, ведь более 60 процентов населения живет на польдерах — осушенных участках земли ниже уровня моря, от которого их защищает сложная система плотин и дамб. И

тут просятся стихотворные строки Иосифа Бродского, которые я не могу не привести:

Голландия есть плоская страна,
переходящая в конечном счете в море,
которое и есть, в конечном счете,
Голландия. Непойманные рыбы,
беседуя друг с дружкой по-голландски,
уверены, что их свобода – смесь г
равюры с кружевом. В Голландии нельзя
подняться в горы, умереть от жажды;
еще трудней – оставить четкий след,
уехав – тем более. Воспоминанья –
Голландия. И никакой плотиной
их не удержать. В этом смысле я
живу в Голландии уже гораздо дольше,

чем волны местные, катящиеся вдаль
без адреса. Как эти строки.

(1993)

Зато эта «плоская страна», без Альп и без Эльбруса, покрыта почти вся цветами, недаром Голландию называют «оранжереей Европы». Последовательно, как волны, сменяются в парках, скверах и на полях крокусы и нарциссы, гиацинты и тюльпаны, гвоздики и хризантемы, а затем цветущие до самой поздней осени розы. Цветы — это не только красота Голландии, но и выгодный бизнес, внушительная статья экспорта. Голландия прочно занимает первое место в мире в международной торговле цветами: продается более 6 млрд цветов. Знаменитые голландские тюльпаны, как ни странно, занимают лишь шестое место в продаже, а на первых местах розы, хризантемы и гвоздики.

Однако, кажется, я увлекся общей частью, пора перейти к частностям. Что осталось в памяти от увиденного в Голландии, кроме цветов, каналов и дамб? Удивительный памятник Осипа Цадкина «Разрушенный город» в Роттердаме. Ни одна реалистически выполненная человеческая фигура, никакая «родина-мать» не может так точно и

вместе с тем так кошмарно передать ужас перед войной, как этот вывернутый, изломанный, просвечивающийся насквозь бронзовый получеловек Цадкина.

Еще поразили сказочный городок Матюродам (макет Голландии в 1/25 натуральной величины) и ма

ленький древний городок Делфт, откуда родом знаменитый живописец Вермеер. В Делфте в 1653 году была основана фирма «Порселин флес» («Фарфоровый кувшин»). Фарфор голландцы так до конца и не освоили, но фаянс у них превосходный. Более 800 различных изделий выпускает фирма, основная ее продукция — сине-белых тонов, имитирующая китайский стиль времен династии Мин. Роспись тонкая, изящная, производится вручную.

И еще, конечно, музеи, их в Голландии множество. В Гааге — музей Маурицхейс, полотна Рембрандта (картины «Анатомия доктора Тульпа», «Давид и Саул»), Мемлинга, Рубенса, Брейгеля. В Гарлеме расположен музей Франса Хальса, знаменитые групповые портреты: «Банкет офицеров роты Св. Георгия», «Стрелки гильдии Св. Адриана» и другие. Жизнерадостные все ребята, пышущие здоровьем и отвагой…

В Амстердаме — грандиозный музей «Рейкмузеум», где собрана обширная коллекция Рембрандта ван Рейна. Один «Ночной дозор» чего стоит! Подлинный. Гениальный. Я стоял перед ним, онемев от восторга. Очень интересен музей Ван Гога. Описывать музеи и картины надо специально, впадая в некий искусствоведческий экстаз, этого я делать не буду. Перейдем к другой теме.

Возили нас, возили по городам и музеям, а потом вдруг завезли в советское консульство (непременный ритуал тех советских лет). Вышел консул и прочитал кратенько, минут на 40, лекцию о международном положении, мы все так и увяли. Чтобы поднять нам дух, консул бодро заявил: «Не беспокойтесь, товарищи, дома все хорошо, урожай в этом году отличный, всего много, перебоев в снабжении продуктами нет, и пламенный привет всем вам от нашего посла, товарища Романова».

Мы, конечно, сразу воодушевились: родина… урожай… родная партия… И грусть: вот выпали из великой битвы за построение коммунизма, осматриваем эти капиталистические язвы общества. О, слово найдено: «язвы». И тут очень легко перейти к последней части моего рассказа — к городу Амстердаму. Тут хочется говорить даже

стихами:

Амстердам –
Это цветы, каналы, Рембрандт.
И еще большое количество
Разно-об раз-ней-ших дам, –
Вот что такое Амстердам.

О Северной Венеции, о городе, изрезанном каналами, о его чудесной архитектуре говорить не буду (ужо в другой раз), а поговорим об Амстердаме как об эротической столице мира (эротика — это идефикс конца XX века). Именно отсюда, из Амстердама, полыхнула на весь мир сексуальная революция.

Во второй раз я побывал в Амстердаме в конце марта 1995 года и свидетельствую: ничего там не изменилось в этом смысле, более того, все стало ярче и намного откровеннее, чем в 1973 году, хотя, казалось бы, куда еще. На набережной Ахтербургвал — море разливанное проституток, каких хочешь по возрасту, цвету и объему. Целый эротик-район с живым и неживым эротизированным товаром (от открыток до невесть чего). «Что естественно, то не постыдно», — утверждают, слегка ухмыляясь, амстердамцы. Есть даже Erotic Gallery — эротический музей. Интересна реакция

его посетителей: они полностью раскованны и время от времени заливаются здоровым сексуальным смехом.

Приходится вновь глубоко вздохнуть: «А тогда!..» (простите за этот ностальгический рефрен) — а тогда в «розовом районе» Брюсселя и в районе «красных фонарей» в Амстердаме мы были буквально шокированы: такого в СССР не увидишь!

За стеклом витрин лицом к улице в различных позах ожидания сидели проститутки. Сидели молча, не двигаясь, не зазывая (по закону нельзя), как изваянья соблазнительного порока. И лишь иногда поднимали глаза, суля неслыханные ласки. «Ах, эти дамочки за стеклом? — писал Альбер Камю в повести «Падение». — Это мечта, месье, доступная даже бедняку, мечта о путешествии в Индию. Эти куколки надушены морскими пряностями. Вы входите, они задергивают занавески, и вы уже в пути...»

Осмотрелись немного и в ночные дозоры

Мы отправились снова, как встарь.

Посмотрели в окошко, как живописные крошки

Зажигают призывно фонарь.

Кстати, цены умеренные, ниже, чем на Тверской улице. Написал фразу и испугался: что может подумать читатель? А впрочем, пусть думает что угодно. Лично я вспоминаю Голландию и ловлю кайф. И снова хочется в Амстердам. Может быть, кто-нибудь пригласит? Прочитает какое-нибудь турагентство и скажет: «Ба, да вот кто нам нужен! Уж он-то сделает рекламу!»

Мечты, мечты!.. Я надеваю привезенные из Голландии деревянные башмаки «клумпы» и хожу по комнате. Тук-тук. Гол-лан-ди-я! И мне так хорошо на сердце!

Страждущий россиянин в стране вечной красоты

Италия принадлежит к великим темам, не устающим привлекать мысль и воображение различных людей и сменяющихся поколений…

Павел Муратов. «Образы Италии»

Русская греза

Когда мы проходим мимо памятника Пушкину и думаем о нашем главном поэте, то кажется, что он всего достиг и все видел. Ан нет. Он лишь помышлял об «Авзонии счастливой», «Италии златой». Но никогда в ней не был. Люди пушкинского времени постоянно думали об Италии, поэты мечтали о ней. Баратынский, Веневитинов, Ростопчина, Батюшков, Языков — все посвящали Италии вдохновенные строки. Италия в прошлом веке привлекала людей прежде всего как «древний рай», по выражению Александра Сергеевича.

Герцен писал: «В Италии все определенно, ярко, каждый клочок земли, каждый городок имеет

свою физиономию, каждая страсть — свою цель, каждый час — свое освещение, тень как ножом отрезана от света; нашла туча — темно до того, что становится тоскливо; светит солнце — так обливает золотом все предметы, и на душе становится радостно».

После Италии Швейцария и Германия казались Гоголю «низкими, пошлыми, гадкими, серыми, холодными…». Он пишет с дороги: «Не успел я въехать в Италию, уже чувствую себя лучше. Благословенный воздух ее уже дохнул». Через две недели по приезде Николай Васильевич признается: «Небо чудное, пью его воздух и забываю весь мир».

Борис Зайцев подтвердил: «вечное опьянение сердца» Италией…

В Российской Академии художеств бытовала тради

ция — посылать лучших учеников стипендиатами в Рим на стажировку. Многие ездили туда и после окончания Академии, а кое-кто подолгу жил на Апеннинах. Александр Иванов — автор знаменитой картины «Явление Христа народу» — прожил, например, в Италии 30 лет, а замечательный художник-пейзажист Сильвестр Щедрин умер и похоронен в Сорренто.

Почти все российские поэты считали своим долгом непременно побывать в Италии: Мережковский, Бунин, Брюсов, Блок, Саша Черный, Бальмонт…

Волшебный край!
Сорренто дремлет –
Уж колобродит – сердце внемлет –
Тень Тассо начинает петь… –

писал Яков Полонский.

В 1924 году безвозвратно уехал в Италию Вячеслав Иванов. Там он перешел в католичество, «также, несомненно, со всей искренностью своего пафоса… то же, что он поселился в Риме на Терпейской скале, не удивляло, а скорее радовало — как некий законченный штрих в образе поэта» (воспоминания Добужинского).

Смотря на эти скалы, гроты,
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забыть убогие заботы
Извечно жаждет человек… –

писал в Италии другой поэт Серебряного века, Владислав Ходасевич.

Замечательно свободно чувствовал себя на

площадях Рима, на каналах Венеции, на просторах Тосканы Иосиф Бродский. Ему особенно нравились Апеннины зимой:

В морозном воздухе, на редкость
прозрачном, око,
невольно наводясь на резкость,
глядит далеко –
на Север, где в чаду и в дыме
кует червонцы Европа мрачная. Я – в Риме,
Где светит солнце!

Италия — великий магнит для русских. А уж с падением «железного занавеса» на итальянском «сапоге» загрохотали, застучали, затопали стада русских коммер-

сайтов, туристов, шоптурников, женщин… Кто ищет партнеров по бизнесу, кто восторгается развалинами Древнего Рима, кто набирает товары для перепродажи, кто в поиске романтической любви и вполне прозаических денег.

Мне повезло: я был в Италии дважды — в декабре 1989 года и в марте-апреле 1996-го. В первый раз ездил в Италию с группой от Союза журналистов СССР (своего рода поощрение за лояльность

режиму), во второй — сам по себе, купив тур. Согласно «правилам игры», при социализме давали на нос по 105 тысяч лир. Теперь можно было везти валюты столько, сколько ты ее заработал (или украл: каждому свое, а иным и чужое). В свое первое посещение прекрасной Италии я не мог позволить себе посидеть в кафе и выпить чашечку кофе. Во второй раз… Впрочем, обо всем по порядку.

Милан – город миллионеров

Милан — столица Севера, центр области Ломбардия. Очень напоминает Москву (хотя древнее ее: Милан основан в конце V — начале VI века до нашей эры): бурлящая метрополия, деловой ритм, разноязычие, разностилье, древнее соседствует с ультрасовременным.

Миланцы — особые люди, энергичные, предприимчивые. Они не спрашивают, кто ты и откуда, они спрашивают, умеешь ли ты работать и что ты умеешь делать.

Первое впечатление от миланских улиц: малолюдье. Гид поясняет: «У нас нет людей, у нас есть машины». Действительно, машины притулены ко всем тротуарам, и пешеходы, а они редки, передвигаются между ними, как лыжники-сла-

ломисты.

Размещение в гостинице и трапезу в ресторанах (разумеется, весьма скромных) опускаю, а вот про официантов стоит сказать несколько слов. Они ловки и улыбчивы. В Италии, в отличие от ресторанов многих стран Европы и Америки, нет синдрома кислой

физиономии. Италия — страна туризма. И, как сказал один хозяин траттории, «мы просто не можем позволить себе скверный сервис». Они не могут. А мы можем!..

Подкрепившись, отправляемся на первую экскурсию. И первое потрясение на Пьяцца дель Дуомо — суперзнаменитый Миланский собор. Его начали возводить с 1386 года и закончили где-то в середине XIX столетия. Белый мрамор. Сто тридцать пять шпилей. На самом верху блистает позолоченная статуя «Мадоннина», являющаяся символом Милана. Внутри собора божественный полумрак. Для того чтобы описать внутреннее убранство, декор, цветные витражи, не хватает слов. Невольно впадаешь в фетовское бессилие: «Как беден наш язык! — Хочу и не могу…» Даже у искусствоведов это не очень удачно получается, поэтому воздержусь от описаний и буду в дальнейшем ограничиваться отдельными эмоци-

ональными речевыми всплесками. Что касается читателей, то лучше всего, конечно, отправиться в Италию и самому все лицезреть.

Но опять же есть «но»: если вы в группе, то обязаны быть с ней и быстро перемещаться от объекта к объекту, причем в темпе, или, как говорят итальянцы, «ин фретта», «рапидаменте», то есть быстро-быстро, ибо групповой туризм — это сплошные перебежки и марш-броски. Такого ритма, абсолютно уверен, Гоголь бы не выдержал. А его потомки — ничего, бегают, цокают языками от восхищения и еще успевают заглянуть в магазинчики, чтобы прицениться к товарам.

Однако вернемся к вечным ценностям. Миланский замок-крепость Кастелло Сфорцеско прежде всего поражает своей похожестью на Московский Кремль: те же красные стены и те же зубчатые башни. А что Удивляться: наш Кремль строили итальянские мастера. Да разве только Кремль? На мой взгляд, все лучшее, что построено в Москве и Петербурге, связано кровными узами с итальянской архитектурой.

В Кастелло Сфорцеско — музей. Венцом его собраний является «Пьета» Микеланджело, одна из четырех работ гения. Главная «Пьета», подписанная им самим,

находится в Риме, в соборе Св. Петра. Наиболее впечатлительные среди туристов беспрестанно ахали от восхищения. Других даже всемирно известный театр «Ла Скала» несколько разочаровал сдержанностью форм — оказался более скромным по сравнению с пышным Большим театром. Зато весьма примечателен и интересен фойе-музей «Ла Скала»: бюсты композиторов, портреты артистов, личные вещи кумиров сцены, ноты, письма, веера… Именно в «Ла Скала» впервые были поставлены многие оперы Верди, Россини, Беллини, Доницетти… Оркестром театра дирижировал Тосканини, на его сцене пели Карузо и Джильи, Хьюстон и Каллас…

Мы ходим по театру-музею, и почти у всех лихорадочно блестят глаза.

Две достопримечательности Милана — театр и собор — соединяет длинная пешеходная галерея Виктора-Эммануила, длина ее лучей 210 метров. Представляете, двести десять метров сплошной роскоши, вкуса, красоты и гармонии. Галерея в стиле либерти была построена в 1865 году и стоила жизни ее создателю архитектору Луко Менгони: он упал с лесов и разбился. Чудо-галерея заполнена ювелирными и сувенирными магазинчиками, дорогими кафе и ресторанчиками.

Помните знаменитое выражение Маяковского «У советских собственная гордость!..»? Его когда-то удачно спародировал Александр Архангельский:

А мне на них свысока наплевать.
Известное дело – буржуйская лавочка.
Плюну раз – мамочка-мать!
Плюну другой – мать моя, мамочка!

В Санта-Мария делле Грацие, в трапезной бывшего доминиканского монастыря в Милане, все забывают о покупках и замирают перед стенописью «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. К сожалению, над фреской постоянно колдуют мастера — идут нескончаемые реставрационные работы.

Вечный вопрос: кто предаст Иисуса Христа? Один из двенадцати.

Венеция: вздохи и ахи

Из Ломбардии — в провинцию Венето, мимо Вероны, в которой, как выразился итальянский гид, «существует замечательный балкончик, который мы знаем из литературы». Но что балкончик, что страсти Ромео и Джульетты, когда впереди

Венеция — самый удивительный город в мире, город на воде, раскинувшийся на 118 островах.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы… –

писал Валерий Брюсов о Венеции. Город, который родился из пены вод морских, неотразимо красив, как сама Венера. Уникальная площадь Св. Марка, Дворец дожей, Библиотека, дворцы на Большом канале — Ка д'Оро, Фоскари, Дарио, Барбариго, Контарини, Фазан и еще десятки прекраснейших сооружений, церкви, скульптурные памятники, мосты и мостики, лабиринты улочек — все это требует превосходных степеней и пространных описаний. Поверьте на слово или посмотрите сами альбомы с фотографиями: божественная красота, да и только. А богатство картин в музеях: Тициан, Веронезе, Тинторетто!..

Нет-нет, не будем об этом. Лучше о чем-то более прозаическом и нам доступном. Среди различных достопримечательностей Палаццо дожей есть небольшая выемка в стене, сделанная в форме пасти льва, куда каждый гражданин Венеции мог положить донос на другого гражданина. «Какая

прелесть»! — тут же последовала реплика одной из наших соотечественниц. Вполне логичным был дальнейший показ венецианского ГУЛАГа — мрачные камеры, где содержались заключенные. Затем их вели на казнь через так называемый «Мост вздохов», где преступники в последний раз видели через окна голубое небо Венеции и со вздохом прощались с ним. На одной из стен прохода по «Мосту вздохов» неожиданная надпись: «Я тут был Вася». Наш Вася! Ему все нипочем — ни Магадан, ни Сибирь, ни тем более какой-то венецианский мостик!..

Наш гид добросовестно пытается все показать и рассказать, не упуская возможности отметить, что многое из Венеции было увезено и похищено. «Наполеон был хороший коллекционер», — отмечает Вероника с печальной интонацией.

Увезенные Наполеоном бронзовые кони с крыши собора Св. Марка мало волнуют туристов новой русской формации: им бы только покататься на знаменитых гондолах, и 80-100 долларов не помеха. Песни, разговоры, шум… «Вечный транзит» Александра Галича:

В каналах вода зелена нестерпимо,
И ветер с лагуны пронзительно сер.

– Вы, братцы, из Рима?

– Из Рима, вестимо!

– А я из-под Орши! – сказал гондольер.

И все же работы у гондольеров не так много. Они собираются в группки, мускулистые, сильные, обветренные, в соломенных шляпках с красными лентами, и обсуждают свои профессиональные проблемы (кто сказал, что в Италии нет проблем? Они есть везде!). Наверное, говорят, что не тот турист пошел и что инфляция совсем берет за горло.

Но на набережной Большого канала от площади Св. Марка не чувствуется никаких проблем, наоборот, огромное беззаботное коловращение людей. Приезжие из всех стран (особенно много японцев) наслаждаются красотой, раскупают сувениры, едят, пьют, смеются, фотографируют и, как говорит современная молодежь, оттягиваются, вырубив себе в скале суровых будней уютный праздник. Примечательно, что более двух веков назад, а точнее в 1775 году, некий аббат Анджело Мария Лабиа писал по поводу венецианской регаты:

Как все сословия горды собой!

Какие зрелища, беседки, пьяцца,

Биссоны и регата! День какой!

Какие иностранцы! как толпятся!

Канал! паромы! дамы – Боже мой!

Что ж плачу я? – не знаю сам, признаться.

Очевидно, тогда все собирались на регату, а ныне Венеция «функционирует» круглый год, и в любой ме

сяц туристы с удовольствием венецианятся, если так можно выразиться. Например, Иосиф Бродский обожал бывать в Венеции в декабре.

Я пишу эти строки, сидя на белом стуле

под открытым небом, зимой, в одном пиджаке…

Стынет кофе. Плещет лагуна, сотней

мелких бликов тусклый зрачок казня

за стремленье запомнить пейзаж, способный обойтись без меня.

Это написано в 1982 году.

Если вы не устали от цитат, то процитирую еще Павла Муратова: «Есть две Венеции. Одна — это та, которая до сих пор что-то празднует,

до сих пор шумит, улыбается и лениво тратит досуг на площади Марка, на Пьяцетте и на набережной Скьявони. С этой Венецией соединены голуби, приливы иностранцев, столики перед кафе, лавки с изделиями… блестящие вещи, которые никому не пришло бы в голову продавать или покупать где-нибудь кроме Венеции. Играет музыка, толпа журчит, журчит рекой по каменным плитам. Храм Марка мерцает цветными отблесками, и ночь над головой — синее небо итальянского вечера. Так летит здесь время, точно дитя, без забот и мыслей…»

Да, в Венеции мы пробыли 9 часов, и почти все время на ногах. Они, бедненькие, гудели, и речной трамвайчик «вапоретто» воспринимался уже как спасение, как прибежище отдыха. Вапоретто-драндулетто фырчал, кренился от набившихся уставших пассажиров и медленно катил по каналу Гранде, мимо дворца, где жил Байрон, мимо другого палаццо, где умер Вагнер…

Все! Прощай, Венеция! Прощай, царица Савская! Я обязательно к тебе вернусь, ведь надо еще побывать в музее венецианского стекла Мурано, в театре «Ле Фе- ниче», на острове Торчелло и, конечно, на Сан-Микеле, на кладбище, где покоятся Сергей Дягилев, Игорь Стравинский… На гробо-

вой плите Дягилева высечены слова: «Венеция — постоянная вдохновительница наших успокоений». На Сан-Микеле нашел свою последнюю обитель и Иосиф Бродский.

«Мне мачехой Флоренция была...»

Эти строки Николай Заболоцкий вложил в уста Данте, который был вынужден покинуть Флоренцию. Почему повторил их я? Из-за дождя: 2 апреля Флоренция зябла под нескончаемыми струями воды, что, конечно, пагубно отразилось на туристах. Зонты, плащи, влажная обувь — все это не самые лучшие спутники в знакомстве с городом. Но что поделать? Дождь — один из капризов примаверы — итальянской весны.

И все же даже в дождь можно было убедиться в правоте слов Александра Блока: «Флоренция, ты ирис нежный...» Она нежна, элегантна и красива, и это неудивительно, если над украшением города трудились такие великолепные мастера, как Джотто, Брунеллески, Микеланджело, Джамболонья, Челлини и другие великие зодчие, ваятели и живописцы. Во всемирно известных картинных галереях Уффици и Питта хранятся полотна лучших итальянских художников. С историей Флоренции связаны имена Данте и

Боккаччо, в этом городе жили Леонардо да Винчи и Микеланджело, здесь сложился современный литературный язык Италии. Во Флоренции возникло и расцвело новое искусство Возрождения.

Да, красота — это страшная сила… Начиная с 1978 года через руки психиатра Грациеллы Магерони и ее коллег из флорентийской больницы Санта-Мария-Нуово прошло свыше сотни человек, ставших жертвой чрезмерной тяги к искусству. Врачи называют эту болезнь синдромом Стендаля, который описал свой душевный дискомфорт во время первого путешествия во Флоренцию. Осмотрев кенотафы (гробницы со скульптурами) Микеланджело, Галилея и Макиавелли в церкви Санта-Кроче, писатель, по его словам, «почувствовал страшное сердце- биенье… и шел, все время опасаясь упасть на землю…».

Болезненные симптомы обычно начинаются после нескольких дней беспрерывного хождения по галереям. Случается, что люди теряют сознание в музее. От бесконечной вереницы флорентийских кампанил, мостов, площадей, статуй и величественных дворцов действительно начинает кружиться голова. Что противопоставить синдрому Стендаля? Только одно: крепкую голо

ву. Практически у всех русских туристов они

крепкие, ни одного обморока не наблюдается, разве что легкие приседания на лавочку и лупоглазие — как у рыбы, которую выбросили из воды на берег.

И еще чем силен наш брат, так это здоровым любопытством. В капелле Медичи в церкви Сан-Лоренцо у бесподобных созданий Микеланджело (беспокойно всматриваясь вдаль, бодрствует «День», в тоскливом покое застыл «Вечер», в страданиях пробуждается «Утро», тяжелым сном забылась «Ночь») меня одолевали соотечественники, которые никак не могли расшифровать значение микеланджеловских фигур. «А что означает День? А что Вечер?..» Многим читать книги недосуг, им хочется получить что-то готовенькое и сразу, чтобы положили в рот. Я разозлился (может, синдром Стендаля подействовал) и брякнул:

— Будет вам июньский вечер: победят коммунисты, ночью приснится Зюганов, проснетесь в страхе утром и весь день будете маяться у пустых прилавков под красными флагами.

— Все понятно, — коротко, по-солдатски ответила женщина из славного города Подольска.

Опять же «наши люди» в Санта-Кроче без внимания оставили усыпальницы Галилея и Макиавелли, но зато замерли как вкопанные у

последнего пристанища Джо- аккино Антонио Россини, автора гениального «Севильского цирюльника». По ассоциации вспомнился Моцарт, и захотелось запеть: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный… не пора ли мужчиною стать?..» Но где этот мальчик, тем более резвый и кудрявый? Нет его, как нет и кудрей, нет локонов, унеслась куда-то юность на тройке бешеных коней Судьбы. Нет мальчика… нет и Россини. Скончался в 1868 году во Франции, затем его останки были перевезены во Флоренцию. Над склепом композитора высится мраморная фигура оплакивающей его женщины. Гиду Лео давно наскучила скорбь, и он игриво заметил: «Посмотрите, какой у женщины буст». «Буст» был великолепный. Толк в нем понимал и Россини, и его герои. Знатоки нашлись и в русской группе…

Забавный эпизод произошел в Санта-Кроче, когда гид рассказывал о творческом соревновании двух итальянских гениев — Донателло и Брунеллески. «И вот однажды, — живописал итальянский сопровождающий, — Брунеллески пришел посмотреть, как выполнил заказ по изображению «Распятия» Донателло. Брунеллески пришел в храм с рынка и держал в руках корзинку с яйцами. Увидев работу Донателло, он ахнул

от восхищения и уронил яйца». Одна из наших соотечественниц, что-то пропустив в рассказе гида, тут же нервно заметалась: «Скажите, у кого упали яйца?!» Естественно, вся группа тут же содрогнулась от смеха.

Смех — это хорошо, это как разрядка от бесконечного восторга перед Флоренцией: Собор и Колокольня Джотто, Баптистерий Сан-Джованни (баптистерий — это специальная церковь, где крестят), площадь Синьории, фонтан «Нептун», Лоджия деи Ланци, Палаццо Веккья, Палаццо Даванцати и т. д. и т. п. О каждом объекте можно писать книги (и они написаны).

В стихотворении «Из Флоренции» (1910) Саша Черный делился впечатлениями:

В старинном городе, чужом и странно близком,

Успокоение мечтой пленило ум.
Не думая о временном и низком,
По узким улицам плетешься наобум…
В картинных галереях – в вялом теле
Проснулись все мелодии чудес,
И у мадонн чужого Боттичелли,
Не веря, служишь столько тихих месс…

Скажу по секрету, я тоже служил «тихие мессы». И никакая непогода, никакой дождь не помешали этому. Нежный и дымный ирис Флоренции навечно запечатлелся в памяти.

Все дороги ведут в Рим

Покинув Флоренцию и провинцию Тоскану, наш автобус отправился в Лацио, в сторону Вечного города. Да, Карамзин когда-то путешествовал в карете, на перекладных, испытывая разные дорожные мытарства.

Ныне все иное: гладкие дороги, высокие скорости и не маленькие придорожные трактиры, а современные автогрили в форме моста, перекинутые через все полосы автобана. Там и кафе, и рестораны, и магазины, где можно купить все, от жвачки до костюма. Однако неторопливость передвижения в прошлые века настраивала путешественников на созерцание и аналитические размышления. Наше поколение — уже не путешественники в классическом смысле этого слова, а именно туристы, которые в быстром темпе совершают наезды и набеги на чужие города, разрываясь между культурными памятниками и магазинами.

Но вот и Рим. Француз Дю Бюлле писал о нем:

Он побеждал чужие города,
Себя он победил – судьба солдата,
И лишь несется Тибра желтая вода.
Что вечным мнилось, рухнуло, распалось.
Струя поспешная одна осталась.

Нет, с этим мнением согласиться нельзя. От древнего Рима осталось все же немало, чего стоит один величественный Колизей. А средневековый Рим практически сохранился полностью. Здесь работали лучшие итальянские мастера: Микеланджело, Рафаэль, Браман- те, Бернини. Здесь возник новый стиль — барокко... В 1870 году Рим становится столицей объединенного итальянского государства. Но он не только столица Италии, он один из красивейших городов мира, «вечный город».

Первое, что поражает в Риме, — это какофония звуков. Автомобилисты, мотоциклисты — все сигналят, все совершают какие-то сложные маневры, чтобы вырваться из плотно движущейся массы, а тут еще пешеходы пытаются перейти улицу. И разница с Москвой: у нас норовят тебя задавить, а в Риме грациозно пропускают: «прего» («пожалуйста»), проходи, я свое еще на-

верстаю. Такая авто- и мотогалантность весьма приятна. Кстати, итальянцы, какие они? Вопрос не простой.

Итальянский публицист Энцо Бьяджи свою популярную книгу об Италии начал с парадоксальной фразы: «Итальянцев не существует». Те, кого обычно так

называют, на самом деле, утверждает он, являются тосканцами, сицилийцами, сардами, пьемонтцами, жителями Калабрии и т. д. Ведь долгое время страна развивалась как конгломерат мелких, раздробленных государств и городов-республик. Различие существует даже антропологическое. В Венеции, например, можно встретить блондинов, которых легко спутать с немцами, а в Сицилии (увы, я там не был) есть итальянцы, которых можно вполне принять за арабов. Отсюда и диалекты. Даже великий полиглот кардинал Джузеппе Гаспарре Медзофанти, говоривший на 114 языках, не знал всех итальянских диалектов.

Известно, что у каждого народа есть своя репутация: англичан считают хранителями традиций, американцев — деловыми людьми, прагматиками («мейк мани») и т. д. А итальянцы слывут прожигателями жизни, которым выпала

удача родиться в стране, где круглый год светит солнце, а деревья ломятся под тяжестью апельсинов. Многие в мире считают итальянцев людьми легкомысленными: им бы только попеть да понежиться. Но это не так.

«Итальянцы — это не нация, это профессия, — шутливо заявляет эссеист Эннио Флайано, — причем профессия удобная: для нее не надо учиться, она достается по наследству». Быть итальянцем, по его мнению, — это оставаться такими, какими они были на протяжении последних столетий, то есть научиться «приспосабливаться и выживать в самых трудных условиях».

В итоге итальянцы приспособились. Выжили. И преуспели. И снова невольно возникает вопрос: а мы?.. От риторического вопроса вернемся все же в Рим, а то, не дай Бог, заговорим о политике, о партиях, о коммунистах. Вот об этом не надо. Давайте исключительно о красоте. А красота — это Рим.

«Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь», — признавался в одном из писем Гоголь. Жил он тогда межцу двумя площадями — Испании и Барберини, на виа Сикстина. На доме висит памятная доска. Николай Васильевич, как все знаменитые русские,

любил бывать в кафе «Антико Греко».

Кафе более 200 лет. Помимо русских классиков, здесь сиживал великий авантюрист Джакомо Казанова. Кафе роскошное — мраморные столики, фарфоровые чашки, картины на стенах, зеркала, скульптуры. Выпить здесь капуччино и съесть за стойкой бриошь не так уж и дорого. Впрочем, не будем говорить и о презренном металле, лучше о вечности и красоте.

Ансамбль Капитолийской площаци (сердце античного Рима) оформлял Микеланджело. Ее увенчала бронзовая статуя императора-философа Марка Аврелия. Площадь вымощена кирпичом и травертином, уложенным в красивый звездообразный круговой узор. Внизу Капитолийского холма лежит Форум — музей под открытым небом. Руины. Но какие руины!.. Камни сената помнят неутоленное тщеславие, злобную зависть, непримиримое соперничество, неуемное властолюбие и жестокость — обо всем этом можно прочесть в произведениях Цицерона и Плиния Младшего. Здесь закололи Цезаря. Здесь прозвучал сакраментальный вопрос: «И ты, Брут?..» Чего только не происходило в том далеком Древнем Риме! А сейчас тишина и все погружено в легкую фиолетовую дымку. Где-то кипят новые полити-

ческие страсти, но будут ли они величественны и грандиозны, как минувшие? Увы, личности мельчают. Титанов больше нет. Мировая трагедия постепенно переходит в пошлый фарс, и это не только в России.

А вот и Колизей, многократно тиражированный на экране и на картинах. Въяве он поражает своей величественной суровостью. Огромный эллипс: высота 57 метров, 627 м по окружности. Стоишь перед этим заснувшим чудовищем, и в воображении возникают сцены, которые разыгрывались на арене Колизея: разъяренные звери, бои гладиаторов, а в ложах патриции, жаждущие зрелищ…

Разве знает Италия,
что она значит для нас?
Колизей, в черной оспе и ранах,
Прогибайся, круглись,
черный кратер, остывший у глаз,
Мы расскажем тебе
о великих вождях и тиранах.
Твой трехъярусный,
арочный вздрогнет
трехгорный каркас…

Так писал петербургский поэт Александр Кушнер. И действительно, нам, русским, есть что поведать даже Колизею: у нас были свои нероны и калигулы, свои вожди и тираны, рекой лилась кровь, и всегда было больше зрелищ (если под ними подразумевать события), чем хлеба.

Муза странствий и туризма влечет нас дальше. Арка Константина. Собор Санта Мария Маджоре. Пантеон. Площадь Навона. Здесь возвышается церковь Св. Агнессы и грандиозный фонтан Четырех Рек, сложная скульптурная композиция Джованни Лоренцо Бернини. Фонтанов в Риме множество, и один оригинальнее и монументальнее другого. Но, пожалуй, главнейший — фонтан Треви (1730-1770). Фонтан является одновременно фасадом Палаццо Поли и питается водой античного водопровода. Фонтан Треви знают почти все по фильму Феллини «Сладкая жизнь». Но в реальности он, конечно, ярче, переливчатее и мощнее, чем на экране. Вокруг него великое множество народа, зачарованно глядящего на его струи.

Есть поверье, что если бросить монетку в фонтан Треви, то обязательно вернешься в Рим. То и дело летят в воду металлические кружочки.

— А если у меня нет? — спросила почтенная соотечественница.

— Тогда бросайте облигации государственного займа, — ответил я.

Площадь Испании с ее знаменитой лестницей (135 ступеней) — так же, как и фонтан Треви, излюбленное место для съемок кинематографистов. На ней сидят. Курят. Разговаривают. Целуются. «Ла дольче вита!» Сладкая жизнь в Риме!..

Финал каприччо

Если бы я был музыкантом, то к своим заметкам- эссе приложил бы ноты Джироламо Фрескобальди,

чтобы прозвучало какое-нибудь томяще сладкое каприччо в знак прощания с Италией. О ней я не рассказал и тысячной доли того, что мог бы: края книжных страниц, как секира, отсекают все детали и подробности. А ведь еще был Ватикан! Со своими бесчисленными музеями: Этрусским, Египетским, Кьярамонти, залом Рафаэля и т. п. Гид ведет группу по бесконечной анфиладе залов и все время приговаривает: «А сейчас будет Сикстина Капелла». Раздавленные красотой и усталостью, мы бредем из зала в зал, но Сикстинской Капеллы нет и нет, а когда она наконец возникла, то все рухнули на скамейки и, задрав головы, стали рассматривать потол-

ки. Лицезрением их мы занимались ровно 20 минут и, конечно, не могли оценить все детали творений Микеланджело, Рафаэля, Перуджино, Боттичелли и других великих мастеров. Фреска Микеланджело «Страшный суд» вконец придавила рашен-туристов. Но может быть, нам предстоит наш российский «Страшный суд», который будет пострашнее?..

После Ватиканских дворцов — собор Св. Петра. И опять шедевр за шедевром. Давящая, избыточная суперкрасота. Ею нужно наслаждаться часами, сутками, месяцами, тянуть и пить по глотку… а так варварски, как мы это делаем, конечно, ужасно. Но нет лир. Нет выбора. Извечное российское состояние…

И что в итоге? Повторю вслед за Сашей Черным:

Нанес я все визиты
Всем римским Аполлонам.
У каждой Афродиты
Я дважды побывал…

Нет, увы, не у каждой. А выборочно. Не посетил и замок Св. Ангела. Лишь видел в ночном небе Рима вознесенного над замком Ангела. Гид Элизабет пообещала: «Потом мы посмотрим, что он дела-

ет…» Не посмотрели. Не хватило времени и сил.

Так что же делает парящий над Римом Ангел? Что делают и как вообще живут итальянцы в Италии? Чтобы получить ответ, надо снова паковать чемоданы, покупать тур и «аванти!» — вперед.

Бандите д'аморо
Опять на дорогах Италии:
Порывисто дышит мотор…
Кирилл Померанцев
Вступление пикколо

Считается, что итальянский язык более приспособлен и мелодичен для объяснений в любви. Это язык сердца. Отсюда все эти сладкозвучные «Санта-Лючии» и бельканистые ариозо из Россини, Пуччини, Верди и прочих итальянских маэстро. В чем истоки? Может быть, в нежно-голубом итальянском небе? В яркой растительности? В общей атмосфере какого-то праздника жизни, когда не хочется воевать, а хочется именно любить, хотя, конечно, в истории Италии были и войны, и кровь, и жестокость? Наводили страх и ужас императоры Нерон и Калигула. Коварствовали Медичи. Неистовствовал Савонарола. Но в противовес гениям зла творили Катулл, Петрарка, Овидий, Рафаэль, Боттичелли, Леонардо

да Винчи, которые словом и кистью воспевали гармонию мира, красоту и любовь…

Далекое эхо разговора с балкона

Не случайно именно в Италии возникла самая прекрасная легенда о любви — о любовном огне, охватившем юную Джульетту и прекрасного Ромео.

Джульетта обещала отцу, старому Капулетти:

Я постараюсь ласково смотреть,
Но буду стрелы посылать из глаз
Не дальше, чем велит мне ваш приказ.

Но каждый знает, что вспыхнувшая любовь, как река в весеннем разливе, способна снести все преграды. Ее не останавливают ни приказы родителей, ни соб

ственная осторожность. Любовь — это стихия… И вот перед балконом Джульетты Ромео просит:

О, говори, мой светозарный ангел!

И ангел заговорил. Ответил пылким чувством на горячее признание влюбленного юноши. Что было дальше? Дальнейшее хрестоматийно известно: не вынеся испытаний на тернистом пути любви, Ромео отравился ядом. Джульетта, поцеловав возлюбленного в отравленные губы,

заколола себя кинжалом. Подошедший стражник сухо констатировал: «Ромео мертвый, и Джульетта рядом». И финальная фраза старого герцога:

Нет повести печальнее на свете,

Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Обо всем этом нам поведал Шекспир. А роковая любовь разыгралась в небольшом итальянском городе Вероне. Но здесь требуется некоторое уточнение. Первый автор трагической истории Ромео и Джульетты — итальянец Маттео Банделло. Содержание его новеллы попалось на глаза английскому поэту Артуру Бруку, и он на эту душещипательную тему сочинил поэму. Именно на ее основе великий Шекспир (который, кстати, никогда не был в Италии) сотворил свою гениальную лирическую трагедию «Ромео и Джульетта». В 1597 году она появилась в печати с указанием на титуле, что трагедия шла много раз «под большие аплодисменты». Еще бы: вечно волнующая тема, что в Италии, что в Англии, что в России. А разве слова друга Ромео, Бенволио, не могли повторить в любом веке и в любой стране:

Увы! Зачем любовь,

Что так красива и нежна на вид,

На деле так жестока и сурова?..

В XVII веке в Англии шекспировский том видели в библиотеке Оксфордского университета в числе тех книг, которые ради сохранности держали на цепи: страницы «Ромео и Джульетты», особенно сцена свидания на балконе, были зачитаны буквально до дыр.

Но что семнадцатый век! Возьмем двадцатый, который шествует путем своим железным, как выразился один русский поэт. Вроде бы сейчас не до сантимен-

тов, не до любовных вздохов и ахов. Ан нет! Любовь все та же, никак не меняется, все в тех же романтических одеждах ожидания, с пылкими словами и робкими касаниями…

Не забыта Верона. Не забыт балкон, на котором стояла Джульетта. Сюда, в сердцевину Италии, валом валят туристы, чтобы прикоснуться к вечной и негасимой любви. Кто не может приехать, тот пишет письма. Поклонники детективов пишут Шерлоку Холмсу, а влюбленные всех стран и народов адресуют письма Джульетте: ответь, помоги, посоветуй…

Проблему ответов на запросы решили просто, организовав «Club di Giulietta». Первым его секретарем в 1937 году стал синьор Солимани,

скромный «портьере», охранявший дом Джульетты на Виа Капелло, 27. Затем его сменил местный историк и поэт Джино Бел- трами. Ныне секретарские функции исполняет женщина — Паола Селла. Она же врачует разбитые сердца влюбленных, скрупулезно отвечая на каждое письмо- SOS. Таким образом, «Клуб Джульетты» стал своего рода пунктом психотерапевтической помощи. Широким потоком идут письма из Америки, с Кубы, Ближнего Востока, из Китая и Гонконга. Более сдержанными оказались европейцы: лишь ручеек писем течет в Верону из Германии, Англии и Швейцарии.

Все хотят любви. Все жаждут взаимности. И все получают ответы из Вероны на бланке со штампом «La Segretaria di Giulietta». Говорят, что письма-ответы помогают обрести любовь. Старая истина: кто верит в чудеса, с тем чудеса и происходят. Как писал древнеримский поэт Гай Валерий Катулл:

Будем, Лесбия, жить, пока живы,
И любить, пока любит душа;
Старых сплетников ропот брезгливый
Пусть не стоит для нас ни гроша…
Дай лобзаний мне тысячу сразу

И к ним сотню и тысячу вновь,
Сто еще, и к другому заказу
Вновь на столько же губки готовь…

Эти строки Катулл посвятил красавице Клодии. Он называл ее Лесбией, сблизив со знаменитой Сапфо. А написано это стихотворение еще до наступления нашей эры, до рождения Христа.

Однако вернемся в наши дни, в Верону. Во дворе дома Джульетты стоит статуя шекспировской героини во весь рост. Существует поверье, что если прикоснуться к медной груди Джульетты, то это даст дополнительную любовную энергию и силу. Мне посчастливилось во время поездки по Италии заглянуть в этот дворик, тесно забитый туристами и любопытствующими. Правая грудь Джульетты отполирована до блеска. При мне ее сжимали, гладили, тискали стая японских студенточек и группа пожилых цветоводов из Голландии.

Джульетта стояла сконфуженная таким необычным вниманием к ней и вместе с тем печальная, с немым вопросом на устах: «И вот я здесь, но где же мой Ромео?»

Легион Ромео

О, Ромео!.. О, юный и прекрасный итальянец! Но почему юный? Еще Овидий, великий поэт «золотого века» римской литературы, сравнивал каждого любовника с солдатом, прибавляя при этом: «Для войны и любви одинаковый возраст подходит».

Так что не будем уточнять возраст, отметим лишь, что итальянец многолик. Нет определенного типа итальянского мужчины, тем более когда он вступает во владения Амура.

Достаточно бросить взгляд на историю. В XVI веке в Италии (в знатных, просвещенных кругах, разумеется) была распространена любовь возвышенная, основанная на платоническом воззрении на женщину как на божество, объект чистого поклонения. Но параллельно бытовала любовь чувственная, плотская, фривольная — достаточно углубиться в новеллы «Декамерона» Боккаччо, чтобы убедиться в полной раскованности чувств средневековых итальянцев. Помните одну из новелл, в которой дочь упрашивала своих родителей постелить ей постель на балконе, чтобы поутру она могла послушать пение соловья? Когда утром родители

зашли на балкон, то застали ее в объятиях юноши, а рука нежной дщери в любовном томленье сжимала «соловья», который прилетел к юной женщине в виде крылатого фаллоса…

Эротические оргии были весьма распространены в средние века. Не будем живописать историю нравов, всех любознательных отсылаю к сочинениям Эдуарда Фукса, изданным издательством «Республика».

Итальянские музеи искусства похожи на музеи любви

Музеи — это отраженное прошлое. А в этом зеркале можно увидеть образы любви. Картины, изображающие былых покорительниц сердец, знаменитых итальянок минувшего… И в прошлых и в нынешних пульсирует в каждой клеточке тела чувственность, но не грубая, переливающаяся через край, а нежная женственность, когда весь облик женщины как бы излучает ауру любви.

Любопытен собирательный портрет итальянки, созданный профессором Фрати: «Плечи как у немки, ноги как у славянки, характер как у француженки, походка как у испанки, профиль сиенский, грудь венецианская, глаза флорентий-

ские, ресницы феррарские, кожа болонская и, наконец, миланская грация».

Похож ли этот портрет на тициановскую Венеру? Судите сами.

Знаменитые венецианские художники Тициан, Паоло Веронезе, Якопо Тинторетто — все они отдавали дань красоте женщин своего времени. Следует отметить, что эпоха славы и роскоши Венецианской республики выдвинула женщину на первый план. Одних куртизанок в 1514 году в Венеции было около 11 тысяч. Сколько требовалось для них золота, жемчуга, зеркал, мехов, кружев и драгоценных камней! А тканей? Никогда и нигде не было такого богатства и разнообразия тканей, как в Венеции XVI века, что и отражено на полотнах и гобеленах венецианских мастеров.

Известный драматург Гольдони в одном из своих сонетов просил своего друга, художника Пьетро Лонги:

Прекрасной, статной, сладостной собою,

Прелестной девы напиши портрет…

И художники выполняли заказ. Как сказала гид Ло- ридана: «Венеция — это персонаж женщины — полненькой, богатой…»

О, этот милый коверканый русский язык в устах гидов! «Сейчас мы будем делать музеи» — не правда ли, в этом есть какая-то прелесть? Гид по Флоренции Леон, статный старик с патрицианской осанкой, знакомя русских с произведениями Рафаэля и Джорджоне, назвал их картины «жирным искусством», очевидно, подразумевая под этим перенасыщенность красотою. Еще одно выражение Лео — о Мадоннах, которое лично мне понравилось: «Чудные женские личики». Мадонны — пристрастие любого итальянского художника. Самые знаменитые, конечно, Мадонны кисти Рафаэля, почти идеальные, небесные создания. Впрочем, у разных живописцев они разные. У Джованни Беллини, к примеру, Мадонны (а их множество) задумчивы и погружены в себя. Это созерцательные и тихие души. Но есть Мадонны и другие, с пылкой кровью. Блок писал:

Там — в окне, под фреской Перуджино, Черный глаз смеется, дышит грудь…

Мадонны, Венеры написаны так, что, как выразился итальянский гид, «хочется трогать тело».

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий –
Грешник, развратник, безбожник,

Но он любил Беатриче…

Эти слова Николая Гумилева о Данте Алигьери можно отнести практически к любому Мастеру. Они были живые люди и своих избранниц и натурщиц любили горячо и неистово. И эта страсть позволяла им создавать всепокоряющее и нетленное в веках искусство.

Клуб Казановы

Искусство — это сублимированная энергия. Творческий выброс любви, эротики, секса — как вам угодно, можно выбрать любое. Преображенное человеческое чувство в виде картины, скульптуры, здания, театральной постановки и т. д. Но это, конечно, совсем другая тема, поэтому вернемся к чувствам, которые не перевоплощаются в произведения искусства, но горячат кровь, делают жизнь разнообразной, динамичной и интересной. Это доказал своим примером знаменитый итальянец Джованни Джакомо Казанова. Рыцарь греха. Герой плоти.

Тонкий аналитик и психолог Стефан Цвейг в книге «Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой» сделал попытку проникнуть в тайну успеха великого соблазнителя. Вот что

он писал о Казанове: «В этом крепком чувственном теле отсутствуют даже зачаточные формы моральной нервной системы. И в этом кроется разгадка легкости и гениальности Казановы: у него, счастливца, есть чувственность, но нет души. Никем и ничем серьезно не связанный, не стремящийся ни к каким целям, не обремененный никакими сомнениями, он может извлечь из себя жизненный темп совершенно иной, чем у прочих целеустремленных, нагруженных моралью, связанных социальным достоинством, отягченных нравственными размышлениями людей, отсюда его единственный в своем роде размах, его ни с чем не сравнимая энергия…»

И далее Цвейг пишет, что робкие юноши напрасно будут перелистывать мемуары Казановы, чтобы вырвать у мастера тайну его побед: искусству соблазна так же нельзя научиться из книг, как мало изучить поэтику, чтобы писать поэмы. «У этого мастера ничему не научишься, ничего не выудишь, ибо не существует особого секрета Казановы, особой техники завоевания и приручения. Вся его тайна — в честности вожделений, в стихийном проявлении страстной натуры…»

И оттого (продолжим цитату) «…каждая женщина, отдавшаяся ему, становится более женщи-

ной, более знающей, более сладострастной, более безудержной;

она открывает в своем до тех пор равнодушном теле неожиданные источники наслаждения, она впервые видит прелесть своей наготы, скрытой дотоле покровами стыда, она познает богатство женственности...»

Мне это имя незнакомо:
Как это вкрадчиво: Джа-комо...
Как тяжкий бархат черный, –
Какая в этом нежность: Джа... да?

Так шепчет одно из юных созданий в пьесе Марины Цветаевой «Феникс», написанной летом 1919 года. Для Марины Цветаевой Казанова — символ любви, символ всепобеждающей плоти. И для многих на этой планете Джакомо Казанова — имя, олицетворяющее любовь, но не только конечный результат, а именно интригу любви, блестящим мастером которой он был. Казанова отлично знал женскую физиологию и психологию и умело пользовался своим знанием.

Каждый мужчина хочет быть Казановой, но, увы, не всем это удается. Что касается итальянцев, то они, можно сказать, прямые наследники венецианского авантюриста любви и поэтому

из кожи вон лезут доказать, что превосходно владеют искусством увлечения и соблазнения женщин. Опять же, всегда есть стремление, но не всегда есть результат.

При виде красивой женщины итальянец не может не воскликнуть: «Беллецца! Ке визо дивино!» (Красавица! Что за божественное лицо!) Или: «О тезоро мио!» (Мое сокровище). Восторг и соответственно фразы бывают самыми разными, от нежно робкого: «Можно я поцелую ваши туфельки?» до экстатичного: «Мамма миа! Вы точно сошли с полотна Боттичелли!»

Сладкие речи, подкрепленные аффектированными жестами и блеском глаз, рассчитаны на успех у представительниц слабого пола. Записать на свой счет еще одну любовную победу — высшая мужская доблесть. Но победы порой оборачиваются поражением, да и кто выходит победителем из опустошительных войн Любви? Вспомните многие итальянские фильмы с первым кинолюбовником страны Марчелло Мастроянни. И все же…

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!

Благословен тот край и дом тот светел,

Где пленником я стал прекрасных глаз!..

Это — Петрарка. Но времена трепетного поклонения и сердечного волхвования прошли (или проходят), на смену им идут другие, более жесткие и прагматические, навеянные всемирной сексуальной революцией (секс как физическое наслаждение, как разрядка, снятие стресса и т. д.). Если раньше первое, на что обращал внимание средний итальянец, было «личико» (сказывалось эстетическое воспитание на протяжении многих веков), то сегодня это уже красивые попки. Не случайно «певцом» именно этой части прекрасных женщин стал популярный кинорежиссер Тинто Брасс, мастер эротических фильмов.

Личико, «буст», попка — о мамма миа! В итальянце бушуют гены Джакомо Казановы. Он — истинный бандито д'аморо. И как писал Джованни Боккаччо: «Несчетных поцелуев не умели они унять…»

Великие бандиты д'аморо

Прежде всего это, конечно, Федерико Феллини.

После показа фильма «Город женщин» в Каннах в 1980 году Феллини сказал: «Мне кажется, я всегда создавал фильмы только о женщинах. Я чувствую себя отданным целиком на их милость. Я ощущаю себя хорошо только с ними: они — миф, тайна, неповторимость, очарование… Женщина — это все. И мне представляется, что кино с его чередованием света и тьмы, с его образами, которые то появляются, то исчезают, — тоже женщины. В кино вы как в материнском чреве… Мой фильм — это болтовня после сытного обеда, болтовня мужчины, немного опьяневшего. Это сказка о женщинах, рассказанная мужчиной, который не может не знать их, потому что он сам находится как бы в них…»

Маэстро во всех своих фильмах показывал нам своих любимых женщин: дородных богинь с огромными бюстами и широченными бедрами, воплощение абсо

лютного греха. Он любовно обхаживал их кинокамерой, и они в ответ светились на экране, притягивали и манили, источая аромат сладострастия.

При жизни Федерико Феллини о нем сложилась легенда как о бандито-теоретике любовных услад. У него была одна жена — Джульетта Мазина, и,

казалось, маэстро выплескивал на киноэкран лишь свои затаенные сексуальные фантазии. Гром грянул после смерти великого режиссера, когда стало известно о его двойной жизни. Оказывается, помимо Джульетты, была некая Анна Джованнини, красавица аптекарша, с которой Феллини находился в тайной любовной связи в течение 36 лет. И это была «бурная, яростная любовь», по признанию Анны Джованнини. «Милая Пачокка (Пышечка), привет. Как хочется тебя увидеть и проглотить…» — писал ей Феллини в одной из записок. Но проглотить эту Пышечку было непросто: это была дородная блондинка с излюбленным маэстро большим бюстом, широкой спиной и тяжелыми ягодицами. Богиня плодородия. Легко представить себе, как бедный Феллини разрывался между хрупкой Джульеттой и пышнотелой Анной. Соответственно между двумя мирами: духовным и плотским. Но, может быть, именно этот скрытый внутренний разлад в душе художника и помогал ему создавать свои киношедевры?..

Один из любимых актеров Феллини — Марчелло Мастроянни, «белло Марчелло» (прекрасный Марчелло). Долгое время он был символом самого красивого мужчины Италии, а возможно,

и Европы. Судя по изображаемым им на экране героям, Мастроянни — Казанова из Казанов. Но этот взгляд ошибочен. Он был женат на Флоре Карабелле и прожил с ней целых феерических 40 лет. Дважды пытался уйти от нее — шумные романы с кинозвездами Фэй Данауэй и Катрин Денёв. Примечательно, что обе женщины — и Фэй, и Катрин — с треском выставили Марчелло за дверь, после чего Мастроянни бросился с жалобами к Феллини, что, мол, его считают Казановой, а какой он Казанова, если его дважды бросали. Этот счет довела до трех Флора, госпожа Мастроянни, она тоже наконец решила расстаться с вечно мятущимся мужем. В итоге на

склоне лет Марчелло Мастроянни оказался в роли одинокого Дон Жуана, но не на экране, а в жизни.

И, наконец, еще одна итальянская знаменитость — Лучано Паваротти, человек, который владеет феерическим верхним «си». И что же он? Тоже потерпел крах на семейно-любовном фронте, решив заменить свою многолетнюю супругу Адуа на собственную секретаршу Николетту Мантовани. Скандал. Масс-медиа смакуют подробности. Кто только не плутал в лабиринтах Амура!.. А скольким еще предстоит плутать…

Лично я питаю оптимизм в отношении будущего итальянского темперамента. Порукой такой уверенности служат увиденные мной многочисленные сцены в Милане, во Флоренции, Риме и других городах Италии. Молодежь активно и весьма усердно целуется на улицах. В Венеции на площади Св. Марка я засек время по часам: ровно 25 минут целовалась парочка юных итальянцев, недавно вышедших из возраста «ла бамби- ны» и «иль рагаццо» (девочки и мальчика). Нет, это не были вульгарные поцелуи взасос, это напоминало некое прихотливое каприччо с оттенком сфумато страсти, если выражаться языком искусствоведов.

Юноша был, конечно, не Казанова. Но по всему чувствовалось, что он прилежный его адепт. А что оставалось делать мне, седому свидетелю любовного музицирования? Написать эти иронические заметки и получить небольшой гонорар за сладкие воспоминания о днях, проведенных в благословенной и божественной Италии.

Глоток моцартианства (Австрия)

Во мраке сегодняшней жизни, в дегте коррупции, в тине и жиже всевозможных разборок от обычного двора до высокого Кремля очень хочется чего-то светлого, нормального, цивилизованного, хотя бы небольшого глотка моцартианства. Перевести немного дух, успокоиться и убедиться, что мир вокруг нас все же прекрасен!..

А потому едем дальше. Дальше — это в Австрию, в Вену, в Зальцбург, к Моцарту. Припадем к истокам моцартианства, которого так не хватает нам в нашей России, где мы задыхаемся от отечественных Сальери и прочих Собакевичей.

Город Вена – прямо хоть куда!
Говорят, красивей не бывает.
Но Одессу-маму никогда, да!
Я на эту Вену не сменяю, –

пел Аркадий Северный.

Наш квасной патриотизм. Когда мы ехали по живописной дороге, где справа высились базальтовые горы, а слева голубел Дунай, кто-то из туристской группы заметил: «А у нас в Бийске

лучше!» До этого, при въезде в Вену, кто-то радостно закричал: «Ну прямо наш Харькив!» И уже никакой бельведерский дворец не мог убедить его в обратном: Харькив, и только!..

Очевидно, я скроен иначе. Лично меня Вена покорила сразу: один из красивейших городов Европы — а я был в Брюсселе, Париже, Милане, Кёльне и еще много где. Но Вена в этом ряду не теряется, а даже выделяется: она компактна, изящна и величава. В ней есть простота и величие, хрупкость и сила. Все архитектурные стили — готика, барокко, рококо, модерн и современные фантазийные изыски — гармонично сосуществуют друг с другом.

По уже сложившейся привычке, прежде чем ехать в чужую страну, я начитываю материал о ней. Читать книжки, изданные в советское время, без тошноты

нельзя. Вот одна из них — «Республика в Альпах: свет и тени». Свет — это деятельность коммунистической партии Австрии, тени — все остальное, а особенно монархия Габсбургов.

Кстати, о монархии. Габсбурги правили 636 лет (с 1282 по 1918 годы). Ныне — и это парадокс — в Австрии с теплотой говорят о монархах, особенно со слезой вспоминают «доброе старое

время» императора Франца-Иосифа, который правил Австрией в течение 68 лет. 138 членов императорской фамилии покоятся в усыпальнице Габсбургов. Их останки лежат в металлических саркофагах, на крышках которых замерли в печали скульптуры женщин, трубят в трубы ангелы, и мрачно взирают на посетителей гробниц пустые глазницы черепов, увенчанных короной. Тут, в усыпальнице, явственно ощущаешь, что земная слава преходяща. И вообще — «мементо, квиа пульвис эс» (помни, что ты прах).

Сюда, в венский мавзолей, приходят школьники, чтобы послушать урок истории, урок всей истории, а не период отдельно взятого тирана.

И еще вдогонку монархической темы. Когда в 1918 году монархия была низложена, последний Габсбург Карл I безропотно подписал свое отречение, но его супруга, императрица Цита, отказалась это сделать. Много лет спустя, 1 апреля 1989 года, Цита была торжественно погребена в Вене под сводами склепа капуцинов: она дождалась-таки королевских (точнее, кайзеровских) почестей!..

Но не будем зацикливаться на усыпальнице Габсбургов. Габсбурги — тень прошлого, а свет и музыка настоящего — Венская опера, или, как

ее называют венцы, «Дом на Ринге» (Ринг — это почти что венское Садовое кольцо). Внешне здание оперы не слишком эффектно, но внутри все впечатляет: золотые ложи, красный бархат, удивительные люстры… У здания оперы гиды обычно рассказывают душещипательную историю о том, как покончил с собой затравленный критиками архитектор интерьера Эдуард ван дер Нюлль, а через два месяца после кончины коллеги скончался от инфаркта другой архитектор Венской оперы Аугуст

фон Сикадобург. Это произошло во времена Франца- Иосифа, после чего император стал воздерживаться от категорических оценок в области эстетики и обычно говорил так: «Да, кажется, это сделано совсем не плохо…» Неизвестно, прибавлял ли он при этом колоритнейшее словечко «понимаешь…»

Подлинное украшение Вены — собор Св. Стефана. «Штеффи» (так ласково зовут его венцы) — ровесник Москвы, ему более 850 лет. На редкость красивый и гармоничный собор. Описывать внутреннее убранство бессмысленно: его надо видеть. А еще лучше — почувствовать. Полумрак и величественная устремленность собора вверх погружает пришедших в него людей,

как верующих, так и неверующих, в экстатическое состояние, недаром архитектор Адольф Лоз назвал собор Св. Стефана «самым священным церковным храмом в мире».

«Штеффи» стоит мессы!.. Выходишь из собора — и о чудо! — его контуры играют на зеркальной поверхности современного «Дома Хааза», возникшего совсем недавно — открытие его состоялось 15 сентября 1990 года. Этот торговый центр, построенный в духе постмодерна по проекту Ханса Холляйна, вызвал у венцев не меньший протест, чем памятник Петру Зураба Церетели в нашей белокаменной Москве. Против его строительства венцы устраивали сидячие и лежачие забастовки, им казалось, что собор и площадь (Ште- фансплатц) осквернены модернистскими формами нового здания. Но страсти постепенно улеглись, и жители Вены убедились сами, что «Штеффи» и «Дом Хааза» прекрасно смотрятся вместе, как старый дед со своим резвым внуком. Разные поколения, но корень-то единый.

На Рингштрассе находятся два музея — Художественно-исторический и Естественно-исторический. В первом собрана богатейшая коллекция прекраснейших полотен Рафаэля, Тициана, Веласкеса, Рубенса, одно из самых обширнейших

собраний картин Питера Брейгеля.

На Ратхаузплатц высится Ратуша, сооруженная в нео- готическом стиле по чертежам Фридриха фон Шмидта

в конце XIX века. На башне высотой в 97,9 м красуется 6-метровая фигура железного рыцаря, Ратхаузмана. Нельзя не упомянуть здания парламента (древнегреческий стиль), университета (итальянское Возрождение), бывшую резиденцию Габсбургов Хофбург, строительство которого началось еще в XIII веке.

Признаю, что допускаю ошибку, вступая на путь перечисления красот Вены, но хотя бы кратко упомянуть опознавательные ее знаки просто необходимо, ибо, как говорил поэт, «иначе нельзя ведь».

Венский Шенбрунн — почти Версаль. Один из его творцов — архитектор Иоганн Бернхардт Фишер фон Эрлах. Громадный дворец (1441 комната и множество других помещений) и не менее внушительный парк. Именно в Шенбрунне проходил исторический Венский конгресс. Здесь дипломаты упражнялись в перекройке европейской карты, а в перерывах с упоением вальсировали на балах. Вальсы и дипломатия — это тоже некий опознавательный знак Вены. Ну и любовь.

Император Александр I частенько игнорировал заседания конгресса и по тайной лестнице спешил к очередной венской даме.

В 3-м районе Вены, в Ренивеге, заставляет замереть сердце красота дворцово-паркового ансамбля Бельведер (начало XVIII века, архитектор — Иоганн Лукас фон Хильдебрандт). Декор, лепнина, внутренний интерьер, собрание картин — все требует дополнительных песен и гимнов, но, увы, для них нет места.

Именно в Бельведерском дворце в 1955 году был подписан договор о нейтралитете Австрийской республики. На балкон Бельведера после подписания договора вышли министры иностранных дел союзнических стран, в том числе наш неулыбчивый Молотов, а внизу колыхалась от счастья толпа австрийцев: наконец-то они свободны, и никакой оккупации!..

Побывав в Вене лишь однажды, влюбляешься в ее парки, памятники и кафе. Все время ловишь себя на том, что насвистываешь вальсы Штрауса и норовишь заглянуть в винный погребок или в кафе и непременно купить торт «Захер». О, у этого почти национального торта есть своя история: в далеком 1832 году его «со

чинил» торговец Франц Захер для всесильного

князя Метгерниха. Шоколадный — пальчики оближешь! — без него ныне не обходится ни один день рождения в Вене.

Кафе — это тоже венская традиция. Венец без кафе — это уже не венец. В кафе приходят не на минуту хлебнуть кофе, а неспешно посидеть, впитать в себя аромат и насладиться уютом кофейно-кондитерского заведения (картины, зеркала, чистота и покой), заказать «меланж» (кофе со взбитыми сливками) или «кайзер» (тот же «меланж», но посыпанный шоколадной крошкой). Раскрыть газету и погрузиться в неторопливое чтение. Если с вами собеседник, то устроить ленивый обмен фразами. И так полчаса, час, полтора…

— Когда они работают?! — возмущался один из наших туристов. Они работают. Умеют работать, но умеют и расслабиться. Я бы даже сказал, что венцы — профессионалы труда и отдыха, и в той, и в другой сфере они достигли определенных высот. Вся Австрия ухожена и обихожена до блеска.

Что касается кафе, то будь это знаменитые «Demel», «Landtmann», «Braunerhof» или какое-нибудь вполне рядовое на Разумофсгассе, — это образ жизни. Бразильцы танцуют огненную самбу и в ней утрясают свои жизненные проблемы, а

австрийцы изживают свои стрессы и комплексы в комфортабельных кафе. Другой темперамент. Но суть та же.

Памятники. Их в Вене множество. Но больше всех меня потряс памятник императрице Марии-Терезии (скульптор Каспар Цимбуш, 1887). Гигантский, величественный, отражающий преклонение австрийцев перед своей императрицей, так много сделавшей для страны (Мария-Терезия — это австрийский аналог нашей Екатерины II). Рядом с ним наш памятник Юрию Долгорукому, не говоря уже о памятнике маршалу Жукову, — просто игрушечные солдатики на игрушечных лошадках.

Вена — город искусств, и соответственно памятники поставлены «звездам» литературы и музыки. Гёте, Шиллер, целая плеяда композиторов, родившихся или творивших в Австрии: Бетховен, Моцарт, Брамс,

Гайдн, Штраус-сын, Брукнер. А еще в Вене работали Глюк, Шуберт, Малер, Шёнберг. Целая россыпь корифеев музыки-буфф: отец и сын Штраусы, Йозеф Лайнер, Франц Легар, Карл Миллёкер, Франц фон Зуппе. «Летучая мышь», «Нищий студент», «Веселая вдова», «Граф Люксембург» — вся эта мелодичная веселость разлетелась из Вены

по всему свету.

Отдельный разговор о Вольфганге Амадее Моцарте. Десять лет он прожил в Вене, сменил 18 квартир. В одной из них, в доме 8 по Шюлерштрассе, прожил три года и написал «Свадьбу Фигаро». Теперь это дом-музей Фигаро. В нем можно побывать и посмотреть на вещи и обстановку, увы, их осталось весьма мало. Зато конфеты и сувениры с изображением светлого гения, резвого и шаловливого мальчика, можно купить в любом венском магазине или лавке. Моцарт растиражирован так же, как наш Пушкин. Ныне гений приходит к далеким потомкам через конфеты и музыку.

Сальери: Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог и сам того не знаешь:
Я знаю, я.
Моцарт: Ба, право! может быть…
Но божество мое проголодалось…

Доживи Моцарт до наших дней (клонированный Моцарт?), наверное, он был бы доволен своей посмертной славой. В мире произошли громадные изменения, а что-то по-прежнему не

меняется:

Моцарт на старенькой скрипке играет, Моцарт играет, а скрипка поет…

Популярность Моцарта докатилась до самых тупых и невежественных. Вопрос из тургруппы:

— А где похоронен Моцарт?

Гид растерян. Немая сцена. Лепет от неожиданности:

Неизвестно. Был похоронен сначала в общей могиле. Потом ее сровняли, и никто поныне не знает подлинного места упокоения великого музыканта.

— Как так?! — возмущается наш просвещенный со

отечественник. — Такой известный человек — и неизвестно, где похоронен. Нехорошо. Непорядок!..

Можно сказать, «срезал» австрийцев, а то они все гордятся: Моцарт да Моцарт!..

Место рождения композитора — Зальцбург, старинный город, зажатый горами Мёнхсберга. Дом композитора на Гетрайдегассе. В городе площадь Моцарта, памятник Моцарту (один из первых, деньги на его возведение собирали по подписке по всей Европе, есть в памятнике и доля России), консерватория Моцартеум… Но и помимо Моцар-

та Зальцбургу есть чем попотчевать туристов: великолепный кафедральный собор, монастырь Св. Петра, дворец и парк Мирабель…

Позволю себе повториться: Зальцбург — отдельная новелла. Поэтому поговорим о дороге, ведущей из Вены в Зальцбург и обратно. Издалека видны очертания Альп. В 1830 году Федор Тютчев, взирая на горы, писал:

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят…

Альпы всегда впечатляют. В 1886 году в этих краях побывал другой русский поэт, Владимир Соловьев, под впечатлением увиденного он написал стихотворение «В Альпах»:

В берег надежды и в берег желанья Плещет жемчужной волной Мыслей без речи и чувств без названья Радостно-мощный прибой…

Но хороши не только Альпы. По дороге из Вены в маленький городок-гавань Креме автобус скользил по извилистой ленте между горами и Дунаем. Красота дивная. Мне, как любителю поэзии, вспомнились еще одни тютчевские строки:

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи…

Голубой Дунай. Сколько песен сложено о нем, сколько легенд! Показывая на горной вершине какие-

то строения, гид Светлана Вакер говорит, что в средние века оттуда, с гор, спускались разбойники и грабили торговые суда, проходившие по Дунаю.

— А сейчас грабят? — интересуется кто-то в группе.

— Нет, сейчас все спокойно, — отвечал гид, а я не выдержал и добавил:

— Грабят у нас, в России.

Автобус сразу загудел. Все забыли о Дунае и Вене и принялись обсуждать российские проблемы: преступность, коррупцию, великомудрых сидельцев из Думы. Потом разом как-то успокоились и погрузились в дорожную нирвану.

Нет, что там говорить: Австрия — прекрасный «тайм-аут» от российской жизни. Тут сразу отключаешься от «рашен проблем». Гуляя по маленькому Кремсу (как удивительно австрийцы

сумели сохранить старину и самобытность, в отличие от нас, у которых все уходит в слова, крик и пар: духовность, народность, православие!.. А приедешь в какие-нибудь Тетю- ши — и оторопь берет от грязи и замшел ости), так повторю: гуляя по Кремсу, воочию видишь связь времен и поколений, соединение вчерашнего и сегодняшнего, и, конечно, ностальгируешь по ушедшему. Вслед за Игорем Северяниным так и тянет сказать:

Расскажи о глазках Гретхен

О романтической эпохе,

О рыцарстве былых времен, Как упоенны были вздохи И как безоблачен был сон!..

Разумеется, все было не так уж безоблачно, о чем говорят хотя бы чумные столбы (чума косила людей тысячами), но таково свойство человеческой памяти: идеализировать, романтизировать прошлое. Ныне Гретхен совсем не те. Катаются на роликах. Беспрерывно что-то жуют. Успешно пользуются прокладками и принимают противозачаточные пилюли. А что удивляться? Конец XX столетия. Как писал все тот же Булат Окуджава: «Целый век играет музыка. Затянулся наш пикник». Сотовый телефон ворвался в нашу жизнь, кругом

жутко и страшно, того и гляди кто-нибудь стук-

нет тебя ниже пейджера.

Однако вернемся к нашему путешествию. Из Крем- са в Вену. Прощальный ужин в Гринциге, в ресторанчике «Бах-Хенгл». Нежнейшее мясо, легкое красное вино и разудалая пара музыкантов: аккордеонист и скрипач. Скрипач, венгр по национальности, так выводил «калинку-малинку», что просыпались даже мертвые. Кстати говоря, а все же кто есть австриец? Это человек, мать которого — чешка, отец — венгр, говорит он по-немецки, а живет в Австрии. И никаких национальных проблем! Австрия не только для австрийцев, но и для русских. Держу пари, что через некоторое время после «Подмосковных вечеров» вы запоете в каком-нибудь ресторанчике «Oh, du lieber Augustin, Augustin, Augustin…» — про милого Августина, у которого все пропало, денег нет, но он не унывает, а продолжает петь и веселиться. И правильно! Нет ничего ужаснее, чем страна Уныния. Австрия — для нормальных людей, не потерявших способность шутить и улыбаться.

На берегах голубого Дуная (Австрия)

Идут минуты, может быть, года,
Но каждый звук – сияющий предтеча
И в каждом звуке – ожиданье встречи,
Которой не бывает никогда…
Тамара Величковская. «О музыке».

(Из антологии 200 поэтов эмиграции)

Эти заметки навеяны поездкой в Вену и выполнены в манере staccato — это когда исполнение на музыкальном инструменте осуществляется коротко и прерывисто. Об Иоганне Штраусе-сыне написана книга Евгением Мейлихом. Она выдержала четыре издания, но сейчас забыта. Отрывисто и коротко используем ее в нашем повествовании, которое разобьем для удобства чтения на главки. Итак, начнем…

Немного истории вальса

У каждого времени свои танцы. Сегодня это судорожные, вихляющие па — время потрясений, катастроф и ЧП. А в начале прошлого века

светила пора надежд, виделся расцвет наук и искусства, в моде было упоительное кружевное вальсирование.

Где зародился вальс? Конечно, в Вене — в этой музыкальной Мекке, которая, как губка, впитала в себя итальянскую, французскую и даже янычарскую музыку и, конечно, немецкий зингшпиль (жанр, сочетающий разговорную речь с пением и танцами, прародитель зонгов). Жители Вены — давние поклонники народных танцев. Венцы с особым удовольствием танцевали лендлер, чешскую польку и венгерский чардаш. Но эти танцы в дальнейшем потеснил Walzer. Пожалуй, его успех начался с вальсированного фрагмента из оперы «Редкая вещь» итальянского композитора Мартина-и- Солера, поставленной в 1787 году. Опера вскоре сошла

со сцены, а вальс из нее остался в сердцах венцев, он был даже назван «Венский вальс».

Вальс быстро начал распространяться по Европе, но признание получил не сразу, так как считался слишком «чувственным и непристойным танцем». Русский император Павел I предписал полицейскому ведомству строго запретить «употребление пляски, вальсеном именуемой».

Но вальс, несмотря на все императорские и

церковные запреты, пробил себе дорогу. Его захватывающую ритмику оценили и Моцарт, и Шуберт, и Вебер, и Лист. И даже Бетховен. Хотя у всех перечисленных корифеев музыки он не стал ведущим, доминирующим жанром.

Подлинными родителями вальсов стали Ланнер и Штраус-отец. Именно они отшлифовали венский вальс, и он засверкал как алмаз. С их легкой руки вальс стал танцем эпохи, вызвавшей к жизни новое течение в искусстве — романтизм. Грезы, мечтания, надежды, страсти — все это нашло отражение в вальсе. Вальсовая стихия заполонила если не всю Европу, то по крайней мере всю Вену. В Вене, в столице Габсбургов, множились танцевальные залы, рестораны, кабачки, в них венцы наслаждались мелодиями вальса. Мудрый государственный деятель канцлер Меттерних справедливо заметил: «Когда народ танцует, он не опасен». Во всяком случае, танцы лучше баррикад и стрельбы — это уж точно!..

Необходимые штрихи к портретам Ланнера и Штрауса

Вернемся к родителям вальса. Это два молодых музыканта — Йозеф Ланнер и Иоганн Штраус. Они вместе начинали играть в оркестре Игнаца

Памера, потом Ушли от него и стали выступать самостоятельно. Молодые люди не только играли, но и сочиняли вальсы. «Моцарт танцевальной музыки» — так называли венцы Ланнера (тот был старше Штрауса и соответственно

считался первым). Оба музыканта пылко дружили и так же пылко разошлись друг с другом. Штраус отделился от Ланнера и пустился в свое музыкальное плавание, венцы скоро почувствовали разницу в сочинениях и манере исполнения двух маэстро. «Если Ланнер — ровное тепло камина, то Штраус — нестерпимый жар костра», — говорили одни. «Ланнер очаровывает, Штраус покоряет», — утверждали другие. «Ланнер — ангел вальса, Штраус — его демон», — добавляли третьи.

Однажды их разногласия достигли апогея и вылились в драку, подобную показанной в фильме «Веселые ребята»: в ход пошли смычки и скрипки. Это бурное выяснение отношений в стиле fortissimo поставило точку в их многолетней дружбе. Опечаленный таким оборотом событий, Ланнер написал вальс «Расставание».

Что дальше? Ланнер ушел на второй план и стал забываться любителями музыки, а Штраус, напротив, вошел, выражаясь современным

языком, в плотные слои популярности, покуда не окреп и не взял в руки смычок его сын, тоже Иоганн Штраус. После первого публичного выступления сына в газетах можно было прочесть: «Доброй ночи, Ланнер! Добрый вечер, Штраус — отец! Доброе утро, Штраус-сын!»

Но мы забежали вперед. Так как Штраусы — это целая династия, расскажем о ней поподробней.

Кровь предков

Дед Иоганна Штрауса — Иоганн Михаэль Штраус в качестве слуги некоего графа Роггендорфа появился в Вене в середине XVIII века. 11 февраля 1762 года в книге бракосочетаний собора Св. Стефана появилась запись: «Почтенный Иоганн Михаэль Штраус, слуга… крещеный еврей, холостой, родом из Буды, сын Вольфа Штрауса и его супруги Терезии… сочетается с благопристойной и добродетельной Розалией Бусхинин, дочерью окружного егеря, родившейся в Гфеле…»

Вот что пишет по этому поводу один из биографов Штрауса Франц Майлер:

«Более 170 лет мало кто обращал внимание на эту запись. Семейство Штраус, правда, прекрасно знало, что не принадлежит к коренным венцам, но предпочитало вести свое происхождение от

некой таинственной бабки, принадлежавшей к старой испанской аристократии, а не от еврейской семьи из Буды, которая, вероятно, переселилась на Дунай с берегов Рейна или Майна (судя по всему, лишь после изгнания турок из Венгрии). Да и венцам, которые хорошо знали истинное положение дел, было, в сущности, безразлично, откуда взялась семья, возведенная в ранг «династии чародеев вальса». Лишь когда Австрия в 1938 году стала частью «великогерманского рейха», этим вопросом занялись официальные инстанции, и тут сразу выяснилось, что с точки зрения новых расовых законов популярный композитор не был чистокровным. Если бы власти были последовательны, они должны были запретить его музыку как «неполноценную», что проделали, например, с сочинениями Мендельсона и Оффенбаха. Но поступить так они не решились — зато нашли странный выход из положения. Книга бракосочетаний из собора Св. Стефана была изъята, и имперское ведомство по чистоте расы в Берлине сняло с нее полную фотокопию. Оригинал был упрятан в архив; копия же, переданная приходу, содержала подделку: компрометирующую запись опустили. Штрауса превратили в арийца…»

Все это говорит о том, что популярность Штра-

уса была так велика, что нацистам пришлось пойти на компромисс и признать его «своим».

Иоганн Штраус-отец

Итак, дед первого короля вальса поселился в Дунайском квартале Вены. Со временем выбился в обойщики. Умер в богадельне в 1800 году. Его сын Франц Боргиас Штраус сумел подняться на более высокую социальную ступеньку и стал владельцем кабачка «У доброго оленя». 14 марта 1804 года у него и его жены Барбары Дольман, дочери кучера, родился сын Иоганн

Батист Штраус, который войдет в историю музыки под именем Штрауса-отца.

Иоганну Штраусу досталось тяжелое детство. Рано умерла мать. Через полтора года отец привел в дом новую жену — Катарину Фельдбергер, а когда мальчику исполнилось 12 лет, труп Франца Штрауса нашли в Дунае (поговаривали, что он покончил жизнь самоубийством из-за долгов). Дальнейшей судьбой Иоганна и его старшей сестры Эрнестины занялся опекун Антон Миллер. Мальчик тянулся к музыке и сам выучился играть на подаренной ему детской скрипке, но опекун решил, что музыка — ремесло ненадежное, и отдал Иоганна на учебу к переплетчику. Иоганн

прошел полный курс обучения и в 1822 году был официально аттестован как мастер переплетного дела. Но стал он другим мастером — мастером игры на скрипке, ибо мир музыки для него оказался сильнее мира книг и переплетов.

Встреча 15-летнего Иоганна Штрауса с Йозефом Лайнером определила его судьбу. Штраус сначала выступал в оркестре Ланнера как скрипач, затем как дирижер и, наконец, как композитор, сочинитель вальсов. «Штраус, придумай что-нибудь», — частенько говорил Ланнер, и Штраус сочинял очередной вальс. Хотя в дальнейшем музыканты расстались (об этом мы уже говорили), но в памяти венцев они пребывают вместе, неразлучной парой: два друга, два творца венских вальсов. В курортном городке Баден под Веной, в парке, они запечатлены навеки вместе: скульптурный Ланнер и скульптурный Штраус.

В той же, минувшей, жизни друзья разошлись и выступали порознь. Летом 1833 года в Вене побывал Михаил Глинка и сделал в дневнике такую запись: «Часто и с удовольствием слушал оркестры Ланнера и Штрауса».

А тем временем Штраус берет вершину за вершиной. С успехом гастролирует в Берлине, Кёльне, Брюсселе и Париже. К его ногам бросают

букеты фиалок Керубини, Обер, Лист, Мейербер, Берлиоз и Бальзак. Иоганн Штраус — герой дня.

Невольно возникает вопрос: а как складывалась семейная жизнь героя? В 1825 году молодой еще Штраус

(ему 21 год) влюбился в Анну Штрейм — дочь владельца ресторана «У огненного петуха», высокую брюнетку с красивыми карими глазами. Она — страстная любительница танцев, да и сам Иоганн пришелся ей по вкусу. Взаимное притяжение и скоропалительная свадьба (Анна оказалась беременной). 25 октября все того же 1825 года в небольшом доме старой Вены (Санкт-Ульрих, 76) появился их первенец Иоганн Батист Штраус, Штраус-сын. Потом родились еще четверо детей.

Все поначалу развивалось и шло прекрасно, но слава — штука коварная: не каждый выдерживает испытание ею. Не выдержал и Штраус-отец. Стал заносчивым, научился сорить деньгами, а в довершение ко всему увлекся молоденькой модисткой Эмилией Трамп- буш и ушел из семьи. Появились дети во втором браке, и не два-три, а шестеро. Ветреный отец вынужден был работать как каторжный (выступал на больших балах, писал вальсы).

Естественно, здоровье его пошатнулось. А тут,

как на грех, революция в Вене. Не разобравшись в ситуации, Штраус-отец написал и посвятил марш душителю революции маршалу Радецкому (марш сам по себе чудесный, если оторваться от политических симпатий и антипатий), и венская прогрессивно настроенная публика сразу отвернулась от прежде любимого маэстро, тем более что по другую сторону баррикад находился Штраус-сын, новый любимец венцев. Затем последовала еще одна неудачная музыкальная акция: посвящение очередного опуса другому душителю восстания, Елачичу. Все это вызвало целую лавину ненависти к Штраусу- старшему. Композитор, привыкший к всеобщему поклонению и обожанию, растерялся. На одном из концертов он сломал в гневе смычок. Все кончилось тяжелой лихорадкой, а доконала его скарлатина.

25 сентября 1849 года, в возрасте 45 лет, Иоганн Штраус-отец скончался. Умер в одиночестве, в большой и пустой квартире: вторая жена, как только он заболел, покинула его, увезя с собой не только детей, но и мебель.

Похороны Штрауса были грандиозны. Смерть зачер-

кнула ошибки последних лет его жизни. Че-

рез весь город на кладбище его провожало 30 тысяч человек. Такой траурной процессии Вена не видела со дня смерти Бетховена. Бок о бок шли приверженцы монархии — друзья отца и революционно настроенная молодежь — друзья сына. Всех примирила общая печаль. За гробом шла первая жена Анна с детьми и старый скрипач Франц Амон. На черной подушке он бережно нес скрипку покойного с оборванными струнами. Штра- уса-отца похоронили на кладбище в Деблинге, рядом с могилой Йозефа Ланнера. Все это происходило под звуки «Реквиема» Моцарта. Оркестром дирижировал Штраус-сын.

Поэт Эдуард фон Бауэрнфельд писал в некрологе: «Радость, чистое веселье, пенье, музыку и танцы — ныне предаем земле, правим тризну старой Вене». Казалось, что время вальсов ушло безвозвратно. Но вальс никак не хотел уходить с исторической сцены.

Иоганн Штраус-сын

Штраус-сын (домашнее имя Шани) тяжело переживал уход отца из семьи, хотя тот и был суров с ним: несмотря на музыкальное призвание сына, заставил его учиться коммерции. Но мальчик упрямо тяготел к музыке и замирал от

восхищения, когда присутствовал при домашних репетициях отца. А тот даже не подозревал, что его Шани уже в 6 лет наигрывал собственные «танцы», а в 12 лет вместо изучения премудростей кредита совершенствовался в игре на скрипке. Штраус- отец категорически не хотел, чтобы его сын занимался музыкой. «Но почему? — спрашивали его друзья. — Мальчик просто рожден для музыки!» На это следовал неизменный ответ: «Нет и нет! Я хочу, чтобы у Иоганна была спокойная профессия. Оглянитесь вокруг! Разве музыканты бывают счастливы? Шуберт умер в 31 год, Моцарт — в 35 лет, Вебер — в 40».

Когда отец покинул семью, Иоганну Штраусу-сыну шел 18-й год, он был старшим в семье, и на его плечи легла забота о младших братьях и сестре. Счетовода из

него не вышло (он никогда не мог освоить дебет-кре- дит даже в своем семейном бюджете), а вот скрипач и капельмейстер (то бишь дирижер) из него получился превосходный. Будучи еще несовершеннолетним, он подал в венский магистрат заявку о своем намерении стать дирижером. Отец был против, но «думцы» из магистрата пошли юноше навстречу.

15 октября 1844 года Штраус-сын в качестве

«капельмейстера и композитора» дебютировал в знаменитом казино Фердинанда Доммайера в предместье Вены — в Гринциге. Афиши обещали, что, «помимо различных увертюр и оперных фрагментов», Штраус-сын «исполнит и свои собственные произведения. При этом Иоганн Штраус (сын) рассчитывает на доброжелательность и покровительство уважаемой публики».

Вена была взбудоражена. Какая интрига!.. При живом популярном отце выступает его сын, совсем неизвестное молодое дарование. Неужели у «короля вальсов» появился сын-принц?.. Толпа рванула в зал. Как отмечали газеты, «столик найти было труднее, чем место на заседании палаты лордов».

Бледный, взволнованный, в строгом черном костюме, Штраус-сын появился на эстраде. Сначала он нервничал, но быстро собрался и продемонстрировал публике все то, что умел и чему научился. Зал был покорен и завоеван. Заключительный «Аллегорический вальс» повторяли… 19 раз! Перед тем как распрощаться со слушателями, Штраус-сын исполнил сверх программы один из любимейших вальсов отца — «Лорелею». Такое великодушие не осталось незамеченным: зал рукоплескал юному гению. Так в конце октября

1844 года в Вене появилось два замечательных Штрауса: отец и сын.

Долгое время личные отношения между сыном и отцом оставались более чем прохладными, несмотря на все попытки общих друзей их примирить (может быть, старшего Штрауса задела конкуренция сына?..). Только после того, как в день его рождения рано утром под окнами появился Иоганн-младший с десятью музыкантами и исполнил одно из лучших творений отца -

«Дунайские песни», тот, растроганный, спустился вниз и, ни слова не говоря, протянул сыну руку.

После смерти отца младший Штраус издал полное собрание его вальсов. 152 вальса! Популяризируя творчество отца, Штраус-сын продолжал сочинять и сам. Вальс давно стал властелином Вены и практически вытеснил чопорный и меланхолический менуэт. Вальс танцевали все: он был демократичен, доступен и приятен. Сам сочинитель был олицетворением этого танца. Темпераментный, пылкий, он словно сливался с музыкой. Работал и творил как одержимый: дома, в ресторане, в театре. Если не было под рукой бумаги, то в ход шли манжеты, скатерти, книги, ресторанное меню и даже собственная ночная

рубашка. Если возникала в его душе мелодия, он тут же ловил ее нотными значками. Точно так же творили Моцарт и Шуберт.

В течение нескольких лет Штраус-сын работал по своеобразному расписанию. По понедельникам играл у Доммайера, где собирался цвет венской буржуазии; во вторник — Фольксгартен (Народный сад), куда хаживали аристократы и крупные землевладельцы; в среду и пятницу — рестораны «Зеленая птица» и «Голубая бутыль», куда приходили биржевики и иностранные коммерсанты; в субботу его ждали мелкие буржуа и рантье; в воскресенье он выступал у Унгера, где танцевала рабочая и студенческая молодежь. То есть полный охват венского общества. Для всех Штраус был понятен и любим.

Но силы Иоганна были не беспредельны, и на подмогу пришли его младшие братья: Йозеф (1827-1870) и Эдуард (1837-1916). Оба были так же талантливы и насквозь пропитаны атмосферой венского вальса, а поэтому легко вписались в штраусовский стиль. Йозеф и Эдуард быстро преуспели в популярности. Не случайно, когда Иоганна представляли незнакомым дамам, он шутя рекомендовал себя всего лишь «братом красавца Эдуарда Штрауса». Если раньше кумиром

Вены был Штраус-отец, то теперь коллективным кумиром стала вся семья — три брата. Это дало возможность прессе слегка подтрунивать над семьей, называя ее «Фирма Штраус. Торговцы музыкой оптом и в розницу».

И все же Иоганн Штраус как композитор и как дирижер был значительно выше, одареннее своих братьев. Именно он симфонизировал вальс, придал ему новое мелодическое дыхание.

Штраус в России

На лето 1856 года Иоганну Штраусу-сыну предложили выгодный ангажемент от дирекции Царскосельской железной дороги. Он согласился и в течение 10 лет ежегодно приезжал в Россию, выступая в Петербурге и Павловске. Павловский музыкальный вокзал (вокзал не в современном значении слова), открытый 22 мая 1838 года, со временем стал одной из самых популярных музыкальных сцен, на которой выступали многие европейские знаменитости. 6 мая 1856 года состоялся дебют «Ивана Страуса, “короля вальса”», как представили его петербургские газеты.

И вот Штраус на сцене. Статный, красивый, эффектный, артистичный, он легко переходил от игры на скрипке к дирижированию смычком,

элегантно пританцовывая в такт музыке. Его программа состояла в основном из вальсов и полек. Особенный успех выпал на вальс «Бал юристов» — «Jurister Walzer». Его пришлось повторить трижды.

Выдающийся музыкальный критик и композитор Александр Серов писал: «Мне еще почти не случалось слышать вальсов, настоящих вальсов… созданных в типической земле вальса, Вене, «так» исполненных, как под управлением Штрауса, родного сына знаменитейшего из вальсотворцев… У нас бывали очень и очень хорошие дирижеры садовых оркестров и бальной музыки. У нас есть даже «свои» капельмейстеры и композиторы танцев (братья Лядовы), которые по своему делу очень даровитые и отличные мастера. Но… в этой области особенно важны оттенки тончайшие, неуловимые, что-то особенное… В дирижерстве Штрауса и в сочинениях его эти «особенные» оттенки очень заметны для всех, кто знает толк в танцевальной музыке».

Критики восторгались. Публика ликовала. Дамы, ес-

ли пользоваться языком Игоря Северянина, экстазирова- ли. Наши северные дамы бывают весьма чувствительны и весьма падки на любые

заморские диковины. А тут 30- летний музыкант с почти гвардейскими усами, со скрипкой в руках — и та-а-кие звуки, что сердце замирает, а потом начинает биться часто-часто, как пойманная птичка. Неудивительно, что после каждого выступления Иоганна Штрауса его поджидала на выходе толпа дам. Щебечущая и томно вздыхающая.

И вот тут, в Павловске, Штраус повстречал одну из своих поклонниц, с которой у него завязался необычный роман, в духе самого что ни на есть европейского романтизма. Но прежде чем рассказать о нем, вернемся назад, в Вену.

Штраус и женщины

Темпераментный и порывистый Шани не чурался женщин, однако долго не женился — все выбирал, выбирал. Утверждают, что невест было не меньше четырнадцати, но ни на одной из них он так и не остановился окончательно. К тому же мешала работа. Музыка была превыше женщин. Иоганн инстинктивно чувствовал, что как только он свяжет свою жизнь с постоянной подругой, то сразу будет отвлечен от творчества. А пока буйно фонтанировала его фантазия, он не торопился менять свой семейный статус. Так, лег-

кие увлечения, небольшие интрижки, одна-две ночи любви, но не больше. Однако и этого было достаточно, чтобы стяжать славу светского льва и покорителя женских сердец.

В Россию он приехал зрелым человеком и внутренне готовым на серьезные отношения с женщиной. Вот тут на его пути и возникла Ольга Смирнитская. Не просто молодая и красивая женщина (выразительные черные глаза, пышные шелковистые кудри), но женщина-идеал. Музыкантша, композитор (сама сочиняла романсы и недурно их исполняла), человек с тонким музыкальным вкусом и широкими взглядами на искусство.

Встреча Штрауса и Ольги произошла летом 1858 года, в третий приезд Иоганна в Россию. Сначала были

розы от поклонницы («мэтру Жану от незнакомки»), потом записка и наконец первое свидание. Ольга поразила Штрауса. Утонченная, изысканная и умная, она не была похожа на венских дам. Любила поэзию, и особенно стихи Лермонтова, которые читала и переводила Штраусу с чувством, с придыханием. Встречи Иоганна и Ольги проходили в Павловске, в огромном дворцовом парке, в уютных беседках и павильонах, вблизи

фонтанов и скульптур, символизирующих вечную любовь и женственность.

Ольга так увлекла Штрауса, что он решил на ней жениться. Он-то решил, да забыл, что дело происходит не в Вене, а в Петербурге, в котором и не пахло никаким демократизмом. Она — дочь генерала Василия Смирнитского, человека светского и приближенного ко двору. А он — всего лишь какой-то музыкантишка, играющий вальсы для услады аристократической публики, к тому же с репутацией «Жана-обольстителя». Короче, ни о какой женитьбе не могло быть и речи. Мезальянс. Неравный брак. И забудьте навсегда, г-н Штраус, девушку Ольгу!..

Они расстались. Единственное, что удалось Штраусу, — это заполучить миниатюрный портрет Ольги кисти художника Ивана Макарова да услышать клятвенное заверение возлюбленной, что в следующий его приезд в Россию они обязательно поженятся. Конечно, тайно. И он увезет ее в Вену. Блажен, кто верует!..

Перед разлукой Ольга Смирнитская спела Штраусу свой любимый романс на слова Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет!

Жизнь, конечно, обманула. Ольга не стала женой Штрауса. Трагически погиб ее 18-летний брат, и она не захотела своим родителям причинять еще одну боль. Надежды нет, а стало быть, разрыв окончательный. Павловский роман сошел на нет. В душе у Штрауса осталась горечь, которую он излил в очаровательной польке-мазурке «Проказница». Хотя какая проказница? Разве что имелась в виду не Ольга, а судьба.

Была еще она встреча, спустя несколько лет. Совсем инкогнито. Дама в маске. Из-за нее Штраус сорвал свой концерт. Но встреча эта ни к чему не привела: фарфоровая чашка была разбита навсегда.

Однако оставаться дальше холостяком Иоганн Штраус-сын не мог, и он принимает неожиданное для многих решение: 27 августа 1862 года тайно женится на Генриетте Трефц. Почему тайно? И что это за новая драматическая история? На то были свои причины: невеста на 7 лет старше Штрауса и, кроме того, до бракосочетания с ним в соборе Св. Стефана успела родить семерых детей.

Как бы там ни было, Генриетта покорила Штрауса не только своей необыкновенной женской привлекательностью, но и тем, что была умна (как Ольга?) и искушена в делах практических, а Штраусу — и это он понимал четко — была нужна не только жена, но и знающая помощница.

Генриетта Хапулецки родилась в Праге, в семье ювелира; под именем Етти Трефц дебютировала в придворной опере, затем стала примадонной в театре «Ан дер Вин». В качестве камерной певицы ездила с выступлениями по Европе и сколотила себе состояние. Была любвеобильна. Не задумываясь о последствиях, вступала в любовные связи, и дети появлялись как цветы любви. В дальнейшем их усыновили знаменитый архитектор Гальвани и банкир Мориц Тедеско, с которым она жила вместе с 1843 года. Мальчики носили фамилию Хапулецки.

Встреча 44-летней Етги Трефц со Штраусом перевернула ее жизнь. Она решила посвятить всю себя талантливому музыканту (пора метаний прошла, и она сделала свой выбор, впрочем, как и Штраус). Етти порвала все свои старые связи, оставила детей и занялась целиком мужем. Как опытный ювелир, она решила окончательно огранить этот алмаз, недаром однажды бросила

примечательную фразу: «Без меня Жан был бы всего лишь Эдуардом Штраусом».

Во имя поставленной цели Етти стала для* Штрауса всем: возлюбленной, женой, секретарем, музой, сиделкой, переписчицей его партитур и т. д. Она умела дать

верный совет, оградить Штрауса от бытовых забот, познакомить его с нужным человеком в высшем обще- *ствесловом*, стала незаменимой во всех делах. Етти добилась того, что со временем Штраус был освобожден от «пиликанья вальсов» (этим занимались братья Иоганна) и сосредоточился исключительно на композиторской деятельности.

Супруги купили особняк близ Шенбруннского парка и зажили почти что счастливо. «Почти что» — такова жизнь, не допускающая никакого полного счастья и всегда добавляющая ложку дегтя в бочку с медом.

Один немецкий журналист оставил любопытное описание того, как Штраус работал в период своей жизни с Етти:

«Жан Штраус — нервный артист. Больше всего он любит покой и находит его на своей вилле в Гринциге. В своем доме он не столько господин, сколько бог. Надо видеть, с каким радушием он

принимает тех немногих друзей, с которыми ежедневно играет в вист. Помимо музыки, эта игра — его единственная страсть. Но когда Штраус работает, друзья удаляются так же бесшумно, как появляются. Штраус работает лихорадочно: сочиняет с таким же нервным напряжением, с каким дирижирует оркестром. Его рабочий кабинет — повсюду. В бархатной куртке, в сапогах с отворотами, с взъерошенными волосами, он бродит по своим апартаментам. Если ему ничего не приходит в голову в гостиной, он сгребает свои бумаги и отправляется в спальню или в будуар жены, и не один его вальс, начатый в кабинете, был закончен на кухне.

Мадам Штраус, знающая привычки нервного музыканта, заботится о том, чтобы в каждой комнате был стол с письменными принадлежностями, чтобы ее бог Штраус везде чувствовал себя уютно. Скажут, что все это показное — театральная манера сочинителя вальсов. Но что поделаешь? Штраус — с головы до ног артист, он один из тех увлеченных артистов, которые вкладывают в самое малое дело кровь сердца, всю душу. Сочиняет ли Штраус оперетту или польку, он приходит в состояние необыкновенного волнения. После 2-3 часов такой работы он изнурен,

как грузчик…»

От вальсов к оперетте

Наступает период полного расцвета гения Иоганна Штрауса-сына. Он создает такие бессмертные произведения, как вальсы «Голубой Дунай», «Жизнь артиста», «Сказки Венского леса», «Новая Вена». Все эти творения, с одной стороны, проникнуты возвышенным настроением, а с другой стороны, вполне просты и сердечны. Вальсы Штрауса становятся популярными по всей Европе, звучат в Америке и Австралии, проникают даже за Великую Китайскую стену.

Я познал твои страданья,
твою юность, красоту
И – источник упованья –
верность, сердца чистоту
на Дунае,
на прекрасном голубом Дунае.

Благодаря Штраусу голубой Дунай стал знакомой и близкой рекой для всех, кто любит музыку.

Лично меня вальсы трогали всегда, но только после посещения Австрии обрели для меня как бы

живую плоть. Это не абстрактная красота, а живая. Взять, к примеру, «Сказки Венского леса». Это именно Венский лес, а не какой-нибудь подмосковный с его тоскою и нежной печалью. Штраус — певец именно Венского леса. Удивительно светлого, прозрачного. Все деревья (в основном бук) в нем стройны и изящны, как на подбор. Солнечный свет легко пронизывает ажурную крону. Всюду разлит чарующий аромат. Журчат ручейки. Вольно льются птичьи трели. Природа словно радуется своему бытию и возможности доставить радость человеку. Входя в Венский лес, невольно начинаешь насвистывать что-то переливчатое и веселое. Так, очевидно, и родился вальс Штрауса «Сказки Венского леса». Штраус вообще композитор светлый, оптимистический. Каждая его нота, мелодия пронизаны беспечной веселостью и, конечно, надеждой. Его музыка успокаивает и даже немного баюкает, нашептывая: «Все будет хорошо, все будет отлично, прочь, думы и печали!..»

Следующая ступень в творчестве Штрауса — оперет

та, недаром его прозвали дважды венценосным Штраусом: королем вальсов и князем оперетты.

Слово «оперетта» появилось в Вене в середине

XVIII века и обозначало название небольших комедий с музыкой и танцами, носящих чаще всего пародийный характер. До Штрауса в этом жанре с большим успехом работали Жак Оффенбах, а также современники Штрауса — Франц фон Зуппе и Карл Миллёкер.

Первая оперетта Штрауса, увидевшая свет рампы, была «Индиго, или Сорок разбойников», поставленная 10 февраля 1871 года в театре «Ан дер Вин». За ней последовала другая — «Карнавал в Риме». Обе оперетты были удачны и неудачны одновременно. Появились они и в России. На «Карнавал в Риме» обрушился молодой фельетонист Антоша Чехонте, написав рецензию «Кавардак в Риме — комическая странность в 3-х действиях, 5-ти картинах, с прологом и двумя провалами» («Будильник», 1884).

Однако следующая оперетта Штрауса — «Летучая мышь» — стала одной из вершин в истории венской оперетты. Ее бесчисленное количество раз ставили на различных площадках мира, в том числе и в Москве. Москвичи получали истинное удовольствие от занятного сюжета, а главное, от искрящейся музыки Иоганна Штрауса. «Летучая мышь» — это каскад прелестных и веселых мелодий. Чувствуется, что автор создавал их в порыве

божественного вдохновения, и действительно, всю партитуру оперетты он завершил за 43 ночи, за полтора месяца.

Премьера «Летучей мыши» состоялась в театре «Ан дер Вин» 5 апреля 1874 года. Венцы сразу по достоинству оценили танцевальный характер новой оперетты, где «вытанцовывалось» все: брызжущее веселье и поддельные слезы, минутный испуг и забавные вспышки гнева, игривое кокетство и милый обман.

За взлетом, как правило, идут падения. Следующие оперетты Штрауса («Калиостро», «Игра в жмурки» и другие), как говорится, не прозвучали. Но Штраус не сдавался, и последующие оперетты — «Веселая война», «Ночь в Венеции» и особенно «Цыганский барон» (премьера состоялась 24 октября 1885 года) — принесли ему дополнительные лавровые листочки в венок его ела-

вы. Как заявил всеми почитаемый композитор Брамс: «После «Волшебной флейты» Моцарта ни один немецкий музыкант не достиг в области комической оперы тех высот, до которых поднялся Штраус».

После 17-летнего перерыва Иоганн Штраус-сын едет в Северную Пальмиру, в Петербург. Первый его концерт проходил в манеже лейб-гвардии

конного полка, в одном из красивейших творений архитектора Кваренги. Как отметила «Петербургская газета» в номере от 15 апреля 1886 года, «60-летний юноша-маэстро покорил всех — и давних поклонников, и тех, кто впервые присутствовал на его концерте». «Восторг публики не имел границ: махали платками, стучали ногами, хлопали без конца» («Биржевые новости»).

При прощальном выступлении в Павловском музыкальном вокзале Штраусу преподнесли под бурю аплодисментов громадный лавровый венок, обвитый русским вышитым полотенцем.

Павловск вызвал в душе музыканта волну воспоминаний: его роман с Ольгой, почему она не писала ему в течение почти 20 лет? Он не знал, что она давно замужем: дом полная чаша, муж в чинах, четверо сыновей, только вот давно не садится за фортепиано, и музыка больше не звучит в ее сердце. В отличие от Ольги жизнь Иоганна Штрауса сложилась более бурно и драматически.

Страсти по Анжелике

Семилетняя разница в возрасте между Штраусом и женой, не очень заметная в первое десятилетие их брака, в дальнейшем стала ощущаться

все острее. Етти превратилась в 60-летнюю матрону, весьма далекую от образа той подвижной и красивой музы композитора (что поделаешь: возраст — штука безжалостная), что была вначале. К тому же их отношения постоянно осложнялись из-за ее детей (у Штрауса собственных детей не было). Особенно досаждал один из сыновей Етти, великовозрастный оболтус, который постоянно требовал деньги и шантажировал мать. Штраусу все это смертельно надоело, и он выгнал молодого человека за

порог дома. Кончилось это тем, что в один, увы, не прекрасный вечер вернувшийся домой Иоганн Штраус застал жену мертвой. В руке она сжимала письмо сына, полное очередных угроз.

Потрясенный Штраус, всю жизнь ощущавший неодолимый страх перед смертью, покинул свою виллу в Гринциге и больше никогда туда не возвращался. Он упросил брата Эдуарда заняться похоронами своей жены, а сам тут же уехал в Италию.

По возвращении в Вену музыкант познакомился с немецкой певицей Анжеликой Дитрих, влюбился и женился на ней 28 мая 1878 года. Сопоставим числа: жена умерла 8 апреля, а ровно через 50 дней, 28 мая, Штраус женится вновь. Он

явно торопился.

Штраусу 53 года, Анжелике — 28. Она молода и красива. Штраус упоен, вскружен вихрем страсти. Когда вихрь угомонился, композитор с некоторой печалью осознал, что сделал неправильный выбор. Анжелика оказалась весьма тщеславной особой и принялась, как и Етти, руководить Штраусом, но на это у нее явно не хватало — выразимся по-современному — оргспособ- ностей. Когда провалилась оперетта «Жмурки», один критик точно подметил: «На сей раз не хватило твердой руки Етти Трефц».

Анжелика была слабой актрисой, беспомощным менеджером, но очень и очень темпераментной женщиной. Как только Штраус уехал, она тут же бросилась в объятия Франца Штайнера, директора театра «Ан дер Вин», кстати, друга Штрауса. Когда тот узнал об этом, то впал в такое бешенство, что даже крушил мебель. В отчаянии он отправился в очередное путешествие, а Лили (то есть Анжелика) преспокойно водворилась в театре Штайнера в роли «госпожи директорши». Короче говоря, второй брак Иоганна Штрауса бесславно закончился.

Последняя гавань: Адель

Но композитор знаменит, богат и, несмотря на возраст, еще импозантен и красив, поэтому не оставался долго одиноким. Его третьей женой стала Адель Дойч,

молодая вдова, давняя знакомая Штрауса и его первой избранницы Етти. Адель давно имела виды на «короля вальса», но никак не могла пробиться сквозь его свиту. Случай помог: Анжелика оказалась неверной — и король пребывал в миноре, его надо было обязательно утешить и обогреть, что превосходно и сделала Адель. Она не только утешила его, но и достойно заняла место Етги, став для композитора музой и помощницей. С Аделью, как и раньше с Етти, Штраус ощущал себя как за каменной стеной. Не случайно он посвятил, ей несколько вальсов: «Адель», «Порывы сердца»…

В октябре 1894 года вся Вена с превеликой пышностью отметила 50-летие дирижерской деятельности «короля вальса». Состоялись праздничные концерты, приемы, чествования. Было много шума, слов, музыки. Штраус все это терпеливо вынес, ибо с ним была его Адель. 17 лет прожили они вместе. И хотя он был старым по

сравнению с ней, Адель не раз говорила, что у нее никогда не было ощущения, что она жена пожилого человека. Штраус почти всегда был весел, приветлив и бодр. Часто будил ночью Адель, чтобы сыграть ей на скрипке или на фортепиано только что сочиненную им музыку.

Кстати, наблюдая Штрауса в его еще молодые годы, композитор Антон Брукнер говорил: «Ты вечно горишь. Боюсь, что ты умрешь молодым, как Моцарт».

Финальные аккорды

В 1899 году, в самый разгар работы над операттами, Штраус издал собрание сочинений отца, что отняло у него бездну времени и сил. Иоганн внимательно пересмотрел отцовские архивы, письма, наброски, переписывался с разными оркестрами, чтобы восстановить его разбросанные по миру произведения, сам их переписывал, редактировал. Как дань прошлому Иоганн Штраус-младший пишет «Императорский вальс» — апофеоз минувшим годам.

Несмотря на возраст, он был полон новых планов. Собирался написать балет. Но планам этим не дано

было осуществиться. 22 мая 1899 года во время

дирижирования «Летучей мышью» у Штрауса закружилась голова. Борясь с недомоганием, через два дня он вновь дирижировал на большом празднике в Пратере. Ему стало совсем худо. Врач определил воспаление легких. Композитор умер на 74-м году жизни.

В последнюю свою ночь Штраус пытался напевать: «Братушка, видать, пришла тебе крышка…» Утром 3 июня, придя в себя, поцеловал жене руку. Адель сказала ему: «Спи». А он ей: «Только этим мне и придется заниматься впредь…» В 4 часа он заснул навсегда.

Вена погрузилась в траур. Даже уличные фонари были повязаны черным крепом. Тысячи венцев провожали Иоганна Штрауса-сына в последний путь. Оркестр исполнил реквием Брамса. «Короля вальса» похоронили на Центральном кладбище, где уже нашли упокоение Брамс и Шуберт.

И еще один печальный аккорд. Оперетта Штрауса «Венская кровь» не понравилась публике и выдержала всего лишь около тридцати представлений. Директор театра Яунер покончил с собой. Но все это произошло уже спустя много лет после смерти великого маэстро.

Другие Штраусы

Брат Иоганна Штрауса Йозеф умер рано, в 43 года. До 79 лет прожил другой брат, Эдуард, «красавец Эди», как его называли. Он был классным дирижером. Но как человек совершил ужасный поступок: в 1907 году сжег семейный архив, в котором были тексты с подписями Иоганна и Йозефа Штрауса.

Иоганн Штраус-сын был бездетным. У Йозефа была только одна дочь Каролина — род она продолжила под фамилией своего мужа — Айгнер. Поэтому только потомки третьего брата — Эдуарда — носят родовое имя Штраус. Двое из них унаследовали профессию музыканта. Это Иоганн III, сын Эдуарда, и Эдуард II, внук Эдуарда Штрауса.

Эдуард II как бы повторил «семейную историю». Его

отец (сын музыканта Эдуарда) Йозеф хотя и был музыкально одаренным человеком, но пошел совсем по другой линии и стал юристом. Своему сыну Эдуарду желал того же — «солидной профессии». Но тот, вопреки желаниям отца, окончил консерваторию по классу фортепиано, скрипки и даже рога. И соответственно стал про-

фессиональным музыкантом. В 1960 году Эдуард Штраус II приезжал в Россию и дирижировал Московским симфоническим оркестром в Зале имени Чайковского. В его программе были увертюра к «Цыганскому барону», вальсы и польки Штрауса-сына.

Эдуард II умер внезапно от разрыва сердца. Сердце, наполненное музыкой, часто не выдерживает…

Вернемся к королю

Музыку Иоганна Штрауса-сына чтили Шуман и Берлиоз, Лист и Вагнер, Бюлов и Брамс. Если говорить о России, то и здесь у Штрауса было много горячих поклонников. Его вальсы вызывали восхищение у Чайковского и Рубинштейна, Рахманинова и Глазунова. Очень любил слушать произведения Штрауса Лев Толстой. От вальса «Весенние голоса» Лев Николаевич «вскрикивал от восторга, ахал, слезы были у него на глазах» (воспоминания Гольденвейзера).

Миллионы кинозрителей посмотрели замечательный американский фильм «Большой вальс» с участием Фер- нанда Граве и Милицы Корьюс. Эта лента — уважительная дань памяти «королю вальса».

Вспомним и то, как в осажденном Ленинграде звучали жизнерадостные мелодии Штрауса, помогая людям сохранить стойкость и выжить в нечеловеческих условиях. Словом, Иоганн Штраус-сын — не только австрийский композитор, но и, можно сказать, наш, русский, по крайней мере весьма приближен к русскому менталитету.

Ну а «прописан» он навечно в своей родной Вене. Одна из знаменитых скульптур в городе — своеобразный культовый знак — памятник Иоганну Штраусу- сыну работы скульптора Эдмунда Хеллмера. Памятник

был открыт в городском парке в 1921 году. Штраус с вдохновенным лицом играет на скрипке. Его фигуру на постаменте обрамляет арка. По всей площади арки изображены обнаженные женщины. Они слушают маэстро, нежно обнимая друг друга. Целуются, символизируя тем, что вальсы Штрауса — это сама радость жизни. Но венцы ворчат. Нет, не по поводу вальсов, конечно, а из-за идеи покрыть фигуру Штрауса золотом (раньше он был, как и все памятники, зеленым, в патине). Золото раздражает. Но в конечном счете любой культ — это золото. А Штраус давно уже стал культом, объектом восхищения и поклонения.

В новогоднюю ночь жители и гости Вены приходят на площадь Штефансплатц, к собору Св. Стефана. После мощных ударов колокола «Пуммерина» звучит неофициальный гимн Австрии — «На прекрасном голубом Дунае».

Звучит Штраус. Летят снежинки. Их кружево легко пробивают пробки от шампанского. Небо расцвечивают огненные цветы фейерверка. Бесподобное зрелище. Несравненное состояние души…

Париж – это любовь на всю жизнь

Он часть истории, идея, сказка, бред…
Валерий Брюсов. «Париж», 1903

На подступах к Парижу

Смею утверждать, что у каждого русского есть свой Париж. В мечтах или реальный. Воссозданный по прочитанным книгам, альбомам, кинофильмам. А для избранных — увиденный воочию и исхоженный вдоль и поперек.

С давних времен русского интеллигента тянет в Париж, как простолюдина — на водку, чтобы немного ошалеть, да простят меня патриоты за сравнение.

Тебя, Париж, я жду ночами.
Как сутенер приходишь ты… –

писал молодой парижанин Илья Эренбург. Очарование французской столицы таково, что в недавние советские времена только и говорили: «Рига — это маленький Париж», «Тбилиси — это маленький Париж»… как будто Советский Союз

состоял из маленьких парижей. Но всем почему-то хотелось именно в большой, настоящий Париж, который, увы, был для простого человека недостижим: «железный занавес» скрывал и Елисей- ские поля, и Эйфелеву башню.

Признаюсь откровенно, что в те годы я в отчаянии написал «в стол» (излюбленное хобби советских времен) исследование-эссе «Моя мечта: Франция!» в сто машинописных страниц. Без всякого гонорара, просто так, по велению сердца. Более того, облек все это в форму поездки некой группы журналистов из отраслевых журналов: «Архив патологии», «Лен и конопля», «Физика горения и взрыва», «Вопросы ревматизма», «Огнеупоры» и других изданий — тогда в СССР их издавалось множество, и все они даже тихо процветали, как это ни покажется сегодня странно.

Да, раньше была такая практика: сколачивали группы из проверенных товарищей, тщательно их инструктировали, подсаживали к ним стукачей и — вперед, но только тихо-тихо, попарно, а еще лучше всего — четверками и — «Не поддаваться ни на какие провокации!»

Ах, Боже ты мой, куда все это ушло!.. Ну ладно, обрываю затянувшийся зачин и приступаю к делу, к Парижу то есть. Сегодня все просто: есть

деньги — есть Париж. Нет денег — токуешь в Марьиной роще или на Соколе, к примеру. Лично я деньги собрал (прощай, ремонт в начале мая, а в сентябре и покупка стиральной машины!) и отправился в очередной вояж.

Ныне о заграница пишут много и скучно. Скучно в том смысле, что очень сухо и информационно: где что купить и где что посмотреть. Единственная лирическая фраза, которая вырывается из груди журналисток (пишут в основном почему-то женщины), это: «Увидеть Париж и умереть». Однако никто в Париже не умер, и все пишущие дамочки благополучно получили гонорар за свои тур-опусы. И еще. Часто можно услышать фразу, что-де Париж — город маленький и его легко можно обойти пешком за один день. Очередная чушь. Конечно, Париж — не Москва, он значительно меньше, но по насыщенности историческими реликвиями намного превосходит Белокаменную. В Париже каждая улица, каждый дом, каждый камень дышат историей — с жизнью и похождениями королей, генералов, поэтов, художников и актрис. Все ли знают, например, что любимому нами д'Артаньяну король предложил быть директором Бастилии, а славный мушкетер отказался, про-

изнеся крылатую фразу: «Пусть лучше я умру последним солдатом короля, чем стану первым его тюремщиком!»

Парижские улицы и музеи

Парижские улицы полны очарования, по ним можно ходить без конца. И это не только популярные бульвары и улицы типа Османа, Сен-Дени, Фобур-

Сен-Оноре, Фобур-Монмартр, Бомарше, Сен-Жермен… Это и совсем маленькие улочки, своеобразные каменные ущелья, такие как улицы Ахилла, Вавилона, Ада, Красивых листьев, Маленького монаха, Кота, который удит рыбу… А еще — Арфы, Шахматной доски, Лисы, Бабочки.

«Прогулки по улицам Парижа, в смысле разнообразия, не уступают прогулке по любой выставке», — отмечал когда-то давно Михаил Салтыков-Щедрин.

Привлекательны дома со старинным декором и лепниной, с узорчатым узким балкончиком вдоль всего здания, цветами в окнах — все создает особую атмосферу города. И, конечно, множество разноцветных кафе с вынесенными на улицу столиками. Многочасовое сидение в кафе — непременный парижский ритуал, о чем

надо говорить особо. Кофе, чай, пиво, вино и бесконечные разговоры про жизнь, про деньги, про любовь…

И налей-ка, Антуанчик,

Нам еще один стаканчик, –

неожиданно вырвавшееся двустишие.

Надо заметить, что парижане дружат иначе, чем мы. У нас это поговорить. Высказаться, Излить душу, причем громко и шумно. Вывалить на голову друга все свои проблемы и непременно добиться сочувствия: «Ты меня понимаешь?!», «Ты меня уважаешь?!». У парижан дружба — это возможность поделиться чем-то приятным. Удачная финансовая сделка. Любовная интрижка. Поездка к морю. И никаких неприятных известий, которые могут омрачить настроение собеседника.

В Париже очень легко найти приятное занятие. Это не только хождение по бульварам и сидение в кафе, это и выход к набережным Сены, где можно уютно посидеть и поглазеть на проплывающие прогулочные пароходы. Вечером они все в гирляндах огней, как новогодние елки. Есть пароходы-рестораны, на которых сидят-пьют-жуют-гуляют. Но вот что удивительно: это не вызывает никакого раздражения у тех, кто

находится на набережной, напротив, они бурно приветствуют оттягивающихся пассажиров поднятием руки, и те в

ответ радостно улыбаются. Классовая гармония? Или просто каждый уважает жизнь другого и не знает, что такое зависть?..

А еще на Сене знаменитые книжные развалы. Можно часами рыться в них, выискивая раритеты, а то и просто интересующие вас книги, старые фотографии, афиши, значки, марки, открытки… Роешься, устанешь, поднимешь глаза кверху, а на тебя смотрят каменные химеры собора Парижской богоматери и несколько угрюмый замок Консьержери, где когда-то во времена Французской революции томилась королева Мария Антуанетта.

Непременная часть культурной программы — музеи Парижа. Они многочисленны и разнообразны. Конечно, Лувр с Джокондой и, разумеется, музей Орсэ, где главная достопримечательность — обнаженная «Олимпия» Эдуара Мане. Помимо них есть целое созвездие других музеев: автомобилей, вина, духов, табака, замков, ключей, керамики, моды, кино и даже трав (интересно, представлена ли там наша осока, к примеру?).

Любителей королевской роскоши притягивает

Версаль, да, тот самый, в который спешил славный д'Артаньян с бриллиантовыми подвесками королевы. Первый охотничий домик на Версальском холме был построен для Людовика XIII в 1624 году. 6 мая 1682 года указом Людовика XIV Версаль объявляется официальной резиденцией правительства и двора. А 10 июня 1837 года Луи Филипп открывает в Версале музей истории Франции. Это действительно удивительный музей, ярко рассказывающий о жизни королевских особ и представляющий работы замечательных архитекторов, художников, скульпторов и садовников, творивших здесь ради великой страны.

Не буду описывать красоты дворцового паркового ансамбля Версаля и интерьеры дворца — все эти салоны Изобилия, кабинеты с канапе, покои мадам де Ментенон и все прочее. Одна Зеркальная галерея чего стоит! В ней принимали иностранных послов. По этикету того времени гость после окончания приема должен был сделать три шага назад пятясь, чтобы не поворачиваться к королю сразу спиной. Один из иноземцев так восхитился Зеркальной галереей, что забыл об этикете и пятился задом аж 75 шагов, что и зафиксировали придворные летописцы Версаля.

В Версале не иссякает поток туристов: японцы, немцы, англичане, американцы, русские… Все с восхищением взирают на королевские апартаменты, на скуль- птуру, картины и гобелены. Но особым вниманием пользуются покои королевы с грандиозным ложем под балдахином (сексодром, как говорят сегодня). Как остроумно заметил гид Александр Браиловский: «Здесь всегда давка». Оно и понятно: всем хочется взглянуть на широченную, как море, королевскую кровать. Кстати, именно на ней первые дамы Франции рожали своих детей. И представьте себе: в присутствии всего двора, чтобы не было никакой подмены королевского отпрыска…

Парижанки

В книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург вспоминает, как он в юности рвался в Париж: «“Только в Париж”, — сказал я родителям. Мать плакала: ей хотелось, чтобы я поехал в Германию и поступил в школу; в Париже много соблазнов, роковых женщин, там мальчик может свихнуться…»

Сложился стереотип, что парижанки — исключительно роковые женщины. Красивы, надменны и губительны для мужчин. Наверное,

образ всесильной мадам Помпадур преобладает над образом бедной мадам Бо- вари.

Медноголосый Владимир Маяковский в стихотворении «Парижанка» декларировал: «Мадемуазель, ваш вид, извините, жалок…» Правда, в одну парижанку Маяковский без ума влюбился, но это была русская парижанка, Татьяна Яковлева.

Поспорю с классиком. Жалких женщин в Париже не видел нигде. Все они с разной степенью ухожены и элегантны. Почти во всех есть особый парижский шик. Красивых не заметил (может быть, их держат во дворцах взаперти и не выпускают на улицы?), но изыс

канных женщин довольно много. Шарм в небрежной прическе, в какой-то детали туалета, в косыночке, в манере и жестах — сидеть, ходить, разговаривать, улыбаться (парижанки очень улыбчивы). И еще: днем не встретил ни одной женщины, ярко накрашенной и размалеванной, какие встречаются у нас. Косметика минимальная и совершенно не бросается в глаза, хотя Париж — настоящая столица косметики и парфюмерии.

Как строит свои отношения парижанка с мужчинами? На этот счет есть такой анекдот. Француженка приходит на свидание ровно в 8 часов.

В хорошем настроении, хорошо одета, с красиво уложенными волосами и радостно говорит: «Как я рада вас видеть!» Когда мужчина приглашает ее к себе, она отвечает, что ей интересно побывать у него в гостях. Когда приходят домой и он гасит свет, она говорит, что давно мечтала об этом интимном моменте. Когда свершилось то, что должно было свершиться, парижанка воркует: «Мне так было хорошо с тобой, милый…» Когда он утром просыпается, то видит записку: «Если я тебе доставила такое же удовольствие, какое ты мне, то позвони, и я тут же буду у тебя. Целую, любимый…»

Ну, а русская женщина? Нет, дальше рассказывать не буду. Сами знаете, как ведет себя наша уставшая и вечно раздраженная женщина.

И еще о Париже и парижанах

В Париже я поселился в маленькой гостинице «Парротель» на улице Пьера Семара. Обладая любознательностью историка, бросился к справочникам: кто такой? Ирония судьбы: Семар — один из основателей французской компартии. Улочка узкая, типично парижская, и напоминает каменистое ущелье: каждая проезжающая машина издает жуткий грохот, который не

прерывается даже ночью. Услышать Париж и умереть от шума?!

Итак, гостиница маленькая, номер крохотный, это вам не апартаменты какого-нибудь роскошного отеля

«Риц» на Вандомской площади, где любит, кстати, останавливаться кинозвезда Шарон Стоун. Всего в Париже гостиниц на любой вкус и любой кошелек более 1400, что подтверждает образ города как туристской Мекки: сюда стекаются туристы со всех стран мира.

На улицах и площадях народа много, но опять же меньше, чем в Москве. У нас настоящее толковище, беспрерывно снующая, спешащая, нервическая публика. В Париже люди (парижане и быстро офранцузива- ющиеся туристы) ведут себя иначе: степенно, чуть небрежно и вальяжно, с самоуважением и почти полным игнорированием соседа. Индивидуализм в чистом виде и никакого нашенского колхозного коллективизма. Самодостаточность и уверенность — вот, пожалуй, самые главные черты парижан, на мой взгляд.

Предвижу возмущенный вопрос: всем ли хорошо в Париже?! Конечно, не всем. И в Париже есть свои бомжи (по-парижски «клошары»), бедолаги,

алкоголики и аутсайдеры. Но я говорю об основной массе горожан, о среднем классе. За свою многовековую историю французы, и парижане в частности, научились уважать себя и любить, а главное — решать проблемы сами, не уповая на государство, на помощь извне. В них нет ни грана социального иждивенчества.

И еще одна черта: отсутствие жалоб. Встречаются две парижанки и после обязательных поцелуев начинают ворковать о делах насущных. Во время воркования повторяется многократно слово «сова».

— Как дела?

— Сова.

— Как дети?

— Сова.

— Как работа?

— Сова.

Любовь? Сова.

И так далее. «Сова» (собственно, да. va) означает «нормально». Коротко и динамично. Никаких излишних проблем. Прилетел в Москву, позвонил старому приятелю, и он вывалил на меня кучу своих забот: как себя чувствует, как лечится, что говорит врач, что он думает сам по этому поводу… И все серьезно, обстоятельно и со слезой. Нытье

— это на

ша, увы, национальная черта. И вообще мне кажется, что Россия — это страна Уныния.

Еще раз подчеркну, что Париж — не обетованный город, там у каждого круг своих проблем (они тоже мечутся в кольце забот «dodo-Metro-boulot», т. е. сон- метро-работа). Но парижане их не жуют, а стараются решать. А может, иногда и не решают, пускают на самотек: проблемы частично рассасываются сами собой.

Что еще поражает в Париже? Еще раз скажу: кафе.

Лично я оттягивался в кафе Сары Бернар. Знаменитая парижанка, актриса, сыгравшая роль Гамлета. За бокалом пива я сидел в кафе и вспоминал ее слова: «…Жизнь слишком коротка, даже для долгожителя. Жить стоит лишь для тех, кто хорошо вас знает и ценит и, когда судит, всегда оправдывает, для тех, к кому вы относитесь с той же нежностью и тем же снисхождением. Все остальное — это толпа, веселая или грустная, преданная или вероломная, от которой следует ждать лишь преходящих чувств, приятных или неприятных эмоций, которые не оставляют никакого следа».

Это тоже парижский менталитет…

Для кого Франция мать родная?

Говорить о парижанах можно долго (пригласите меня в кафе, и я буду говорить без умолку). Но ясно одно: они мало курят, не лузгают семечки и не напиваются вдрызг, хотя и выпивают один-другой бокал вина (о вине умолчу — отдельная поэма). Парижане скупы. Расчетливы (один сантим франк бережет). И элегантны. Парижский шарм присутствует почти во всех женщинах, хотя далеко не все они длинноноги и красивы (тут мы «впереди планеты всей»).

В Париже много цветных, в основном чернокожих. По крайней мере в метро (в транспорте для бедных и для туристов) каждый третий — чернокожий. Не случайно лидер националистов Ле Пен вывел 1 мая многотысячную толпу на улицы под лозунгом «Франция для французов!». К удивлению всех русских, правые пели «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...». Кто их научил и какое они хотели «с боем взять Приморье» — остается загадкой. Правда, 30 лет назад, аккурат в мае 1968 года, Париж бушевал, но бушевали в основном студенты и молодежь, подогретая взглядами Бакунина, Троцкого, Мао и Че Гевары. Тогда вышедшие на улицы

и все крушившие на них требовали радикальных перемен. Анализируя прошлое, аналитики говорят: мир хочет перемен, но еще не знает, каких. Сегодня вызов конформизму отцов не так силен, как 30 лет назад. Если протест и есть, то вяловатый, и, как говорится, слава Богу: нам хватает и собственной «рельсовой войны».

Достопримечательности и виды

Но хватит о политике. Не знаю, как у читателя, а у меня на нее аллергия (для меня Александр Минкин — неразгаданный феномен). Давайте лучше поговорим о красотах «столицы мира».

Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь – угоришь…

Кто это сказал? Некрасов. Родимый классик. «Угорали» в Париже бесчисленное множество русских людей и корифеев отечественной культуры: Герцен и Тургенев, Шаляпин и Бунин, философы Бердяев и Шестов, балерина Кшесинская и собирательница коллекций Тенишева, поэты и писатели Куприн, Ремизов, Замятин, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Тэффи, Ходасевич, художники Сомов и Бакст — перечислять мож-

но до бесконечности. Время от времени Париж захлестывали эмиграционные волны, последняя занесла сюда Виктора Некрасова, Александра Галича, Андрея Тарковского, Андрея Синявского… Это особая большая и грустная тема, и не будем ее касаться второпях.

Меня уносит океан
То к Петербургу, то к Парижу… –
тосковал Георгий Иванов.

Многие из русских эмигрантов нашли упокоение на

кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Оно под Парижем, в 30 км от города.

А пока на Эйфелевой башне горят цифры дней, оставшихся до XXI века. В один из моментов моего пребывания во Франции высвечивало ровное число: 600. Сейчас уже меньше: бег времени неумолим. Но я уверен, что и в XXI веке Париж останется одним из самых притягательных городов мира, будет чаровать своей красотой и изяществом. Париж удивительным образом соединяет прошлое, настоящее и будущее, причем далекое прошлое и нескорое будущее. Примеры -Нотр-Дам и Дефанс.

Можно только удивляться, но строительство со-

бора Парижской богоматери (Нотр-Дам) началось в 1163 году, а завершилось к 1345 году. Описывать собор, его порталы, интерьер, уникальные витражи не буду — об этом много написано. Отмечу лишь, что многие века каменные химеры Нотр-Дама погружены в раздумья о судьбах человечества, которое копошится внизу. Химеры не перестают удивляться, почему люди продолжают совершать одни и те же ошибки и никак не хотят извлекать уроки из истории. Ну а сам Нотр-Дам — шедевр из шедевров, особенно он хорош со стороны живописной набережной Монтебелло.

Еще одна седая древность Парижа — капелла Сент- Шапель, жемчужина готической архитектуры. Эта капелла построена по заказу Людовика IX для хранения Тернового венца, который король приобрел в Венеции в 1239 году. Капелла построена изысканно и оригинально. Пятнадцать ее витражных окон относятся к XIII веку и содержат 1134 сцены из библейских сюжетов. Краски яркие, пламенеющие, глаз оторвать невозможно.

Входной билет в Сент-Шапель стоит 32 франка. Я нахально предъявил свой журналистский билет, который кассирша, опять же цветная женщина, разглядывала и так и сяк, ничего не поняла, но на всякий случай выдала талончик с

обозначением «OF», то есть ноль франков.

Между стариной и настоящим стоит сравнительно молодая по возрасту Эйфелева башня, ставшая символом Парижа. На языке сухой статистики это 10 100 тонн металлических конструкций суммарной площадью 200 тыс. кв. метров, 60 тонн антикоррозийной краски, 35 миллионов болтов, два гектара защитных сеток…

Пожалуй, нет ни одного человека на земле, кто бы отнесся равнодушно к Эйфелевой башне. Одни восторгаются ею, другие возмущены (таких было множество в первое время ее существования), третьи тихо млеют, возносясь лифтом на ее вершину. Хотя можно и пешком — всего 1710 ступенек. Когда-то Владимир Маяковский фамильярно обратился к Эйфелевой башне:

Идемте! К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам –
Я вам достану визу!

Хорошо, что Эйфелева башня оказалась дамой рассудительной и не откликнулась на приглашение легкомысленного поэта, тем более вскоре решившего покинуть белый свет. Нет, она не ста-

ла вдовой в СССР, а осталась в Париже «пастушкой облаков», как называл ее Гийом Аполлинер.

Но пора сказать и о Дефансе, о новом районе Парижа, устремленном в XXI век. Его начали строить как деловой центр в 1955 году, сейчас он имеет законченный вид. Последнее сооружение — Большую арку (La Grande Arche) открыли 14 июля 1989 года. Дефанс — это скопище небоскребов самого разного вида и стиля, которые способны потрясти воображение каждого. Мечта и греза современных архитекторов и инженеров. Не знаю, будет ли когда-нибудь что-нибудь подобное Дефансу в Москве. Попытки есть, и есть даже отдельные небоскребы, но… Впрочем, не хочется обижать наших отцов-градостроителей.

Шумит Монмартр, волнуется Пигаль

Монмартр — самая высокая точка Парижа, громадный холм, на котором высится белая базилика Сакре- Кёр, строительство которой закончили в 1919 году, а воздвигнута была эта громада «во искупление грехов

Коммуны». Слева от собора начинает виться основная улочка художников со своими ответвлениями. Здесь все тесно спрессовано: кафе, сувенирные лавки, художники со своими моль-

бертами. Рисующие, гуляющие и позирующие. Смех, крики, музыка — неподражаемая атмосфера раскованности и живописности, только успевай делать фотоснимки, чем все практически и занимаются на Монмартре.

Спускаешься с Монмартрского холма пешком по ступенькам (почище одесских) или на фуникулере и попадаешь в страну развлечений и порока — на площади Бланш и Пигаль. Знаменитое кабаре «Мулен Руж», «Фоли-Бержер», ночной клуб «Локомотив» и, конечно, нынешние порнозаведения, различные залы и салоны, многочисленные отделения громадного сексо- дрома. Грязновато. Пахнет мочой и откровенным развратом. Ну и «девочки», конечно, с «мальчиками». «Девочки» подчас перезрелые, но опытные. Не здесь ли родилась любовь по-французски? Еще одно веселое местечко для тех, кто любит СПИД, — Булонский лес, тут уже «клубничка» в самому соку. Гомосексуалисты, лесбиянки, трансвеститы, транссексуалы, полный набор. Париж — это не только город музеев и старинной архитектуры, столица мировой моды и косметики, но и столица мирового порока.

Финальный аккорд

Но еще раз подчеркнем: Париж — не столько свет «красных фонарей», а прежде всего блеск роскошных Елисейских полей, проспекта людей богатых и состоятельных. Именно на Елисейских полях постигаешь истину, что Париж — это праздник, который никогда не кончается, вечный праздник. Возможно, для тех, кто там живет, но, увы, не для нас. Вот уже пора возвращаться назад. Родное Шереметьево. Эскалатор, конечно, не работает. Мы дома…

В парижских улочках Москвы
Никто не жарит мне каштаны… –

как писал поэт Андрей Корф (стихи приведены в последнем томе Самиздата). И далее:

И настроение не то,
И не увидишь там на даме
С такими чудными глазами
Такое старое пальто.

Нет, к черту скепсис, и не надо никакой грусти. Когда-то, когда я был маленький (хорошо звучит для седого дяденьки), я очень любил песню, кото-

рую пел Леонид Утесов:

Посмотри, посмотри, как прекрасен Париж,

И прислушайся к песне его…

Песня называлась «Под крышами Парижа». Ну что ж, иногда мечты сбываются: я побывал под крышами Парижа и даже видел их сверху, с холма Монмартра.

— Вы счастливы, господин Безелянский? — спрашиваю я самого себя. И отвечаю:

— Уи.

Это исключительно по-французски и означает короткое «да».

Ароматы парижских кафе

Есть разные подходы к еде и питью: можно солидно посидеть и круто погулять в ресторане, нажраться и набраться до отупения и икоты («Ты меня уважаешь?!»), а можно что-то перехватить на ходу, опрокинуть стаканчик, затолкать что-то в рот — и «бекицер», скоренько, быстренько помчаться далее по своим делам и заботам. В животе не урчит — и слава Богу!..

Но это крайности. А можно!.. Можно просто посидеть и понаслаждаться жизнью («Сафе diem!»

— «Лови день!» — говорили древние), с чувством, с толком, с расстановкой. Не торопясь. По глоточку растягивая удовольствие. Именно так можно прожить час-другой (а можно и полдня, и целый вечер) в парижском кафе. «Наши посетители покупают у нас время», — как говорит владелец модного кафе «Костес» в Лез-Аль.

О, парижские кафе!.. Представляете, вы приехали из Лиона, с праздника «Божоле» (такое же грандиозное событие во Франции, как Каннский кинофестиваль, велогонка «Тур де Франс» или открытый национальный чемпионат по теннису «Ролан Гаррос»). Утомленные, наполненные молодым вином сверх меры — и что, скажите, после этого делать в Париже? Идти в ресторан? В «Ле Дуайен» на Елисейские поля? Или в «Жюль Верн» на Эйфелевой башне?..

Нет уж, дудки! Никаких ресторанов! Только кафе! От души посидеть. Поразмыслить. Помечтать. Погрезить. Атмосфера парижских кафе весьма к этому располагает. Заказать что-то легкое — «Шабли» или «Монтраше», а можно и «Сансер» из долины Луары. А может быть, даже и не вина, а просто пива. И потягивать, потягивать до бесконечности, наблюдая, как исчезает белая пена. И как писал поэт Евгений Дворников:

Хочу не гульбища цыган,
а взрослой нежности кларнета,
эй, сочини, официант,
для нас коктейль
любви и лета.

Официант, гарсон, он все понимает — он дошлый. Тут же все исполнит и одарит улыбкой: «Месье, наслаждайтесь!..»

История утверждает, что число кафе во Франции, и в частности в Париже, постоянно сокращается, активно плодятся «фаст фуд» и прочие предприятия так называемого быстрого питания. Все это так, но кафе не сдаются. Они существуют, и их по-прежнему множество. Так много, что не знаешь, какое именно выбрать. То ли пойти в «Пигаль» на бульвар Клиши, то ли взобраться на Монмартр на знаменитую площадь Художников и посидеть в кафе «У мамаши Катрин»... Или отправиться в «Прокоп». В «Бертийон». В «Кафе-де-ла- Гар»... Все кафе чем-нибудь знамениты, все хороши по-своему, у каждого свой шарм. И шик, конечно, Париж ведь город всемирного шика!..

Но если вы склонны к истории и литературе, а может быть, и сами пишете, если не романы, то по крайней мере финансовые отчеты, — тогда

рекомендую направить свои стопы на площадь Одеон и занять столик в кафе «Вольтер» («Cafe Voltaire»).

Садитесь поудобней. Сделайте заказ — и потягивайте (вино, пиво, кофе — какая разница!), и погружайтесь в воспоминания-дрему. В «Вольтере» есть что и кого вспомнить. Тут сиживал сам Мари Франсуа Аруэ, более известный в мире под именем Вольтер. Писатель, поэт, философ, один из величайших гениев в истории человечества. Он частенько приходил в это самое кафе и, саркастически улыбаясь, ругал короля, аристократию, духовенство. Ругать власть имущих — извечная забава всех людей на свете. Только одни делают это грубо, а Вольтер это исполнял остроумно и едко. А иногда в благодушном состоянии любил давать советы: «Больше развлекайтесь, — писал он в письме от 14 марта 1754 года одному из своих знакомых. — Пейте хорошее вино и гоните всякие огорчения; забудьте ваших презренных врагов, они враги также и прекрасной природы и истинных гениев». Вполне ве

роятно, что это письмо, как и многие другие, Вольтер писал именно в кафе.

Другой завсегдатай этого кафе — Дени Дидро, философ, писатель, энциклопедист, теоретик

искусства. Дидро был женат, но это не мешало ему любить другую женщину — Софи Волан. За столиком в кафе Дидро писал ей письма. Дотошные историки даже уточнили их количество: 553! Дидро и Софи то сближались, то расставались, это были мучительные отношения, доставлявшие Дидро сердечную муку, и однажды он ей написал: «Странная вещь — жизнь, странная вещь — человек, странная вещь — любовь…»

Над этими странностями хорошо задуматься именно в парижском кафе. Мимо течет река жизни, снуют люди, а вы остаетесь неподвижным, как на острове, со своим бокалом и своими размышлениями.

Вольтер и Дидро жили в XVIII веке, а позднее сюда, в кафе «Вольтер», приходили французские поэты Поль Верлен и Стефан Малларме. Что делали? Конечно, пили, особенно Верлен, он вообще, по выражению Ренара, был похож на спившегося бога. Верлен — большой любитель вина и женщин. «Я не люблю тебя одетой», — признавался он. А еще он писал:

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой.

Иди себе путем разврата,
Но как лилеют ароматы
От этой плоти, Боже мой!..

Парижские кофейни — это непременно запахи не только кофе и вина, но и «ароматы плоти». «И дивной шеи обаянье, и милых плеч очарованье, и волхвование колен…», — как писал все тот же поэт.

В сфере «волхвования колен» и всего прочего специалистами были два знаменитых американца — Эрнест Хемингуэй и Фрэнсис Скотг Фицджеральд, одно время жившие в Париже. У Фицджеральда, автора «Ночь нежна», были определенные трудности в интимной жизни. Его любимая женщина Зельда Сойер отмечала, что у Скотта серьезные проблемы с «размером некой части тела». Фицджеральд, переживая по этому

поводу, бросился за консультацией к своему другу Хемингуэю. Тот заверил его, что с размером у него все в порядке, и для доказательства отвел Фицджеральда в Лувр, к античным статуям. А после Лувра свел приятеля с проституткой Лотти, та мгновенно поняла, в чем суть, и сказала. «Дело не в размере, дело — в технике любовного акта».

Технику любви Хемингуэй преподавал Фицдже-

ральду именно в кафе «Вольтер», используя для наглядности сигару и пепельницу. В отличие от своего друга Эрнест Хемингуэй был большой дока в вопросах общения с женщинами. «Папа Хэм» был четыре раза женат, сумел обольстить двух итальянских графинь, одну греческую принцессу и имел целый гарем негритянок. Хотя, конечно, и у маэстро случались проколы. Его третья жена Марта Джеллхорн считала, что у Хемингуэя лучше получается за письменным столом, чем в постели. Так или иначе, вот подходящая тема для беседы в кафе «Вольтер».

Но если «Вольтер» уже вам надоел и вы жаждете разнообразия, тогда махнем в «Дё маго» («Les Deux Magots») — еще одно прибежище литераторов и интеллектуалов. Когда-то в нем сиживал, пил и читал стихи Артюр Рембо:

> *И сладко в сумерках бродить мне голубых,*
>
> *И ночь меня зовет, как женщина в объятья…*

Раз зовет, то надо идти: какие могут быть сомненья… А еще в «Дё маго» заходил Жан-Поль Сартр. «Закажет один бокал вина — и целый день сидит, пишет, пишет!» — в некотором удивлении

говорил хозяин кафе. И что писал? Свой роман «Тошнота»?..

Сартр облюбовал также кафе «Флор» на бульваре Сен-Жермен. Сюда он приходил с Симоной де Бовуар. Сидели. Пили. Писали. И бурно что-то обсуждали — кафе «Флор» стало для «отца французского экзистенциализма» и «крестной матери мирового феминизма» своеобразной штаб-квартирой. В своем романе «The Second Sex» (иногда его переводят как «Второй пол») Симона утверждала: «Ничто не родится, пока не появится женщина».

Женщин было много в жизни и Сартра, и Симоны (да, да, отчасти и лесбиянка).

— Больше всего я люблю начало… — признавался герой книги «Гостья» Симоны де Бовуар.

— Лично мне не интересен роман, который в будущем ничего не сулит, — отвечала ему героиня.

Жизнь супругов Сартра и Бовуар в реальности, как и в их книгах, была бурной и драматической и продолжалась в течение 50-ти лет. Значительная доля этого времени прошла в парижских кафе.

Ах, эти замечательные кафешки с их ароматом и шармом… Сидя за столиком, есть что вспомнить и о чем поразмыслить. Немного франков. Но сколько удовольствия!..

Облака над кладбищем

Посещение кладбищ — увы, часть туристических программ. В Москве приезжие гости, в основном из разных частей России, толпой ходят по Ваганькову. Высоцкий, Миронов, Есенин… Ходят, крутят головой по сторонам, жуя жвачку и весело переговариваясь… В Париже русских туристов везут за 30 км по южной автостраде № 6 на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Там наши ходят благоговейно и тихо, подавленные созвездием имен знаменитых людей, умерших вдали от родины.

Об истории Сент-Женевьев-де-Буа в прессе написано немало, поэтому не хочу повторяться, отмечу лишь мать-основательницу княгиню Веру Кирилловну Мещерскую (1876-1949), именно она основала под Парижем дом престарелых для русских эмигрантов. Здесь упокоение от земных тягот нашла и она сама.

Маленькая церковь Успения Божией Матери (освящена 14 октября 1939 года). Густая череда могил, плит и памятников (земля дорога, и поэтому останки покоятся близко друг от друга, почти как в строю). Никаких оград и загородок. Деревьев не так много. Общее открытое пространство печали

и скорби.

Сразу у входа черный крест. Последняя «награда» писателя Владимира Максимова, эмигранта и диссидента последней волны. Эти эмигрантские волны — первая, вторая, третья — встретились тут и утихли навеки. Лишь легкий бриз воспоминаний. Одними из первых уехавших из-за революционной бури были Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Чекисты с Лубянки вынашивали планы убрать Мережковского, автора «Грядущего Хама», но не успели (не хватило расторопности?), и Дмитрий Сергеевич умер естественной смертью 9 декабря 1941 года. Вслед за ним последовала и Зинаида Николаевна.

Освещена последняя сосна.
Над нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченый – не повторится…

Не повторится день. Не повторится жизнь Зинаиды Гиппиус. Впрочем, если верить в реинкарнацию, то повторится, но это будет совсем иная жизнь. А в этой, как записывала Гиппиус 7 мая 1918 года: «Немыслимо, невозможно — разобраться даже примитивным образом в нашем хаосе…»

Надгробие Мережковских в форме русской церкви с голубым куполом сделал художник Александр Бенуа. В центре плиты изображение христианской Троицы.

Почти каждая третья могила на Сент-Женевьев-де- Буа — историческая. Один из организаторов убийства Григория Распутина — Феликс Юсупов… Генералы белого движения… Зиновий Пешков, брат Якова Свердлова и приемный сын Максима Горького, человек легендарной судьбы: бравый военный, легионер, работник штабов де Голля и Чан Кайши, генерал французской армии… Блистательные художники Константин Сомов, Мстислав Добужинский и Константин Коровин… Прославленные балерины Матильда Кшесинская, Ольга Преображенская, Вера Трефило- ва… Писатели Борис Зайцев и Иван Шмелев…

Одна из святынь кладбища — могила Ивана Бунина. У подножия креста синие цветочки и почему-то один красненький. Невольно вспоминаются стихи Ивана Алексеевича:

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку…

Да, цветут цветы, порхают бабочки, но нет Ивана Алексеевича Бунина. На краю могильной плиты тарелочка, полная монет. Что это — помощь для ухода за могилой или сувениры туристов?..

А вот пристанище писателей — наших недавних современников: Некрасов, Синявский, Галич… Бесстрашный Виктор Некрасов, который первым бросил упрек властям и указал на их пороки и глухоту, за что и пострадал… Андрей Синявский, он же Абрам Терц, нещадно изруганный патриотами в свое время за «Прогулки с Пушкиным»… А тем временем -

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!..

Это Александр Галич. Талантливейший человек. А как его притесняли и унижали! Сегодня, взирая на прошлое, «смотрим и видим, что вы-

шла ошибка…», как пел Галич. Но вся советская империя была построена на ошибках и костях подданных.

Могила Андрея Тарковского. Вот уж воистину мы не знаем своей судьбы. Думал ли я о будущем, когда в 7-м классе московской 554-й школы, сидя на одной парте с Андреем, «баловался» сочинительством стихов, и мы оба выводили: «Проходят дни густой лиловой тенью»… Памятник Андрею Арсеньевичу стоит солидный, а вначале был совсем скромный крест, возле которого лежало зеркало. То самое зеркало, в котором Тарковский пытался увидеть прошлое и уловить свет истины.

Еще одна примечательная могила — Рудольфа Ну- реева. Гений балета тяготел к роскоши, она и зафиксирована в его надгробии. Итальянский скульптор Энцио Фиджерио выложил из многоцветных камней богатый восточный ковер, накинутый на дорожный баул. Символ роскоши и вечной дороги.

Последнее пристанище на Сент-Женевьев-де-Буа многих знаменитостей. Просветленный печалью, я вместе с другими русскими туристами возвращаюсь в Париж. А услужливая писательская память не дает мне покоя:

За все, за все спасибо. За войну,

За революцию и за изгнанье,

За равнодушно-светлую страну,

Где мы теперь «влачим существованье»…

Нет доли сладостней – все потерять,

Нет радостней судьбы – скитальцем стать,

И никогда ты не был к Богу ближе,

Чем здесь, устав скучать, устав дышать,

Без сил, без денег, без любви,

В Париже.

Кто написал эти строки? Еще один русский скиталец, поэт Георгий Адамович. А где он нашел свой последний приют? В Ницце, на другом русском кладбище…

Мозаика

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Александр Блок

Граф Дракула

Люди обожают всякие тайны. Они будоражат воображение. Даже пьянят. Но есть тайны сиюминутные, так сказать, сегодняшние. Они появились, заморочили всем головы, а потом канули в вечность, и о них забыли. К примеру, Моники у президентов находились всегда. Для истории такой секрет — «пыль на ветру». А есть секреты, завораживающие не одно поколение. Такова легенда о графе Дракуле. Два года тому назад исполнилось как раз 100 лет со дня своеобразной канонизации князя Тьмы, как часто называют Дракулу. Его канонизатором оказался 50-летний ирландский писатель Брэм (настоящее имя Абрахам) Стокер. Чиновник, журналист, секретарь знаменитого актера и режиссера Генри Ирвинга, он ничем особенно не выделятся. Но, сочинив роман «Дракула» и выпустив его в мае 1897 года, Брэм Стокер попал в десятку.

Эта леденящая душу и кровь история очень пришлась по вкусу читающей публике. XIX век подходил к концу, впереди маячил таинственный XX, и у многих были апокалипсические

настроения, вроде тех, которые сейчас у нас. Грядет, мол, Армагеддон. Появится Антихрист. Сатана. Дьявол. В этот зловещий рад идеально вписывался вампир граф Дракула (граф, князь — его называют то так, то эдак). Жуткий злодей-кровопийца стал сразу всеобщим любимцем. Тут все дело в извечной человеческой тяге ко всему страшному и непонятному, что активизирует пласты подсознания. «Страшно, аж жуть», — как пел Владимир Высоцкий. «Смертельно манит», — как выразился писатель Борис Пильняк.

Итак, роман «Дракула» стал бестселлером на многие десятилетия. Хотя начало его весьма невинное и прозаическое:

«Выехал из Мюнхена 1 мая в 8 часов 35 минут и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен

был приехать в 6 часов 46 минут, но поезд опоздал на час. Будапешт, кажется, удивительно красивый город…»

Автор приехал в Будапешт, а потом отправился в Трансильванию, в родные места Дракулы? И да, и нет. Здесь начинается мифология. Одни исследователи (дра- куловеды) считают, что Брэм Стокер сочинил свой роман, не выезжая из Лондона, и идею романа подсказал ему находившийся в

Англии профессор Бухарестского университета А. Вамбери. Другие знатоки утверждают, что Стокер придумал роман в Будапеште. Но все сходятся на том, что писатель до родины Дракулы никак не доехал и никогда не бывал в замке Бран, в 200 км от Бухареста.

Румынский историк Мирча Догару, автор монографии о Дракуле, излагает свою версию: «Брэм Стокер искал подходящие декорации для своей сказки о вампире, чтобы запустить роман на европейский рынок. Ирландец слышал о графине Эстерхази, купавшейся в крови крепостных крестьян, и поэтому приехал в Будапешт. Там один венгерский профессор подбросил Стокеру легенду о Дракуле, который и стал героем его бестселлера. Сделано это было с совершенно определенной целью: румынское население Трансильвании в тот период настойчиво требовало политических прав, и Европа начала задаваться вопросом: кто же такие румыны? И тогда Будапешт сделал все, чтобы представить их в образе диких и кровожадных людей».

Выходит, по Мирче Догару, Дракула — это всего лишь политический миф с целью опорочить отважного полководца и борца против турок-завоевателей Влада Цепеша (именно он был

прототипом Дракулы). А что говорят старинные предания? Влад Цепеш родился около 1430 года в городе Сигишоара. Это был красавец с длинными вьющимися волосами и зелеными гипнотическими глазами. Излюбленным развлечением графа, судя по средневековым гравюрам, было сажать пленников на кол и приступать к трапезе, наблюдая за тем, как они корчатся в мучениях. Однажды князь Валахии Влад IV посадил на кол несколько тысяч турецких воинов, за что получил прозвище «цепеш», что по-ру

мынски означает «кол». Найдены документы, удостоверяющие, что этот отважный и вместе с тем кровожадный князь подписывался как «Влад Дракула». Слово «Дракула» этимологически происходит от искаженного греческого «дракон». Короче, дракон, дьявол, черт. Влад IV, он же Дракула, правил Трансильванией и Молдавией с 1455 по 1462 год. За это время он истребил свыше 100 тысяч человек. Каков размах!

Но не один князь Дракула питал соками, а точнее, кровью, роман Брэма Стокера. Писатель изучил множество легенд о всевозможных вурдалаках и упырях. В Европу эти истории пришли из Индии, Китая, Тибета. Плюс различные документы о фактах вампиризма на Балканах, вызванных

эпидемией сибирской язвы и чумы. Больных преследовали кошмары-галлюцинации, тела их вспухали, источали зловоние, проступала кровь и т. д. Крестьяне Румынии и Венгрии называли переносчиков чумы «носферату» и верили, что они встают из могил и пьют кровь родных, особенно самоубийцы и незаконные дети. Словом, вампиры, вурдалаки и «носферату» жили в народном сознании. Вот все эти страхи и комплексы вместе с народными сказаниями и легендами и вкупе с воеводой Владом Цепешем собрал воедино Брэм Стокер и создал из этого «варева» образ графа Дракулы. Его портрет таков: «Белые зубы… Имеет влияние на крыс… Может порождать в других людях злые помыслы и изгонять праведные намерения… В его загородном доме нет зеркал, освещение устроено так, чтобы не было теней… Никогда не ест и не пьет. Не переступает через порог. Видит в темноте…»

Прошло сто лет. И что же? Дракула — любимец публики. Он не исчезает с витрин книжных магазинов и киноафиш. Только на английском языке о нем написано более 150 романов и выпущено (страшно сказать) около тысячи кинофильмов и телесериалов. Отметим лишь две замечательные ленты: фильм Фридриха Мурнау «Носферату,

симфония ужаса» и картину Фрэнсиса Копполы «Дракула» с Гэри Олдменом в главной роли.

Дракула в романах и в фильмах разный: молодой и старый, прекрасный и безобразный, жестокий и чуточ-

ку милосердный, но неизменны признаки вампира- аристократа: он не отражается в зеркалах, в обществе всегда одет изысканно, худощав и слегка горбится, уши заостренные, губы толстые и чувственные, скрывающие клыки, ногти очень длинные. И еще запах. Запах вампира. Хотя последнее нередко игнорируется, ибо в роли вампиров теперь часто появляются женщины. Очаровательные вампирши, и, конечно, с хорошим пар- фюмным запахом. Красота и запах притягивают. Объятия. Укус в шею — и вампир (или вампирша) ликует.

Как ликвидировать вампира? Нужно вскрыть могилу, одним ударом вбить в сердце осиновый кол. Есть и совсем простенький способ: заставить вампира встретить восход солнца — князь тьмы не выносит солнечных лучей. I ак что приемы борьбы с вампирами все- таки существуют, но, увы, племя их неистребимо, они по-прежнему среди людей, сея панику, ужас и вызывая одновременно сладострастное чувство тайны, чего-то

жуткого и непостижимого.

Ныне Дракула — это целая индустрия. Раскрученная торговая марка. Экскурсии по местам Дракулы: замок Бран, деревня Снагов под Бухарестом, где, по преданиям, была похоронена голова Дракулы, монастырь на озере Снагов и т. д. Можно даже не ездить далеко, а просто посидеть в ночном бухарестском клубе «Пещера вампира», хлебнуть водки «Дракулов спирит» и маленькими глоточками тянуть малиновый ликер «Дракула». А еще марки, брелоки, майки и прочие сувениры, связанные с Дракулой. Граф Дракула стал как бы оборотной стороной Джоконды. Хотите красоты — Джоконда, хотите ужаса и страха — вампир Дракула. На все вкусы.

При социализме в Румынии Дракулу старались не вспоминать: напрашивались опасные параллели с вождем Николае Чаушеску. Но вот в 1983 году родной брат генсека историк Илие Чаушеску выдвинул идею: заставить Дракулу работать не в ущерб национальному имиджу, а во благо, мол, он «великий муж прошлого», «собиратель земель», «рыцарь без страха и упрека» и т. д. Произошло превращение вампира в героя.

Ирландия, наблюдая за раскруткой маховика Драку

лы в Румынии, тоже решила поиметь свои дивиденды со славного имени, как-никак, а роман «Дракула» написал ирландец, а не какой-то там румын. «Нет ни малейших сомнений, что Дракула — ирландец. Никакая другая страна в мире не имеет права претендовать на него», — заявили Питер Тремэйн и Питер Хэйниг в книге «Живой мертвец: легенда Брэма Стокера и Дракулы», которая вышла в Дублине. Учреждены «Общество Брэма Стокера» и «Международная летняя школа Брэма Стокера». Ирландцы утверждают, что, «несмотря на кровавый трансильванский фон романа, можно без колебаний утверждать: Дракула — ирландец».

Естественно, попытка ирландцев монополизировать Дракулу вызвала бурю негодования у румын. Газеты запестрели заголовками: «Подлый выпад против Румынии», «Ирландцы хотят украсть нашего Дракулу». «Мы многое отдали, но теперь не уступим, — грозно писал летом 1997 года «Журналул национал». — Мы будем бороться до последней капли крови, но Дракулу не отдадим!» Короче, знаменитое: руки прочь…

На мой взгляд, спор беспочвен!.. Дракула — явление космополитическое. Дракулы есть везде. В России особенно. Ибо кто высасывает ежегодно

кошельки россиян, разве не вампир Дракула, которому мало, видно, человеческой крови и он принялся за российские финансы?..

Ах, этот граф Дракула, популярный кровопийца, вампир-соблазнитель! А кроме него есть и другие монстры — Франкенштейн, Фантомас и Бог знает кто еще. И можно только удивляться, что при всей русской удали наш Стенька Разин способен лишь бросить за борт княжну — вместо того чтобы впиться в нежную женскую шею. Хотя с лихвой свое взял маньяк Чикатило. Но это уже совсем другая история. Другие дурно пахнущие секреты. Хватит нам, пожалуй, одного графа Дракулы. Книжного и экранного. Чужого.

Следы Джека Потрошителя

Психологи и философы утверждают, что человеческая натура неизменна. Все меняется в мире, кроме человека. Однако с таким утверждением хочется поспорить. СМИ и особенно ТВ к концу XX века сделали свое черное дело — человек стал более циничным, более равнодушным к бедам и ужасам, особенно когда они не касаются его лично. Так, всего лишь экранная картинка или печатный рассказ. Трупы ничью кровь уже не леденят, от их вида никто не падает в обморок. Ужасное стало привычным.

А вот столетие с лишком назад, летом — осенью 1888 года весь Лондон, а с ним вся Англия цепенели от ужаса и страха. И тогда, конечно, убивали, как сегодня, но вот с серийными убийствами лондонцы столкнулись впервые. Это была новинка с кошмаром пополам. Семь убийств подряд, первое — 31 августа, седьмое — 9 ноября. Первой жертвой в Уайтчепеле, бедном районе Лондона, стала 40-летняя проститутка Мэри Энн Николс по прозвищу Полли. Ее буквально раскромсали: резаная рана шеи слева направо — насквозь

через дыхательное горло, пищевод и спинной мозг; колотые раны в области половых органов; вспоротый живот от правого нижнего ребра до желудка.

Второй 8 сентября в луже крови нашли «черную Энни», тоже проститутку. 30 сентября последовало двойное убийство — и пошло-поехало. У одной из жертв — Мэри Келли — отсутствовали сердце, почки и печень, т. е. они были вырезаны злодеем. Естественно, все эти кровавые преступления были эффектнейшим образом расписаны газетами. Кровавую сенсацию раздул и сам убийца, назвавший себя Джеком Потрошителем: он посылал в газеты, и в частности в популярную «Таймс», свои послания-описания убийств, причем написанные в цинично-издевательском стиле. Ночные убийства и газетные публикации довели лондонцев почти до истерии. От одного лишь упоминания о Джеке Потрошителе все вздрагивали от страха. Полиция была поставлена на ноги. Убийцу искали, но так и не нашли, и шеф

лондонской полиции сэр Чарлз Уоррен был вынужден подать в отставку (нераскрытое дело для сыщика — несмываемое пятно на профессиональном мундире, но это, естественно, в Англии, а не у нас).

По каким признакам искала полиция убийцу? Мужчин с пятнами крови на одежде, мужчин с кожаными фартуками, мужчин со странным взглядом и тех, кто говорил с иностранным акцентом (по некоторым предположениям, это сделал не британец).

Одного перепачканного кровью бродягу, уверявшего, что его покусала какая-то женщина, отправили в сумасшедший дом. Поиски среди бездомных и отверженных не дали результата. Также безрезультатным был поиск и среди медиков (убийца явно владел знанием анатомии человеческого тела). Один из них — врач Томас Нил Крим — даже признался, что убивал проституток, но… с помощью стрихнина. Были подозреваемые и среди аристократов. Так, под подозрение попали отец будущего премьера Англии сэр Рандольф Черчилль и даже племянник королевы Виктории, герцог Кларенс — герцог Эдди, как его звали в народе. Этот герцог таинственно исчезал по ночам из дворца и отправлялся к проституткам. Однако доказать, что убивал именно он, полиция не смогла.

В Вене подозрение пало на колбасника Алоиза Се- мереди, который все время совершал какие-то сомнительные заграничные поездки. Может

статься, бывал и в Лондоне, в Уайтчепеле? Алоиз Семереди все время увиливал от прямого ответа. Его поместили в сумасшедший дом, где он и повесился. Может, за ним водились какие-то другие грехи?..

Вся Англия гадала, кто бы это мог быть. Некоторые, под впечатлением рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг», высказывали экзотическое предположение, что это совершила некая дрессированная обезьяна. Многие считали, что убийства совершала женщина. Этой версии придерживался и Артур Конан Дойл. Кстати, известный писатель-детективщик, маэстро этого жанра, не стал почему-то разрабатывать тему Джека Потрошителя. Однако у других фантазия на сей счет разыгрывалась вовсю. Одна женщина в Мельбурне, в далекой от Лондона Австралии, пыталась выдать за Джека Потрошителя мужчину, которо-

го она любила и который пренебрег ею. Ах так, тогда получай, будешь Джеком Потрошителем!..

Короче, эта давняя история про первого (из прославившихся) серийного убийцу породила массу версий, предположений, слухов и легенд. На основе этого случая возникла даже целая область знания — «рипперологи- гия» (наука о

жестоких убийствах). Что касается книг и фильмов, то их насчитывается десятки. Одна из книг, целое академическое исследование — «Джек Потрошитель от «А» до «Я» — принадлежит сразу трем авторам: Полу Беггу, Мартину Фидо и Киту Скиннеру. Разумеется, во всех книгах сделана попытка выяснить: кто же на самом деле был первым серийным убийцей в мире? Хотя, вполне возможно, такие истории случались и в седой древности. Но тем не менее — кто?

Автор книги «Кровавая правда» Мелвин Харрис утверждает, что им был доктор Рослин Д'Онстон (он же Роберт Донстон Стефенсон). Он родился в Йоркшире в добропорядочной семье, но с детства выделялся своими странными поступками. В дальнейшем он сбежал в Мюнхен, где изучал медицину, служил штаб-лекарем в армии Гарибальди. Увлекался магией (не отсюда ли магическое число семь -• семь ритуальных убийств?). Чтобы отвести от себя подозрение, кровавый доктор сам писал газетные статьи об охоте за убийцей. И в конечном счете остался в стороне. Лишь спустя 100 лет литератор Мелвин Харрис назвал доктора Д'Онстона убийцей.

В 1993 году, спустя 105 лет после кровавых событий в Уайтчепеле, были найдены и опубли-

кованы дневники некоего Джеймса Мейбрика. 64 страницы записей гусиным пером вроде бы свидетельствуют, что злодейства совершал именно Джеймс Мейбрик. «Все шлюхи заплатят за мою боль. Перед тем как меня прикончат, вся Англия будет знать то имя, которое я выбрал для себя…» То есть Джек Потрошитель! И еще: «О, какие деяния я совершу! Если бы кто-нибудь подозревал, на что я способен… Я возьму первую попавшуюся проститутку и покажу ей, что такое истинный ад…» И далее, после содеянного: «Я ничего не оставил от шлюхи, ничего».

Ну как, не леденит кровь подобное упоение садиста? Джеймса Мейбрика полиция не арестовала (умело скрывался?), но на следующий год после похождений, а

точнее, кромсаний Джека Потрошителя он и сам отправился на тот свет. Жене надоели его домашнее буйство и частые посещения борделей, и она его отравила. Так супруга Джеймса Мейбрика, миссис Флоренс, стала судьей и палачом одновременно. Ну а записи о «подвигах» обнаружили в их ливерпульском доме спустя сто лет.

Верить этому или нет? Трудно ответить, тем более что в 1998 году вышла еще одна книга, «По следам уайтчепельских убийств», которую напи-

сал вышедший на пенсию главный следователь Скотленд-Ярда Джон Пликмер. Он поднял старые архивы, все проанализировал, все сопоставил и пришел к выводу, что Джеком Потрошителем был русский врач, живший в Лондоне, Александр Педаченко, более известный под прозвищем Острог. Острог страдал сексуальными и маниакальными психическими отклонениями и был женоненавистником. Убивал он. К тому же он обладал профессиональным знанием анатомии и хирургическим опытом. «Собранные доказательства, — утверждает бывший главный следователь Скотленд-Ярда Пликмер, — устраняют все сомнения в том, что Джек Потрошитель — это Острог».

И какова его дальнейшая судьба? Покинув Англию, он всплыл на Украине и оказался замешанным в убийстве двух женщин. Улики были явными, и Александр Педаченко, Сашка Потрошитель, не дожидаясь предъявления обвинения в жестоком убийстве, покончил с собой.

Итак, спустя 100 лет есть три главных претендента на роль маньяка-убийцы. Так кто же все-таки? В конце концов, не так уж и важно, тем более наказывать уже поздно, да и все они были наказаны по-своему. Важно другое: XX век породил не один десяток Джеков Потрошите-

лей, достаточно вспомнить нашего Чикатило и ему подобных. Ясно и другое: жестокие убийства порождены неправильным воспитанием, сексуальным насилием в детстве, исковерканной человеческой судьбой на самой ранней ее стадии.

И еще: каждый день экраны телевизоров заполняют триллеры, а на книжных лотках и прилавках появляются кровавые обложки. Кажется, в новый век мы так и войдем под ручку с Джеком Потрошителем.

Потрошат людей. Потрошат кошельки. А мы остаемся равнодушно-спокойными. Вот в чем ужас.

Депутат Госдумы в объятиях аферистки

Типология людей разнообразна. Есть в этой шкале и такой тип, как авантюрист, человек с особым складом характера. Вечный непоседа. Вечный предприниматель. Вечно жаждущий успеха и денег, не гнушающийся при этом никакими средствами. Цель оправдывает средства — вот философия авантюриста, а то и просто темного дельца. Эти люди постоянно рискуют, преступая закон. Сама опасность щекочет им нервы, риск для них сродни кайфу.

Среди авантюристов встречаются и женщины. Одна из них, безусловно, Мата Хари. Об этой известной шпионке написано множество книг и статей. А вот о другой авантюристке — Марии Пуаре — известно мало. До революции дело артистки Марии Пуаре прогремело на всю Россию, а ныне оно основательно забыто. Давайте вспомним его. Но прежде расскажем о самой «героине».

По своим родовым корням Мария Пуаре француженка. Родилась она в 1864 году. Ее отец,

преподаватель гимнастики и фехтования, был обременен большим семейством и, соответственно, нуждой. Он быстро сплавил 16-летнюю Марию замуж. Брак оказался неудачным. Муж старый, нудный, противный, а Мария — юная, живая, увлекающаяся женщина. У нее рано проявились артистические способности: она любила петь, танцевать и всегда кого-то представляла. Инженера Свешникова, ее мужа, все это крайне раздражало, и он решил обуздать свою чересчур энергичную и творческую супругу, поместив ее в психиатрическую больницу, откуда ее вызволил известный антрепренер Михаил Лентовский, прослышавший о талантах молодой женщины.

Лентовский взял Марию в свою труппу под ее девичьей фамилией. Действительно, Мария Свешникова — звучит скучно, Мария Пуаре — куда как звучно и привлекательно. Мария Пуаре выступала у Лентов- ского в качестве опереточной травести: пела и танце

вала. Одно из успешных ее выступлений — в модной оперетте 80-х годов «Курочка — золотые яйца».

Шансонетки, канкан — этого оказалось мало для кипучей творческой натуры Марии Пуаре, и она начинает выступать как поэтесса, как автор

текстов и музыки романсов, которые мгновенно становились популярными. К примеру:

Я ехала домой, душа была полна
Неясным для самой каким-то новым счастьем.
Казалось мне, что все с таким участьем,
С такою ласкою глядели на меня…

А другой романс, «Лебединая песня», в исполнении Вари Паниной оказался вообще, выражаясь современным языком, хитом нескольких сезонов:

Я грущу. Если можешь понять
Мою душу доверчиво-нежную,
Приходи ты со мной попенять
На судьбу мою странно-мятежную…

Слова про «странно-мятежную судьбу» пророчески точны. Судьба Марии оказалась действительно причудливой и драматической. При странных обстоятельствах погибло несколько ее поклонников. Писатель, драматург и меценат Алексей Суворин пригласил Пуаре в Александринский театр, но казенная драма была слишком пресна

и скучна для огненной актрисы. Она мечется из театра в театр и даже сделала попытку открыть в 1907 году в Петербурге свой оригинальный театр пантомимы и шаржа, но из этой затеи ничего не получилось.

Писатель Дмитрий Григорович признавался: «Не могу понять, что за женщина Пуаре. Вчера обедал с приятелем и с ней. То она разрыдается, то вскочит на стол и кричит: “Шампанского!”»

Действительно, Мария Пуаре пребывает в состоянии вечной неудовлетворенности, ее одолевают идеи, она перманентно находится в поиске: то Москва, то Париж, то Петербург, то провинция. Театры, гастроли, скандальные приключения никак не могут насытить ее беспокойную натуру.

А тут незаметно подкрался возраст. Поэтессе, артистке и певице уже под пятьдесят. Она уже не Мари, не Мариэтгочка, а Мария Яковлевна. Солидная женщина.

Матрона, хотя с огнем в груди и с неуемными амбициями в голове. Пора устроить свою судьбу и найти тихую и достойную гавань. К этому времени ее муж, инженер Свешников, умер, и Мария Пуаре свободна как птица.

Мария Яковлевна положила глаз на графа Алексея Анатольевича Орлова-Давыдова — члена

Государственной думы, уездного предводителя дворянства, помещика, владельца крупных земельных угодий с состоянием в 20 миллионов рублей. Финансовый туз. Лакомый кусок. Та самая вожделенная гавань…

Все прекрасно, кроме двух обстоятельств: Орлов- Давыдов женат, у него трое детей, и он чрезвычайно скуп. Но не беда. Все преодолимо. Главное — есть цель. И Мария Яковлевна бросается в настоящую авантюру: отбить депутата и графа у жены, женить его на себе и обрести материальный достаток и статус графини. И началась охота на графа…

Она знакомится с ним в Москве в гостинице «На- циональ», где оба снимали номера. Несколько жгучих взглядов, обольстительных улыбок, и вот уже Орлов-Давыдов приглашает Пуаре в театр. Возвратившись из театра, граф проводил свою новую знакомую до номера и отправился в свой — переживать и вспоминать необыкновенно привлекательную женщину, как вдруг стук в дверь. Появляется она сама:

— Алексей Анатольевич, простите великодушно, я никак не могу справиться: не могли бы вы помочь расстегнуть мой корсет?

Граф негнущимися пальцами борется с крюч-

ками и одновременно вдыхает аромат женского тела. В голове проносится: что будет дальше?.. А дальше Мария Пуаре, поблагодарив графа, спокойно отправляется в свой номер. Таков сценарий: в первом акте только приманка, и ничего более.

Утром еще одна:

— Вы знаете, граф, я всю ночь не спала… Я думала о вас… Я написала вам стихи…

И в руках Орлова-Давыдова оказывается надушенный листок бумаги с неровно бегущими строчками. Какими? Мы этого не знаем, возможно, что-то вроде стихов Мирры Лохвицкой, современницы Пуаре:

Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,

Как нарцисс, к волне склоненный, – блеск и холод

сонных вод.

Я люблю тебя, как звезды любят месяц золотой,

Как поэт – свое созданье, вознесенное мечтой…

У Орлова-Давыдова ум за разум зашел: такая замечательная женщина — и его любит! Сча-

стье-то какое! Но тут же начала сверлить другая мысль: а как же жена?.. Мадам Пуаре предусмотрела смятение немолодого поклонника и стала ему туманно намекать, что его жена, графиня, урожденная баронесса де Стааль, обожающая заграничные курорты, неверна ему!..

Намеки, придуманные письменные «доказательства», игра на оскорбленных чувствах и чести — все было пущено в ход. И вот в октябре 1913 года Орлов- Давыдов официально расторгает брак с баронессой де Стааль. Он торопится освободиться от старых уз, чтобы завязать новые, ибо невинные встречи с Марией Яковлевной плавно перешли в тайные рандеву, а потом перетекли в любовный роман. Более того, Мария Яковлевна объявила, что беременна. Граф-депутат окончательно потерял голову: ребенок от любимой женщины… наследник…

17 января 1914 года состоялось бракосочетание графа Алексея Орлова-Давыдова и Марии Пуаре в селе Салтыковка, под Петербургом, в церкви, расположенной в имении князя Долгорукова, двоюродного брата графа. Любопытно, что шаферами выступили члены Госдумы Александр Керенский и Василий Маклаков.

Первая часть авантюры осуществилась: артист-

ка Пуаре стала графиней Орловой-Давыдовой. Вторая часть — наследник — была более авантюрной, чем первая: Мария Яковлевна не могла иметь детей. Но разве это остановит предприимчивую женщину? Конечно, нет: младенца можно достать и купить. Начались поиски оного. Новорожденного малыша нашли у крестьянки Анны Андреевой.

Обман, конечно, раскрылся (но не сразу, а через год), и разгневанный Орлов-Давыдов подал заявление в прокуратуру. В начале февраля 1915 года Марию

Яковлевну арестовали и препроводили в тюрьму. Процесс по делу новоявленной графини Орловой-Давыдовой, обвиненной в симуляции родов и составлении подложных документов, стал в Петрограде сенсацией номер один. Все хотели посмотреть на обманутого де- путата-аристократа и ловкую артистку-авантюристку.

Процесс был бурный. Обвинение в подлоге ребенка Мария Пуаре отвела, сославшись на то, что действовала по велению неких небесных мистических сил, что-де сам граф на одном из спиритических сеансов изъявил желание иметь наследника, чтобы оздоровить род Орловых-Давыдовых. И Пуаре просто пошла навстречу

пожеланиям своего будущего мужа.

Восемь дней продолжался процесс. Газетные отчеты с пикантными подробностями из зала заседаний суда затмевали подчас военные сводки (шла первая мировая война, но публику куда больше интересовал этот светский скандал). О Марии Пуаре писали чаще, чем о Федоре Шаляпине или Григории Распутине.

В ходе процесса неожиданным обвинениям подвергся истец, депутат Государственной думы Орлов-Давыдов; на суде выяснилось, что он во многих своих делах и поступках руководствовался не здравым смыслом, а полагался на «откровения», полученные во время спиритических сеансов. Присяжных и присутствующих на процессе возмутило то, что граф не заметил обмана с беременностью жены. К тому же всех покоробила фантастическая скупость депутата. Словом, жертва обмана Орлов-Давыдов был далеко не ангелом.

В итоге суд принял поистине соломоново решение: метрическую запись о рождении ребенка признать недействительной, а Марию Пуаре (и ее подкупленных помощниц-акушерок) — оправдать. «Лелька», так называл граф малыша, из аристократического сословия вернулся в кре-

стьянское.

Что было дальше? А дальше грянула революция, сначала февральская, потом октябрьская, и в этих уже политических авантюрах начали трагически ломаться миллионы человеческих судеб. Куда-то сгинул граф Орлов-Давыдов. Куда-то исчезла артистка, поэтесса и

авантюристка Мария Пуаре. Возможно, укатили в Париж, а может, погибли в подвалах ЧК. Ибо, как писал Игорь Северянин:

И невозможное возможно

В стране возможностей больших.

Ныне в стране действует уже российская постсоветская дума. Другая дума, другие депутаты. Но всяких скандальных дел не поубавилось. И, разумеется, авантюр и афер тоже.

Знаменитый треугольник (Мэрилин Монро – Ив Монтан – Симона Синьоре)

Все время на кинонебосклоне вспыхивают новые звезды — зрители в восторге от Леонардо Ди Каприо, Кейт Уинслет и других ярких вспышек. Но продолжают сиять и старые звезды. Их популярность не уменьшается, они по-прежнему притягивают к себе и завораживают. Среди них, бесспорно, Мэрилин Монро, Ив Монтан и Симона Синьоре. Почему мы назвали именно эти имена? Да потому, что они в свое время составили любовный треугольник, о котором говорил весь киномир. «Идиллия без будущего» — так окрестили газеты роман самой знаменитой блондинки Америки и самого известного француза. Идиллия без будущего, потому что… но не будем забегать вперед.

Итак, стороны треугольника: Мэрилин Монро (1926-1962), Ив Монтан (1921-1991) и Симона Синьоре (1921 — 1985). Как видим, разница в возрасте между Мэрилин и Симоной составляла 5 лет.

О Мэрилин Монро, об этом голливудском чуде, существует обширнейшая литература, одних биографий насчитывается более 50, и нет смысла пересказывать жизненный путь Нормы Джин Бейкер Мортенсен, ставшей Мэрилин Монро и совершившей головокружительный прыжок из безвестности на вершину мирового успеха. Ее трагическая жизнь поучительна для тысяч старлеток, напоминая, какую цену приходится платить за славу и богатство.

Ив Монтан — сын итальянского рабочего, эмигрировавшего во Францию. Его настоящее имя Иво Ливи, псевдоним произошел от итальянского возгласа «Иво, монта!» — так мать звала его, играющего во дворе, домой. «Поднимайся, Ив!» В 11 лет он бросил школу и пошел работать. Перебрал несколько профессий и остановился на профессии шансонье, певца. Эдит Пи- аф помогла ему не только утвердиться на эстраде, но и успешно дебютировать в кино. Именно с Эдит Пиаф Ин Монтан снялся в своем первом фильме — «Звезда без света».

Монтан и Симона встретились в августе 1949 года, а 22 декабря 1951 года справили свадьбу в ресторанчике «Золотая голубка» в городке Сен-Поль-де-Ванс. Это была любовь с первого взгляда,

как удар молнии. Симона бросила своего первого мужа Ива Аллегре и отдала дочь Катрин на попечение родственников, лишь бы быть вместе с Монтаном. Катрин Аллегре, тоже актриса, вспоминает: «Мама была поклонницей Монтана. Их связывала бурная страсть, которая никому другому не оставляла места. Даже мной она не занималась, и долгое время я была предоставлена самой себе».

Отец Симоны Синьоре, Каминкер, еврей по национальности (как видим, у всех троих были не подлинные фамилии, а вымышленные), покинул Францию в годы войны и организовал антифашистский центр «Свободная Франция». В подпольный кружок входила и юная Симона. В начале кинокарьеры она играла в основном служанок и горничных. Потом пришел первый успех, и в 1946 году актриса получила приз дебютантки в кино. Затем не раз добивалась самых престижных наград, в том числе «Оскара». Симона всегда играла сдержанных женщин, за холодной отчужденностью которых угадывалась огромная сила и темперамент.

У Ива Монтана и Симоны Синьоре был на удивление гармоничный брак (до встречи с Мэрилин он был просто безоблачным). Они идеально под-

ходили друг другу — может быть, потому, что роли в семье были четко расписаны: Ив Монтан был ребенком и одновременно хозяином, Симона — хранительницей очага и его совестью. Она нежно любила и опекала супруга и прощала ему шалости. Шалости, естественно, касались женщин. В этом смысле Ив Монтан был истинным французом, и шелест скользящей мимо юбки его всегда волновал. Настоящему испытанию на прочность их брак подвергся при встрече Монтана с Мэрилин Монро.

К моменту их встречи Мэрилин Монро была в очередной раз замужем — за известным драматургом Ар-

туром Миллером. Их брак начался на высокой ноте (для Миллера Мэрилин была чарующей женщиной, а он для нее — притягательным интеллектуальным мужчиной), но воистину верны слова русского поэта Над- сона: «Только утро любви хорошо...» Утро давно прошло, и брак Мэрилин и Миллера близился к закату, сопровождаясь нервными срывами Мэрилин и тайным недовольством Миллера. Все окончательно развалил появившийся на горизонте Ив Монтан: он приехал в Америку на гастроли и быстро добился успеха у американцев.

Как писал позднее Артур Миллер: «Я догадался, что брак наш разрушается… Мэрилин смотрела на Монтана с обожанием и не понимала, что он не тот, на кого можно опереться. Но всю ее жизнь для нее вдруг необыкновенно важным становился какой-нибудь первый встречный. С ним или с ней связывались какие-то необыкновенные надежды, которые, когда этот встречный раскрывался как человек, естественно, вдребезги разбивались».

Ив Монтан, надо признать, все же был не «первым встречным», а артистом, очаровавшим Америку, и у Мэрилин Монро родилась идея пригласить Монтана партнером в фильм «Давай займемся любовью», в котором ей предстояло сниматься. Так что актриса сама выбрала свою судьбу. И вот в Сан-Франциско, в гостиничном номере, где жили Ив Монтан и Симона Синьоре, раздался телефонный звонок: «Хотите сниматься с Мэрилин Монро?»

Все другие кандидаты по тем или иным причинам отпали (Кэри Грант, Рок Хадсон, Чарлтон Хестон и Грегори Пек), и вот всплыла кандидатура Ива Монтана. Вы думаете, он согласился сразу? Нет. Монтан долго торговался из-за гонорара, и только когда выбил то, что хотел, согласился.

Так Ив Монтан стал партнером американской кинодивы на съемочной площадке и буквально соседом по гостинице «Беверли Хиллз», где в бунгало № 20 поселили Монтана и Симону, а в соседнем № 21 жили Мэрилин Монро и Артур Миллер. Камин в гостиной, мягкие кресла, гравюры с видами Венеции. Стоит только позвонить, и вам прямо в но

мер подадут обед и любые напитки, какие только захотите. Райское место. Отличный финансовый контракт и заманчивые съемки.

Две звездные пары быстро подружились. Процитируем мемуары Симоны Синьоре «Ностальгия теперь уже не та»:

«Монтан возвращался со студии первым, принимал душ и жадно набрасывался на текст, который надо было назавтра выучить. Он запирался в комнате, работал до ужина добрый час, часто с репетитором, следившим за произношением и ударениями (ведь фильм снимался на английском языке. — Ю. Б.).

Когда возвращалась Мэрилин, она обычно заставала Артура и меня либо у них, либо у нас: это был час моего отчета Миллеру о том, как я провела день, — час рюмки скотча, а также час, когда Артур с жаром рассказывал о далеком или

близком прошлом своей страны, которую я так плохо знала.

Мэрилин, еще в гриме, говорила: «Я под душ и сразу к вам». Она возвращалась в халатике из искусственного шелка цвета перванш в белый горошек, без грима, без накладных ресниц, босиком, отчего ее фигура казалась более плотной: у нее были лицо и походка прекраснейшей из пейзанок Иль-де-Франс, о которых веками слагали песни…»

Заметим, что и Мэрилин и Симона были блондинками на тот момент: Мэрилин — платиновой, а Симона — с чуть медным отливом.

А теперь воспоминания Ива Монтана:

«У меня так и стоит перед глазами тогдашняя Мэрилин — в брючках из шотландки и в кофточке с приоткрытым (без всякой задней мысли) воротником, с глазами какой-то немыслимой голубизны, всегда хранившими ту прозрачность, которая у большинства других женщин появляется лишь временами. А может, дело было в том особом цвете, каким все окрашивала вокруг калифорнийская зима? Не знаю…»

Шел январь 1960 года. Мэрилин и Монтан вместе работают на съемочной площадке, помогают друг другу, между ними устанавливается твор-

ческая дружба, которая переходит… да-да, вы догадались: она не могла

не перейти в любовь. Этому способствовали и обстоятельства: Симона Синьоре улетела на съемки своего фильма в Италию, а Артур Миллер — по литературным делам в Ирландию. Монтан и Мэрилин остались «без присмотра» и…

Мэрилин однажды не явилась на съемки, и Монтан отправился узнать, в чем дело. «Вхожу, — вспоминал Монтан. — Присаживаюсь на краешек кровати: «У тебя температура?» — «Да, но небольшая, скоро все пройдет. Я рада тебя видеть». — «Я тоже рад». Банальнейший диалог. Но что это со мной творится, спрашиваю я себя. Впрочем, не слишком долго…»

Нетрудно представить, что было дальше. «Голова ее вдруг поворачивается, и мои губы касаются ее губ. Фантастический, нежнейший поцелуй! Я одуреваю…»

Одурение — первый признак охватывающей человека страсти. Подсознательно они давно тянулись друг к другу: для Мэрилин Монтан был образцовым символом «френч лав» — «французским любовником», а для Монтана Мэрилин была тоже символом — красоты и женственности. Вспыхнувшая страсть охватила обоих, вырвалась

из спальни и стала известной сначала съемочной группе, затем всему миру. Газеты принялись смачно обыгрывать название фильма «Давай займемся любовью», перешедшее в пламенную реальность. Журнал «Лук» оповестил о том, что «самая популярная блондинка Голливуда и самый популярный трубадур Франции объединились, и в результате получилось нечто весьма взрывоопасное».

Во время их бурной любви Симона Синьоре получила «Оскара», и, возможно, это тоже сыграло свою роль в злосчастной истории. Мэрилин Монро могла подумать: «У Симоны «Оскар» и Ив. У нее все. А что я?» Она уговаривала себя и Монтана, что они созданы друг для друга. «Артуру нужны интеллектуалки, с которыми он мог бы беседовать, вроде Симоны. А мне не нужны беседы, мне нужна любовь, и мне нужен только Ив!»

Так решила Мэрилин Монро и согласно своему решению действовала: как говорится, начала давить на Ива Монтана, но давление не привело к желаемому

результату. «Он пытался быть милосердным. Он целовал меня, — вспоминала Мэрилин. — Но он сказал, что идея оставить Симону… смешна. Так и сказал: смешна. Он еще сказал, что надеет-

ся, что мне с ним было хорошо и что он «приятно провел время»! Я, я любила его, а он «приятно провел время»! Так всегда: я вечно чего-то жду, и что получаю в итоге — дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!»

А теперь выслушаем другую сторону. Спустя долгие годы Монтан вспоминал: «Многие из моих друзей до сих пор убеждены, что эта связь прежде всего льстила моему самолюбию. Да, это так: я действительно был польщен. Но куда больше растроган и тронут. Тронут тем, как это было прекрасно. Тронут, потому что это было безысходно. Ни разу, ни на один миг не возникала у меня мысль порвать с женой. Но если бы она сама, по своей воле, хлопнула дверью, возможно, я связат бы свою жизнь с Мэрилин. Или хотя бы попробовал это сделать. Линия поведения, которую избрала для себя Симона, сделала подобную постановку вопроса ненужной».

О, это была редкая линия поведения женщины, узнавшей, что ей изменяют! От нее ждали шумного скандала, а она, напротив, сжала зубы и затихла. Но когда друзья особенно ее «достали», ответила им веско: «А много вы знаете таких мужчин, которые остались бы бесчувственными в объятиях Мэрилин?» Ее выдержка охладила чувства Ива Монтана к Мэрилин Монро. Он ме-

тался, переживал, а тут пришло в августе 1962 года сообщение о самоубийстве Мэрилин Монро. Примечательна реакция других сторон треугольника.

Ив Монтан: «Где бы я ни был, где бы ни жил, Мэрилин всегда будет оставаться со мной. И я не хочу гнать от себя ее образ. А если иногда все-таки гоню и прогоняю, то это просто означает, что я пытаюсь выжить — только и всего…»

Симона Синьоре: «Она так и не узнала, сколь мало я ненавидела ее».

Ну а что дальше? Дальше жизнь Симоны Синьоре и Ива Монтана вернулась в прежнее русло. «Мы сумели продолжить прежний путь, — пишет в мемуарах Мон-

тан. — И Симона приложила гигантские усилия, чтобы никогда, ни разу в приступе злобы, во время какой- то ссоры, когда обычно все в тебе поднимается со дна и выходит наружу, — не припомнить мне эту историю».

Конечно, были и ссоры, и новые измены («В истории не было женщины, которой изменяли бы столько, сколько мне», вырвалась у Симоны однажды отчаянная фраза), и недовольство друг другом, но они не разводились и прожили в браке 43 года. В последние годы Симона Синьоре

быстро стала стареть, много пила, здоровье ее подорвалось. А на горизонте Монтана появилась еще одна пассия, Анн-Жильбер Дроссар, но это уже совсем другая история, не имеющая никакого отношения к описанному нами треугольнику.

Ив Монтан написал книгу «Солнцем полна голова», изданную и у нас, в России. А чем было полно сердце Монтана? Симоны Синьоре? Мэрилин Монро?

Лично я бы ответил так: любовью и печалью. Но такова жизнь.

Поцелуй – подарок жизни

Поцелуй меня, потом я – тебя.
Потом вместе мы поцелуемся…
(Из песни)

Сегодня поцелуями никого не удивишь: целуются все и везде. А раньше это был скрытый, сугубо интимный любовный ритуал для двоих. Хотя, как поется в русской народной песне:

При народе, в хороводе
Парень девку целовал.
Его девка обнимала,
А народ-то все видал.

Но это редкость. От полноты чувств. А вообще принято, как в песне «Темно-вишневая шаль»:

Я стыдливо лицо закрывала,
А он нежно меня целовал.

Теперь такого не встретишь. Стыдливость превратилась в какой-то раритет чувств. Все на продажу! А поцелуи — это такая мелочь, вроде сигаретки… Но и в старые времена бывало, что

желания перехлестывали через край, и тогда из груди вырывалась мольба как стон. Опять же в качестве примера приведем слова старинного романса:

Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло.
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.

О! Это уже всерьез! Половодье чувств — все вза- хлест!

Мы на лодочке катались,
Золотистой, золотой, –
Не гребли, а целовались,
Не качай, брат, головой.

Современная молодежь таких песен не поет, а рань-
ше вот пели и дальнейший куплет исполняли с нажимом, со значением:

Поцелуй меня, мой милый,
Без отрыву сорок раз, –
Я тогда тебе поверю,
Что любовь верна у нас.

Поцелуи в стихах и в песнях — можно на эту тему написать целую книгу. Как там у Алексея Кольцова?

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз – поскорей –
Поцелуй горячей.

«Поцелуй, — как заметил со своего олимпийского высока Иоганн Вольфганг Гёте, — это когда две души встречаются кончиками губ». Об этом говорит и шведская поговорка: «Лучшие ворота к душе женщины — ее губы».

Однако стоп! Цитат можно привести множество, но лично меня как писателя и историка интересует: а откуда пошел поцелуй? И в этом вопросе я не одинок. Знаменитый Джонатан Свифт как-то заметил, что он вот все спрашивает себя: кто этот придурок, придумавший поцелуй? Увы, авторство установить невозможно, ибо люди целовались еще со времен каменного века, а может быть, и раньше (поцелуй юрского периода?). Представляете себе? Пещера. Мужчина и женщина в шкурах. Обнюхивают друг друга. Трутся носами. А потом целуются. Пробуют друг друга на вкус. Если каннибалы, то тут же закусывали.

Но это — шутка.

Зигмунд Фрейд утверждал, что, целуясь, мы вновь и вновь испытываем чувства, охватывающие младенца, приникающего к материнской груди. То есть вспоминаем приятное и полезное? На этот счет физиологи более точны. Они выяснили, что за время поцелуя у взрослых людей происходит обмен: 9 миллиграммами воды, 0,7 миллиграмма белка, 0,19 миллиграмма органических субстанций, 0,17 — жиров, 0,45 — солей и в придачу — 250 различными бактериями.

О бактериях, разумеется, говорить не будем, а вот помада… Специалисты из Франции подсчитали, что мужчина «съедает» в год за свою жизнь только от супруги, не считая любовниц, от 8 до 12 килограммов губной помады и только с появлением сверхустойчивой помады мужчина перестал ее есть.

Другие специалисты — из Америки — подсчитали, что при страстном поцелуе расходуется 12 калорий, но такая трата сил в целом полезна, так как во время поцелуя замедляется процесс выделения некоторых вредных химических соединений, что оказывает благотворное воздействие на организм. Правда, нашлись другие спецы, которые установили не полезность, а па-

губность поцелуя, особенно если он достаточно страстен, ибо сокращает нашу жизнь на целых три минуты.

Но, слава Богу, никто из нормальных людей никогда не задумывается о химических и физиологических реакциях при поцелуях, а просто занимается «этим делом», получая от него бо-о-ольшое удовольствие! В конце концов, целуясь, люди общаются друг с другом. А кинозвезда Ингрид Бергман как-то сказала: «Люди обычно прибегают к поцелуям как к маленькой хитрости, и лишь тогда, когда у них уже не хватает слов, чтобы выразить свои чувства друг к другу».

Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил,

Лишь потом разражалась гроза...

Это — Борис Пастернак. Гроза общественного скандала разразилась более чем сто лет назад — в далеком 1895 году, когда на Бродвее был поставлен спектакль «Вдова Джонс». Герои комедии, мужчина и женщина, по ходу спектакля обменивались все время поцелуями. Спектакль имел шумный шокирующий успех и послужил толчком для создания короткого немого видеоклипа (если выражаться современным языком)

под названием «Поцелуй». Разумеется, скандал получился еще большим, чем на Бродвее, ибо, как говорил вождь, кино — искусство миллионов. С этого 30-секундного ролика поцелуй захватил киноэк-

ран. И каких только не было поцелуев: нежных страстных, лирических, рассеянных, вызывающих, успокаивающих и т. д. И даже массовых, когда целовались все в фильме «Жандарм и инопланетяне». Самым рекордным по времени — 185 секунд на экране (а это целая вечность!) стал поцелуй в исполнении американских артистов Реджиса Туми и Джейн Уаймен в фильме «Ты теперь в армии», снятом в 1940 году.

Знаменитая книга рекордов Гиннеса, разумеется, не могла обойтись без поцелуя. Несколько раз «планка» рекорда менялась в состязании поцелуйного марафона, и наконец последнее «достижение» установили Эдди Ливина и Дельфин Кра — их поцелуй длился 17 с половиной суток. Произошло это явно утомительное событие в Чикаго 24 сентября 1984 года. Не знаю, как там было на самом деле, но лично мне кажется, что после рекорда ни Эдди, ни Дельфин больше уже не целовались.

Еще одна история про поцелуй. Весной 1950

года американский журнал «Лайф» заказал фотографу Роберу Дуано репортаж о парижских влюбленных. Заказ был выполнен и принес Дуано мировую славу. Маленькая фотография «Поцелуй на Отель-де-Виль» обошла затем все страницы газет и журналов мира. Молодые люди на ходу в толпе нежно прильнули друг к другу и целуются. Сегодня этот снимок ничего бы не значил, но тогда, в 1950 году, он был первым. Такого еще не было. За Дуано сразу стали гоняться различные рекламные агентства и журналы мод. Он сделал портреты Пабло Пикассо, Жака Превера, Фернана Леже и других знаменитостей. Был возведен в Кавалеры ордена Почетного легиона. А все началось с подсмотренного в толпе поцелуя. «Вечного поцелуя», как его окрестили. Самое любопытное, что спустя годы неожиданно объявились герои фотографии — супруги Лаверн — и потребовали через суд уплаты больших денег за… соавторство. Потом раскрылась новая тайна: работа Робера Дуано — всего лишь разыгран

ный актерами спектакль, и одна из его участниц, актриса Франсуаза Борне, тоже потребовала свою долю за участие в фотографии, принесшей миллионы франков. Так что поцелуй иногда плавно переходит в детектив.

Великий знаток русского языка Владимир Даль определял поцелуй так: «…целование, лобызанье, однократное приложение уст в знак любви, дружбы, привета, уваженья».

— Ты меня уважаешь?!

Целуя человека в губы, можно легко определить, как он к вам относится: готов вам довериться или нет? По поцелую можно определить степень чувственности, градус эротизма: повышенный или слабо тлеющий? Словом, поцелуй — это как паспорт Любви. В нем заложены все ваши данные.

Ты порой целуешь ту,
порою эту
В папиросном голубом дыму…

Эти строки Степана Щипачева говорят о беспорядочном, рассеянном отношении к партнеру.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет…

Это уже некое поцелуйное хулиганство, которое было свойственно Сергею Есенину. Вот и Игорь Северянин в одном из своих стихотворений увидел в поцелуе некий эпатаж и воскликнул:

Котик милый, деточка! Встань скорей на цыпочки,

Алы губы-цветики жарко протяни…

В грязной репутации хорошенько выпачкай

Имя светозарное гения в тени!..

А вот другой поэт Серебряного века, Виктор Гофман, подошел к этому вопросу иначе:

Видишь, сколько любви в этом нежном,

взволнованном взоре?

Я так долго таил, как тебя

я любил и люблю.

У меня для тебя поцелуев

дрожащее море,

Хочешь, в нем я тебя утоплю?..

«Поцелуев дрожащее море» — так может выразиться только поэт. У Афанасия Фета есть даже трактат «О поцелуе». Вот как пишет поэт в прозе:

«Слизистая оболочка, выбегая из нашей внутренности и являясь на языке единственной хранительницей чувства вкуса, сводит одновременно в устах и драгоценные звуки голоса, и сладостное дыхание любимого существа. Но удивительно, что соприкосновение двух

влюбленных уст представляет предпоследнюю ступень возможного сближения. Это просмотренный и помеченный банком вексель для выдачи полной суммы. Таково значение любовного поцелуя между двумя полами…»

«Нежнейший и прелестнейший цветок интимности — поцелуй…» — так определяет предмет нашего разговора Афанасий Фет.

Я специально привожу слова классиков, чтобы как-то приподнять значение ныне упавшего в цене поцелуя. Уважаемые дамы и господа, поцелуй — это не механическое действие, это не проза жизни, это поэма, и отнеситесь к ней с должным пиететом. Возвысьте ваши чувства, и вы получите значительно больше удовольствия, чем прежде, целуясь просто так, походя и мимолетно.

Еще один знаменитый поэт Серебряного века Константин Бальмонт отмечал:

«От поцелуя все тело становится певучим, зорким и слышащим. Слепнут глаза, а видят ярче. Гаснут мысли, а все мыслью становится. Великая внезапно воцаряется тишина, и все безгласно начинает говорить: деревья, цветы, и пылинки, и стены, и самая малая вещь, самая простая, сейчас же милая, и тонкие звоны, нежно зачинающие

Песню Песней в крови, и эти близкие розовые губы, красные губы, что целуют — и глядят…»

Не об этом ли мечтает каждая женщина? Но, увы, мечты и действительность — две разные вещи. Можно сказать иначе: две разные сферы.

Задам вопрос: вы давно читали трагедию «Владимир Маяковский»? Если да, то напомню. Поэт гово

рит о том, что одному «большому и грязному человеку подарили два поцелуя», а он не знал, что с ними делать. И вот:

…понес домой,
чтобы вставить в голубенькую рамочку.
Долго рылся в пыли по чемоданам
(искал рамочку).
Оглянулся –
поцелуй лежит на диване,
громадный,
жирный,
вырос,
смеется,
бесится!
«Господи! –

заплакал человек, –
никогда не думал, что я так устану.
Надо повеситься!»
И пока висел он,
гадкий,
жаленький, –
в будуарах женщины
– фабрики без дыма и труб –
миллионами выделывали поцелуи, –
всякие,
большие,
маленькие, –
мясистыми рычагами шлепающих губ.

Такая вот веселенькая картинка. Самое любопытное то, что слово «рычаги» поэт использовал не для красного словца. Как установили физиологи, 12 мускулов управляют движениями губ, к ним добавляются движения 17 мускулов языка. Настоящее производство поцелуев!..

Маяковский свою трагедию написал в 1913 году. За прошедшие десятилетия совершенными стали «женщины — фабрики без дыма и труб». А как выросло количество производимых поцелу-

ев! Да и какчество, как говорил Аркадий Райкин, улучшилось. СМИ просветили, кажется, всех, да так, что слово «оргазм» стало почти расхожим.

Но любовь лучше, чем война. И поэтому совет:

Встречайтесь. Целуйтесь. Наслаждайтесь. И — «не нужно грустить»…

Я начал свой рассказ с песен и закончу строчками песни:

Сиреневый туман над нами проплывает,

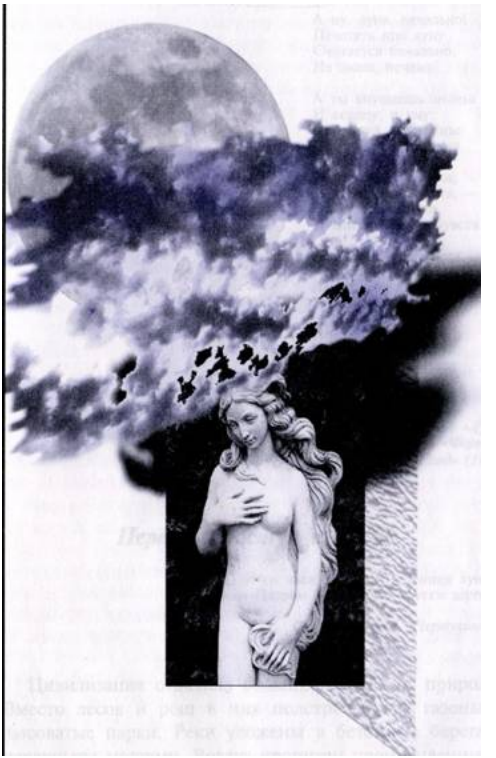
Над тамбуром горит полночная звезда.

Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,

Что с девушкою я прощаюсь навсегда…

Девушка — это юность. Она проходит. Наступает старость. Но даже в старости приятно вспомнить алость и вкус любимых губ. Воистину, поцелуй — это подарок жизни.

Страсти по Луне



Есть час Души, как час Луны…
Марина Цветаева

Страсти по Луне (Маленькая лирическая энциклопедия о ночном светиле)

А ну, луна, печально!
Печатать про луну
Считается банально,
Не знаю, почему.
А ты внушаешь знанье
И сердцу, и уму:
Понятней расстоянье
При взгляде на луну.
И время, и разлука,
И тетушка искусств, –
Оккультная наука,
И много разных чувств.
Не думай, ради Бога,
Что ты – хозяйка мне, –
Лежит моя дорога
В обратной стороне.
Но, чистая невеста

И ведьма, нету злей,
Тебе найдется место
И в повести моей.

Михаил Кузмин. Стихотворение «Луна» из сборника «Форель разбивает лед» (1929)

Первый подступ к теме

С этого часа и начала весенняя луна над Петром Кирилычем шутки шутить.

Сергей Клычков, «Чертухинский балакирь»

Цивилизация отделила большие города от природы. Вместо лесов и рощ в них подстриженные газоны и лысоватые парки. Реки уложены в бетонные берега и перекрыты мостами. Воздух пропитан промышленными отходами и ядовитыми газами. Многоэтажные дома и

небоскребы скрывают от глаз вольный простор. Небо заволочено то тучами, то смогом. В вечерние и ночные часы редко можно увидеть звезды. Зато вовсю пылают неоновые огни и по фасадам и крышам домов нервно бегают и дергаются буквы рекламных объявлений. «Купите!.. Пейте!.. Летайте!.. Храните!..»

Худо горожанину, лишенному естественных красок и видов природы. «Нету бора, съело огнем: пни, пепел, зола» (Замятин). И только в книгах житель города, несчастный, с разорванным сознанием урбанист, читает, как

Гулко взойдет
Небосвод голубой,

желтые звезды
рассыплются густо.
И закачается над тобой
Многомиллионная
Люстра!

(Иосиф Уткин. «Милое детство»)

Увы, в городе нет звездной люстры. Есть лишь жалкие искусственные люстры в квартирах-коробках. Как предрекал Евгений Замятин, вырос город — «звонкий, бегучий, каменный, хрустальный, железный». И не увидишь в нем и не услышишь, как «звезда с звездою говорит». Говорят только соседи, сослуживцы и радио. И, конечно, орет телевизор о том, что «Мальчик хочет в Тамбов!..». И что совсем ужасно: люди перестают обращать внимание на одно из чудес мироздания — на Луну. Луна перестала играть в человеческой жизни в конце XX века даже маленькую роль — ни в судьбе, ни в настроении.

Наступил век прагматизма, торжество науки и техники — не до Луны теперь, не до эмоций, не до лирики. Луну хотят не воспевать, а осваивать. И лично мне жаль, что ушло это старое романтическое время. Я и по сей день уверен, что

От Махачкалы до Баку Луны плавают на боку.

(Борис Корнилов. 1930)

Вот я и затеял сегодня, может быть, нелепый по нынешним временам разговор о Луне.

Второй подступ к теме

Луна неизменно притягивает к себе. Человек на протяжении всей своей истории обращает к ней взор, пытается ее понять, вычислить, расшифровать…

В ранних цивилизациях Индии, Китая, Центральной и Южной Америки Луна почиталась как место обитания богов. В античной Греции и Древнем Риме были уверены, что от благосклонности Луны зависят урожай и рождение детей.

Селена — в древнегреческой мифологии богиня, олицетворяющая Луну, — иногда отождествлялась с Артемидой. Согласно мифу, Артемида ночью проезжает по небу на колеснице, а с восходом солнца погружается в воды океана.

В средние века астрологи определяли воздействие Луны на растения, животных и человека. Особое значение придавали лунным фазам: так, новолуние считали пагубным знаком и,

наоборот, полнолуние связывали с изобилием. Короче, тема Человек — Луна возникла отнюдь не случайно.

Процитируем Петра Вегина:

Луна как луна.

Подруга земли из разряда анахоретов. До того, как на ней побывал Человек, На ней побывали миллионы поэтов.

И ученых, добавим мы.

Происхождение Луны

Создана целая наука о Луне — селенография. Но ясности в ней нет до сих пор. Откуда появилась Луна — загадка. Существует несколько гипотез. Одна из них предполагает, что Луна — это бывшая планета Фаэтон, прибуксированная со своей орбиты между Марсом и Сатурном «на память» о сверхмогущественных космических цивилизациях. Экзотично, не правда ли? В конце 60-х годов советские исследователи Васин и Щербаков предположили, что Луна — искусственный объект, своего рода космический корабль, застрявший возле Земли из-за какой-то аварии и болезни экипажа. Очень человеческая версия. Словом, гипотез и версий

о происхождении Луны немало. До появления

космонавтов на Луне земляне спорили: обитаема Луна или нет?

В разные века всегда находились люди, утверждавшие, что собственными глазами видели жителей Луны. Так, в 1835 году в «Нью-Йорк сан» появилась серия статей под общим названием «Великие открытия в астрономии». В них сообщалось, будто английский астроном Джордж Гер- шель разглядел в телескоп лунных жителей.

О существовании лунных жителей и их облике в разное время фантазировали и писатели, основывая на этой теме свои сатирические и утопические произведения. Достаточно назвать «Правдивую историю» Лукиана, «Иной свет, или Государства империи Луны» Сирано де Бержерака, «Человек на Луне» Жана Бодуэна, «Приключения барона Мюнхгаузена» Распе, «Первые люди на Луне» Герберта Уэллса.

Самюэль Батлер в сатире «Слон на Луне» писал:

Он на Луне есть, но крупней
Знакомых нам земных зверей.

И далее сатирик высмеивает ученого мужа, который узрел на Луне даже слона:

Какой большой! Гораздо он

Крупней, чем африканский слон.

А забавные оговорки, связанные с Луной! В дневнике за 1932 год Корней Чуковский приводит случай, как один лектор в Курске читал лекцию о небесном светиле так: «Луна есть лунная поверхность, усеянная катерами».

Луна и месяц. Лунные фазы

В стихе – признайся, сладкопевец, -
Двоякость русская видна:
Где рифму гонит острый Месяц,
Там соглашается Луна!..

Кирилл Ковальджи. Этюд о русских антирифмах

«Луна — спутник Земли, небесное тело, которое ходит вокруг Земли; месяц», — читаем мы у Владимира Даля.

«Месяц — луна, ночное светило, казачье солнышко».

Положение Луны на небосклоне изменяется постоянно, но кардинально — дважды в месяц: Луна растущая и Луна стареющая. У Луны две пиковые точки: новолуние и полнолуние.

Новолуние — это самое короткое расстояние от

Луны до Солнца. Луна в этом случае невидима на ночном небе.

Растущая Луна — месяц, вогнутый в ту сторону, когда не хватает всего лишь палочки для написания буквы «Р».

Полная Луна, то есть полнолуние, — это период, когда диск Луны завораживающе смотрит на нас с небесной сферы. В это время Луна наиболее отдалена от Солнца. Вспомним и Вертинского:

Сегодня полная луна,
Как пленная царевна,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежно влюблена…

И, наконец, стареющая или убывающая Луна. Месяц похож на букву «С», прямо небесный значок копирайт.

Если обратиться к астрологии, то в ней учитывается восемь отдельных периодов Луны: четыре «активных» (12 часов до и после наступления первой и последней четверти; «Лунная дорога» — два дня до и после полнолуния: «Дни Гекаты» — четыре дня полнолуния) и четыре «пассивных» — промежуточных между фазами. Это Артемида (от новолуния до первой четверти), Фетида — до полнолуния, Диана — до третьей четверги,

Медуза Горгона — до новолуния. В «пассивные» периоды Луна как бы насыщается энергией аспектируемых ее планет, в активные же периоды эта энергия выбрасывается. Это хорошо чувствуют те, в чьем гороскопе сильная Луна и водные знаки.

Фу, как сложно! Нет, лучше скажем попроще: Луна то невидима с Земли, то виден лишь ее узкий серп. Дальнейшие фазы: лунный полукруг и полнолуние. А затем все по кругу: Луна на ущербе… Старый месяц… Новый месяц…

Мы плакали, когда Луна рождалась,
Слезами Серебристый лик омыли, -
И сердце горестно и смутно сжалось, -

писал Михаил Кузмин в стихотворении «Новолуние» (1916).

«С новым месяцем, новый государь!» — восклицает Белла Ахмадулина. В ее творчестве Луна — неизменный атрибут, почти живой персонаж лирических переживаний.

Далекая предшественница Ахмадулиной — китайская поэтесса Сюэ Тао (конец VIII — начало IX века) — писала:

Месяц, на серп похожий,

В небе повис надо мною,
Словно на веере старом
Ханьского мастера знак,
Виден едва. Но скоро
Станет он яркой луною…
А в человеческой жизни
Разве случается так?

Со словом «месяц» связывают серповидную форму ночного светила, а со словом «луна» — круглую форму нашего небесного спутника. Но в бытовой речи слова «месяц» и «луна» часто синонимичны.

«-Да и вы, Надежда Алексеевна, куда спешите? Подождите месяца, он теперь скоро выйдет. Еще светлее будет ехать.

– Пожалуй, – сказала Надежда Алексеевна, – я давно не ездила при луне».

(Иван Тургенев. «Затишье»)
Еще пример:

Татьяна на широкий двор
В открытом платьице выходит,
На месяц зеркало наводит;

Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна.
(Александр Пушкин. «Евгений Онегин»)

В стародавние времена, глядя на Луну, пытались определить погоду. «Тусклый месяц — к мокрети; яс

ный — к суху; в синеве — к дождю; в красне — к ветру».

Существовал целый фольклор, связанный с Луной. «Пропал как месяц молодой». «Как месяц ни свети, а все не солнышко». «Всю ночь собака на месяц пролаяла, а месяц того и не знает» и т. д.

Детям загадывали загадку: «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, что это?» И смышленый малыш бойко отвечал: «Месяц!»

Бытует выражение, определяющее какую-либо неожиданность: «С Луны, что ли, свалился?!» А откуда на Землю свалилась Луна? На этот вопрос частично мы ответили и продолжим тему в главе «Луна и Солнце». Но это чуть позже, а пока глава

Луна в поэзии

Над старым крылатым домом
Медью взошла луна;

Легла золотым изломом
Бороздою в пруду вода…
Кирилл Батурин.
Поэма «Луна» (Шанхай, 1931)

Поэтическое видение Луны длится уже многие века (и прав поэт Вегин: «На ней побывали миллионы поэтов»). Как изменилось это вйдение? Как воспринимали и определяли ночное светило раньше и теперь? Какие ассоциации рождала Луна в разное время? Все это страшно заинтересовало меня (что делать! — натура увлекающаяся), и я нырнул в поэтические сборники, в книги, в фолианты, зашелестел страницами, заскрипел пером, делая многочисленные выписки.

XX век, помимо всего прочего, — еще и век коллекционирования. Одни коллекционируют монеты и марки, другие — футбольные и театральные программки, третьи — календарики и брелоки для ключей, четвертые и пятые — что-то еще. Этому разнообразию интересов нет конца и края. А я решил собирать высказывания поэтов о Луне. Эдакое лирическое коллекционирование, с которым я и знакомлю читателей через данную книгу. Ну что, начнем?

X век. Японская танка:

С тех пор, как утром
Расстались мы при свете
Луны холодной,
Что может быть грустнее
Туманной мглы рассвета!

Холодная Луна, свидетельница печального расставания влюбленных, — весьма распространенный поэтический образ. Более того, луна — почти обязательный атрибут любовной лирики, ведь «сны любви баюкает луна», как справедливо заметил Валерий Брюсов.

Любовь – это сон в сновидении…
Любовь – это тайна струны…
Любовь – это небо в видении…
Любовь – это сказка луны…
(Игорь Северянин)

И какая сказка! В ней переплетены любовь и музыка. В душе звучит… нет, Вячеслав Иванов употребил другой глагол — «дрожит»:

В душе дрожит эолова струна,
Отзывная луне.

У другого Иванова, Георгия, тоже поэта Сереб-

ряного века, читаем:

Где ты, Селим, и где твоя Заира, Стихи Гафиза, лютня и луна! -

И впрямь, стихи и Луна, поэзия и ночное светило — непременные аксессуары любовного томления, любовной игры. Извлечем из коллекции несколько цитат:

Взойдет луна, в серебряные ризы
Оденет сад и тронет, по стенам
Диванной, завитки тяжелых рам,
Рояль в углу, паркеты и карнизы…
(Сергей Маковский)
В парке мечтательном лунная нега,
Лунные ласки дрожат на листах.
(Константин Бальмонт)
Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной…
…Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимые волны,
Померанцев, миртов шепот

И любимый свет луны.
(Иван Козлов.
«Венецианская ночь», 1824)

Выражаясь шахматным языком, Луна — это классический дебют для любовной партии. Все фигуры расставлены. Вышла Луна — и можно действовать.

Ясный месяц, ночной чародей!..
Вслед за зорькой вечерней пурпурною
Поднимись ты стезею лазурною,
Посвети мне опять поскорей…
(Лев Мей)

Месяц посветил — все задышало, задрожало, сердце начало учащенно биться. Пружина любовного романа приведена в действие. Но прошло немного времени, и то ли пружина ослабла, то ли чувства поутихли — но все уже не то. И прежде живая, отзывчивая Луна уже кажется холодной и мертвой. Как сказано в стихотворении поэта русского зарубежья Александра Браиловского:

Жизнь пробежала, как в романе…
Проснулся: холод… тишина…
Деревья в снеговом тумане,

Над нами мертвая луна…

Другими словами, комедия любви закончена. Однако следует заметить, что Луна сопереживала человеку в основном в прошлые столетия. В трезвом двадцатом веке поэты советуют влюбленным не связывать свои чувства с Луною. Помните знаменитое щипачевское:

Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.

Зерна рационализма успешно проросли. В марте 1987 года газета «Правда» привела письмо одной женщины из Тюменской области: «…идем после свадьбы зимой, — вдруг меня как луна в лоб стукнула: а почему это я им любви-то не пожелала? Неужели даже на свадьбе о любви забываем?..»

Что называется, приехали из коммунистического «далека». Не отсюда ли родился палиндром: строка, которая читается справа налево и слева направо: А ЛУНА КАНУЛА.

Краски Луны

На луну не раз любовался я,
На жемчужный дождь светлых струй

ея.

Но другой луны, но других небес

Чудный блеск раскрыл – новый мир чудес.

Не луну я знал – разве тень луны,

Красотам ночей я не знал цены.

Петр Вяземский. «Ночь на Босфоре», 1849

Появление Луны, как правило, одухотворяет неживой космос, вносит эмоциональную ноту в природу, пейзаж, интерьер. Луна, словно волшебная палочка, преображает все вокруг.

Дремлют полною луной

Озаренные поляны.

Бродят белые туманы

над болотною травой.

(Дмитрий Мережковский)

Или хрестоматийные строки Афанасия Фета:

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали

Лучи у наших ног в гостиной без огней.

Сколько в этих строчках сердечного трепета и

волнения! А камертоном служит Луна.

Вот обратная картина, так сказать, со знаком минус:

Луна зашла, и ночь в исходе,
И бубен выбился из сил.
В запасе больше нет мелодий,
Пир весь их выбор истощил.
(Георгий Леонидзе)

Но и Луна сама по себе, как явление в небе, весьма живописна, и свет ее лучей (серебристый, пепельный, золотистый и т. д.) всегда оживляет человеческую обитель.

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

«Месяц красный» у Александра Блока. «Голубая луна» у Бориса Поплавского:

Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков,
Голубая луна проплывала, высоко звуча…

Образ плавающей Луны не нов. Достаточно вспомнить Гавриила Державина:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И пламенным своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.

Эти строки Державина из «Видения мурзы» — чудо русской поэзии XVIII века. Они прекрасны по ритму, по фонетической прозрачности строк и неслыханно живописны. А разве не напоминает одно из стихотворений Ивана Бунина, написанное им в 1902 году, полотно художника?

Багряная печальная луна
Висит вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблеск сеет,
И над болотом красный сумрак реет.
Уж поздно – и какая тишина!
Мне кажется, луна оцепенеет:

Она как будто выросла со дна
И допотопной лилией краснеет.
Но меркнут звезды. Даль озарена.
Равнина вод на горизонте млеет,
И в ней луна столбом отражена.
Склонив лицо прозрачное, светлеет
И грустно в воду смотрится она.

Какое изобразительное мастерство у Ивана Алексеевича! Какими разными гранями показана Луна… А вот пример совершенно другого стиля, но тоже по-своему не лишенного живописных красок:

Полнолунный простор, фосфористый снежок,
Одинокий мой путь серебрист и широк…
…Я люблю, когда снег, под луной излучась,
Отливается вдруг в синеватую ясь…
…Пусть потонет луна в набежавших тенях
И ясней засверкают огни в деревнях, -
Я в померкших полях осажу скакуна,

Вновь дождусь, когда ночь околдует луна,

И замру, отражен янтаря ми луны,

Пред блаженно-сияющим сном тишины.

(Николай Тряпкин, 1943)

Как видите, поэты весьма удачно живописуют Луну словами. А художники, у которых под руками краски, — им это, наверное, вульгарно выражаясь, раз плюнуть? Увы, нет. Изображение лунного света считалось всегда делом необычайно трудным. Крамской однажды заметил, что если бы Куинджи заранее поведал ему, что хочет написать луну, то он, Крамской, «по привычке сказал бы: ну, луна не удастся». Но Архипу Куинджи удалось невозможное: он нарисовал луну, и как!..

Свою первую «лунную» картину — «Татарская сакля при лунном свете» — Куинджи написал в молодости. За это полотно ему, ни одного дня не учившемуся в Академии, было присвоено звание свободного художника.

Через 10 лет в Париже, на Всемирной выставке, Куинджи представил свою вторую «лунную» картину. Фосфорическое свечение лунного света

было изумительно достоверным, и жюри выставки отметило работу художника бронзовой медалью.

Третье «лунное» полотно — «Ночь на Днепре» — было выставлено в 1880 году в Петербурге на выставке одной картины. И — полный триумф. Зрителей поразил бледный свет луны, заливший небо, лунное сияние вырывает из тьмы низенькие дома-мазанки, заставляет искриться, рябить воду, мягко обрисовывает берега реки. «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!..» — восклицал Гоголь, а Куинджи представил эту ночь в сиянии луны. Картина вызвала бурю восторгов…

Но мы отвлеклись с вами от поэзии, от поэтического образа Луны. Всегда ли наше ночное светило безмятежно и красиво? Нет. Меняется жизненная ситуация, и Луна уже выглядит не столь безобидно, порой ее отсветы просто зловещи.

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурогая луна.
(Федор Глинка, 1826)

Почти человеческие функции Луны

Зададим прокурорский вопрос: чем занята Луна, когда появляется на небесах? Что делает? Ответ прост: льет на землю свет. Светит. Сияет.

На раздолье себе светит ярко луна,
И листки серебрятся олив.
(Николай Щербина)
Луна, как факел, осветила
Безмолвный сад…
(Константин Львов)
Луны отвесное сиянье
Играет в окнах тяжело…
(Георгий Иванов)
Полный месяц встал над лугом
Неизменным полным кругом,
Светит и молчит.
(Александр Блок)

Примеров множество. Вот еще один:

В волнах полуночных туманов
Там месяц бледный из-за туч
Наводит свой холодный луч

На сонмы плещущих фонтанов,
На сени пышные садов…

Любознательный читатель сразу оживится и спросит, где такую роскошную картину увидел поэт Арсений Голенищев-Кутузов. В самом стихотворении указан точный адрес: «Венецианская луна… Адриатическое море…»

Нет, не будем восторгаться зарубежными странами и рассыпать комплименты заморской луне. Останемся патриотами. И лучше, как написал Сергей Дрофенко:

Я шторы раздвину пошире,
Увижу, что рядом луна.
Наверно, в Коломне, в Кашире
Похоже сияет она.
Что там спорить! Да у нас -
Экой снег какой глубокий!
Лошадь дышит горячо.
Светит месяц одинокий
Через левое плечо.
(Дмитрий Кедрин)

Знакомые российские пейзажи. Однако не будем отвлекаться на побочные темы. Вернемся

к Луне. Итак, она светит. Но не только. В воображении поэтов Луна еще пристально смотрит, наблюдает за происходящими на земле событиями. Она всевидяща.

Все чище, прозрачней бесцветный восток,
Отчетливей яблони сада,
И без опозданья, как на урок -
Луна поднялась за оградой.
(Анна Ней, поэт зарубежья)

Луна поднялась. По-хозяйски оглядывает мир землян. Выступает в качестве некоего космического дозорного. Интересуется, что там, на земле, происходит.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул.
(Афанасий Фет)
Давно уже месяц двурогий
С лазурного поля небес
Взирает на берег отлогий,
На тихое поле и лес.
(Алексей Будищев)
Точно сквозь серебро кружевное,

Полный месяц глядит с небосклона.
(Иван Бунин)
Небо в час дозора,
Обходя, луна
Светит сквозь узоры
Мерзлого окна.
(Николай Огарев)

Словом, дозорный! Как бы чего не вышло?.. «Небо лунную руку простерло» (Николай Оцуп). Но слава Богу, что у ночного светила нет административного рвения, и поэтому все его приглядывания и подглядывания безобидны:

Тонкий месяц желторото
Усмехнулся с высоты,
Словно понял, хитрый, что-то
И ушел себе в кусты.
(Глеб Еремеев)

Луна смотрит на землю, а поэты следят за Луной, за каждым ее движением и перемещением, вкладывая в каждый поворот ночного светила свой поэтический смысл.

Нет на небе туч свирепых;

Облак легких даже нет,
И по синей, чистой тверди
Месяц с важностью течет.
(Анна Бунина, 1812)
Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею…
(Александр Пушкин)
А бывает…
Опять луна плывет над садом,
Рояль несется из окон,
И снится диким виноградом
Увитый лаптевский балкон.
(Сергей Соловьев)

Отдельная тема, которой коснемся лишь вскользь: Луна и музыка. «Лунная соната» Бетховена. Впрочем, Луна способна навевать различные мелодии.

Какого мы дождались вальса!
Какая полная луна!.. -
восклицает Петр Вегин, -
…то ли диезы от березы,

то ли бемоли от луны…

(П. Вегин. «Вальс деревенской луны»)

Над розовым морем вставала луна,

Во льду зеленела бутылка вина,

И томно кружились влюбленные пары

Под жалобный рокот гавайской гитары.

(Георгий Иванов)

От музыкальных созвучий вернемся к исчисленному движению нашего ночного спутника.

Отворить окно; уж солнце всходит,

И, бледнея, кроется луна, -

эти строки принадлежат поэтессе прошлого века Юлии Жадовской.

А вот наша современница Новелла Матвеева:

И, словно орех,

который, созрев,

отходит от собственных стенок,

отходит луна

от небес волокна,

от облачка, полного сока,

и к легкому своду уходит она

отколото,
одиноко…
(Н. Матвеева. «На пороге ночи»)

Мгновенно вспоминается северянинский «Ноктюрн»:

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши…
Все – душа, и ни души.
Различные лики Луны
Луна сквозь ветки тронула балкон,
И пала тень, похожая на лиру.
Владимир Набоков

Луна всходит-заходит. Сменяются уходы-приходы. Нет, это слишком пассивно для Луны. Ее ночной лукавый характер требует большего…

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпать блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Это строки из стихотворения Вяземского «Еще тройка». Описана типичная доиндустриальная картина: необъятный простор, темная ночь,

тройка и звук колокольчика. Куда едет путник? О чем задумался? Что ждет его там, впереди? Вяземский не знает — знает лишь судьба…

Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?..
…Как узнать? уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

Словом, месяц ушел от ответа, «нырнул» — и судьба путника оказалась неведомой, неразгаданной.

Мотив неопределенности человеческой судьбы, ее загадочности, наличия в ней какого-то даже бесовского начала развернул Пушкин в «Бесах»:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Тут можно смело предположить, что в человеческой мистерии Луна играет непременно какую-то роль: если не главного режиссера, то

по крайней мере его ближайшего помощника. Нечто зловещее, роковое чувствуется в движении Луны за небесными кулисами. Это совсем не то, что у Василия Жуковского:

Тускло светится луна
В сумраке тумана -
Молчалива и грустна
Милая Светлана.

У Жуковского Луна создает элегическое настроение, у Пушкина появление Луны — событие почти драматическое.

Вот характерные для Жуковского строки из начала стихотворения «К месяцу»:

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.
Ты блеснул… и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.

Месяц — как друг. Навевает сладкую тишину. Погружает в мечтательность. Подобное состо-

яние можно встретить позднее у Владимира Набокова:

Для странствия ночного мне не надо
ни кораблей, ни поездов.
Стоит луна над шашечницей сада.
Окно открыто. Я готов…

Напрашивается простой вывод: Луна сама по себе не может быть ни печальной, ни радостной, она нейтральна. Но в зависимости от внутреннего, психологического состояния человека способна вызвать в нем печальные или радостные чувства, настроить на минорный или мажорный лад. Иначе говоря, духовные явления осмысливаются в контексте природы. Эту мысль выразил Семен Липкин в стихотворении «У моря»:

Природа не бывает равнодушна,
Всегда ей нужно стать такой, как мы.
И далее:
Природа – переводческая калька,
Мы – подлинник, а копия – она.

Есть в этом утверждении некоторое, конечно, высокомерие, но идея бесспорна: человек подчас

очеловечивает природу, небо, звезды — и Луну в частности. Но вот что примечательно: примеров веселого настроения ночного светила оказалось не так-то много.

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.
(Иван Никитин)
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной.
(Николай Некрасов)
Полный месяц, словно очарован,
Высоко и радостно дрожит.
(Константин Случевский)

Луна-печальница

Такое вот настроение радости, беспечности, веселой раскованности, игры, связанное с появлением Луны, в поэзии встречается редко. Более распространено, более типично, если хотите, иное состояние, вызванное ночным небом.

Только мы вдвоем не спали,
Я и бледная луна.
Я был темен от печали,
А луна была ясна.
И луна, таясь, играя
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.
Но, восторгом опьяненный,
Я взметнул мою луну
От земли, в нее влюбленной,
Высоко на крутизну.
Что порочно, что безгрешно,
Вместе все луна сплела, -
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя – светла.
(Федор Сологуб. 7 октября 1916.
Омск – Новониколаевск. Вагон)

Тот же Федор Сологуб нашел точное определение; «мглистые мечтанья».

Месяц, бледный и двурогий,
Сеет мглистые мечтанья.

Часто Луна навевает тоску, уныние, печаль. Одно из своих стихотворений Шарль Бодлер так и назвал: «Печали луны».

Луна уже плывет медлительно и низко.

Она задумалась, – так, прежде чем уснуть,

В подушках утонув, мечтает одалиска,

Задумчивой рукой свою лаская грудь.

Ей сладко умирать и млеть от наслажденья

Средь облачных лавин, на мягкой их спине,

И все глядеть, глядеть на белые виденья,

Что, как цветы, встают в лазурной глубине…

(Перевод В. Левика)

У Бодлера есть и другое стихотворение, обращенное к Луне, — крик и мольба одновременно:

Смотри, диск солнечный задернут мраком крепа;

Окутайся во мглу и ты, моя Луна,

Курясь в небытии, безмолвна и мрачна,

И погрузи свой лик в бездонный сумрак склепа.

Зову одну тебя, тебя люблю я слепо!

Ты, как ущербная звезда, полувидна;

Твои лучи влечет Безумная страна,

Долой ножны, кинжал, сверкающий свирепо!

Скорей о пламя люстр зажги свои зрачки!

Свои желания зажги о взор упорный!

Всегда желанна ты во мгле моей тоски,

Ты – розовый рассвет, ты – ночи сумрак черный.

Все тело в трепете, всю душу полнит гул, -

Я вопию к тебе, мой бог, мой Вельзевул!

(«Одержимый», пер. Эллиса)

Мрачно, да? Но что поделаешь: таково воздействие Луны на психику человека. Если в ней есть какой-то ущерб, какой-то сдвиг, то Луна тут как тут. Она — союзница, наперсница любого инди-

вида, кто отвержен, нелюбим и одинок. Именно в ней, в холодной Луне, человек ищет утешение.

Люби меня, люби, холодная луна!

Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,

Когда восходишь ты, ясна и холодна.

На этой злой земле никто меня не любит.

Да будет ночь твоя в мерцании светил!

Отверженец земли, тоскующий и кроткий,

О, сколько раз во тьме я за тобой следил,

Любуяся твоей стремительною лодкой!

Потом я шел опять в докучный рокот дня, -

И труд меня томил, и путь мой был бесцелен,

Твой свет в моей душе струился мглисто-зелен.

Холодная луна, люби, люби меня!

(Федор Сологуб, 1909)

Нередко Луна ассоциируется с чем-то неподвижным и застылым, даже мертвенным.

И стоит над косогором
неподвижный лик луны.
(Николай Заболоцкий)
А утром, свет опережая,
Всплывает в глубине окна
Лицо мое, словно чужая
Предсмертно белая луна.
(Белла Ахмадулина)

Это уже из серии кладбищенских мотивов, широко, кстати, представленных в русской поэзии:

Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил.
Тонкий луч озарит разрушенья унылую груду.
(Георгий Иванов)

Ночь, вообще говоря, пора не для веселых бдений и шуток. Ночь — это сон, отключение сознания, забвение.

Замолкло, замерло, потухло все кругом.

Луна, как мертвый лик, глядела в мертвый дом.

(Алексей Апухтин)

Спят, спят… Жизнь – жесткий сон…

Им светит лунный Эдисон.

(Давид Бурлюк)

Образ Луны рождает целую философию умирания. Читаем у Ивана Бунина:

И ты, луна, свершаешь путь земной,

Теряя блеск с минуты на минуту,

И мертвецом уходишь в край иной,

Испив по капле смертную цикуту!

И у него же:

Ночь зимняя мутна и холодна,

Как мертвая, стоит в выси луна.

Ну а дальше, если строить рассказ из цитатных строчек, то вполне годится Сергей Клычков:

Легла покойницей луна на тучу.

Луна – как реквизит в самой мрачной пьесе жизни

Лучи луны, целуя мглу,

Легли, как саваны туманные,

Передо мною на полу,
И в каждом саване – видение…
(Константин Бальмонт)

Луна в свете метафор: от огненного шара до рыжего жеребенка

Не будем, однако, развивать печальную тему смерти. Стоит лишь отметить, что метафорическое восприятие Луны у поэтов не знает границ. Луна — поистине неистощимая кладовая метафор. Каждый из сочинителей видит ночное светило по-своему. Одному поэту Луна представляется в виде крестьянского серпа, другому — в виде уличного фонаря, третьему… Впрочем, лучше пусть поэты говорят сами.

«Двурогая луна, как серп жнеца кривой…» (Плещеев). «И бледный серп луны холодными лучами…» (Над- сон). «И месяц… серебряным серпом белеет…» (Фофанов).

А в Серпейске ржавой смерти ждет
Серп горбатый в дедовском овине.
(Сергей Марков)

Серп — это форма месяца. А вот сравнения, связанные с яркостью свечения небесного спут-

ника:

Гляну в час полночный
Из-под занавески
В мерзлое окно:
Под луной молочной
Все в алмазном блеске
Стелется гумно.
(Дмитрий Семеновский)
Месяц огненным шаром встает.
Красным заревом лес обдает.
(Иван Никитин)
А в воде – в реке, в пруде, в озерах, в яме -
Фонарями разбросалася луна.
(Игорь Северянин)
Луна фонарем зажжена над бульваром,
Привинчена в небо…
(Михаил Зенкевич)
Весь город предо мною. С высот над ним лампада
Без блеска, без лучей унылая висит
И только для небес недремлющих горит.

(Петр Плещеев)

Луна, как лампа светлая перед раскрытой книгой,

Стоит, задумавшись, над сонным островком…

(Алексей Холчев)

Но это только первые прикидки сравнений. Фантазия поэтов не знает предела.

В ладье крутолукой луна

Осенней лазурью плыла.

(Вячеслав Иванов)

И луна плыла, как лодка,

И ладья плыла луною.

(Юнна Мориц)

Ныряет месяца челнок

В тугие млечные основы,

И бел и тонок этот новый

Безукоризненный кусок.

(Вера Инбер)

Луна – как пенящийся кубок,

Среди летучих облаков.

(Георгий Иванов)

В облаках висит луна
Колоссальным померанцем.
В сером море длинный путь
Залит лунным медным глянцем.
(Саша Черный)
Луна, альмадинов кровавей,
Над садом медлительно всплыла
И мачтовый луч уронила
На тускло мерцающий гравий.
(Георгий Иванов)

Ах, эти метафоры… У Сергея Довлатова есть рассказ «Жизнь коротка», повествующий о писателе Левицком, биографически очень схожем с Набоковым. Начинается рассказ так:

«Левицкий раскрыл глаза и сразу начал припоминать какую-то забытую вчерашнюю метафору… «Полнолуние мятной таблетки»?.. «Банановый изгиб полумесяца»?.. Что-то в этом роде…»

Какие только в голову не приходят сравнения, от которых образ Луны множится, дробится…

Лазурью бледный месяц плыл
Изогнутым перстом.

(Александр Блок)
Монетой, плохо отчеканенной,
Луна над трубами повешена.
(Валерий Брюсов)
Луны начищенный пятак
Блеснул сквозь паутину веток.
(Георгий Иванов)
Наивная луна, кружок из белой жести,
Над башней замка стынет.
Деревья в парке свили тени вместе -
Сейчас печаль нахлынет.
(Саша Черный)
Здесь тишина. Возьми ее, и трогай,
И пей ее, и зачерпни ведром.
Выходит вечер прямо на дорогу,
И месяц землю меряет багром.
(Александр Прокофьев)
Как картофель в фольге,
Запекает луна камни.
(Андрей Вознесенский)

Подведем предварительные итоги сравнений: серп, фонарь, лампада, лампа, шар, ладья, лодка,

челнок, монета, пятак, кружок, померанец, перст, багор… Совсем неожиданное находим у Сергея Маркова:

Луна на небе, как верблюжий вьюк,
Качается, и тучи голубые
Несут с собой блестящий полукруг…

Но больше всех, пожалуй, придумал сравнений для Луны — вернее, не придумал, а подметил — Сергей Есенин, с наблюдательностью истинно сельского жителя: «Колокол луны скатился ниже…», «Золотою лягушкой луна распласталась на тихой воде…», «Словно яйцо, расколовшись, скользнул месяц за дальним холмом…», «Ты смотришь на лунный опорок, плывущий на сонной воде…», «Рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани…» и т. д.

У Дмитрия Мережковского есть целое стихотворение, в котором даются различные определения Луны: она и бледная, и тусклая, и преступная и т. д. У Иннокентия Анненского встречается выражение «лунная тюрьма», Вячеслав Иванов вводит в контекст «лунный храм». У Федора Сологуба находим выражение: «Бледная совесть — луна». Есть слова-загадки. Так, у Вячеслава Иванова фигурирует «лунное млеко». Одно из

своих стихотворений Сологуб называет «Лунная колыбельная»:

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.
Он про звездочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну…

Ну а что современные поэты? Какие у них в ходу сравнения? Традиционные использовал молодой волгоградский поэт Сергей Васильев:

И воздух горчит, и деревья темны,
И тусклый фонарь деревенской луны
Висит над окрестностью спящей.

Маргарита Ногтева в сборнике «Полнолуние» переставляет акценты:

Зажглась луна нижегородских буден,
И фонари над площадью горят.

В другом ее стихотворении намечен более смелый поэтический шаг: «Луною разлинован парк». И сразу почему-то вспоминаются стихи Саши

Черного «Из римской тетради»:

Холод мраморных ступеней
Лунным фосфором пронизан.

В старые мехи влила новое вино Татьяна Сырыщева:

Мое окно – широкое.
В нем неба синева.
Проезжею дорогою
За ним шумит Москва.
Грузовики, автобусы…
Под солнцем, под луной -
Кусок живого глобуса
Всегда передо мной.

Нечто новое нашел Яков Козловский:

Путь скрипучий, снег летучий.
И над соснами возник
Чермный месяц вровень с тучей,
А быть может, это случай
В звездной проруби язык?

Есть находки, стоящие вровень с нашим технологическим веком. К примеру:

Луна округла, как иллюминатор -
Горящий глаз большого корабля.

(Энвер Нижарадзе)

Или совсем в духе научно-технической революции:

Потом, горячим фосфором полна,
прекрасная, счастливая, нагая,
осенний лес собою прожигая,
плыла кумулятивная луна.
(Андрей Эдоков)

А закончим очередную главку на элегической ноте. Повторим вслед за Ахмадулиной:

Так утекают дни, с небес роняя разнообразье еженощных лун.

Парад сравнений продолжается

Целая ветвь сравнений ориентирована на… продукты питания. Гастрономические метафоры. Одним из первых поэтов их ввел Михаил Лермонтов. Вот его стихотворение, датированное 16 мая 1840 года:

Посреди небесных тел
Лик луны туманный:

Как он кругл и как он бел!
Точно блин с сметаной…
Каждую ночь она в лучах
Путь проходит млечный…
Видно, там на небесах
Масляница вечно.

Сравнение Луны с блином, пожалуй, редкое, чаще Луну уподобляют яблоку. «Катится, как яблочко, месяц в облака» (Сергей Клычков), «Антоновским яблоком луна в ветвях» (Игорь Юрков), «Луна как неспелый ранет» (Лев Ошанин), «Мы ели яблоко луны» (Юнна Мориц).

Но Луна не только блин и яблоко. Набор продовольственных, «съедобных» сравнений широк.

Луна в небе – бела.
Плывет – влево взяла.
Плывет – хлебом,
Плывет – медом.
(Марина Цветаева)
Повисла над выпасом бывшим
Рябая краюха луны.
(Александр Казанцев)
Зреет в небе, зреет, словно колос,

Узкая медовая луна.
(Наталья Крандиевская)
В светлом небе пусто, пусто.
Как ядреная капуста
Катится луна.
(Георгий Иванов)
Луна словно репа, а звезды – фасоль.
(Александр Прокофьев)

Хлеб, мед, капуста, репа… Но это еще не все. А как вам нравится сравнение с грецким орехом?

Меж веток медленно всплывает
И улыбается луна.
Она всплывает, точно грецкий
Янтарно-розовый орех.
В беседке слышится турецкой
Веселый говор, легкий смех.
(Георгий Иванов. «Павловск»)

У Георгия Иванова все изысканно и красиво, а ироничный, саркастический Федор Сологуб писал в ином ключе:

Тогда насмешливый мой гений
Подсказывал немало мне

Непоэтических сравнений.
Я в поле вышел при луне, -
На мякоть зрелого арбуза
Похожа красная луна,
А иногда на жабы пузо
Напоминала мне она.

Действительно, непоэтично. Сравнение Луны с жабой — это редкость. А вот различные собачье-лунные параллели встречаются довольно часто, да и немудрено: издревле собаки лают на луну. Собачий вой на вечный покой, говорит народная мудрость.

Наши предки еще говаривали: житье нам житье — как подумаешь, так и за вытье… Ну а теперь стихотворные примеры:

В тумане пес протяжно лаял
На запоздавшую луну.
Это – Клычков. И у него же:
И тонет в лунном блеске
Собачий глупый брех.
Воют не только собаки, но и волки. Михаил Зенкевич писал:
Железом громыхает цепь.

Луна почти что на щипце…
Волчиха воет на луну:
Уу!..
Уу!..
Уу!..
Нет, не уснуть. И сон прошел.
Ах, это волчье соло!
Луна, серебряный мосол,
Скорей бы, что ли, села!..
…Иль в самом деле ей луну
Так хочется сглотнуть?
А может, волчья есть тоска
Такая ж, как людская?..

Людская тоска есть точно. О ней прямо и веско написал Владимир Маяковский:

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой, -
взял бы и все обвыл.
Нервы, должно быть…

Ранний Маяковский, до эпохи партбилетов,

часто обращался к образу Луны. Во «Флейте-позвоночнике» поэт писал Лиле ревниво-рыдательные строки:

С другими зажжешь в огне рысаков
Стрелку или Сокольники.
Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, ждущий и голенький.

Что спорить: всякое бывает у человека состояние. Иногда гневное и яростное, иногда умилительно-неж- ное, именно последним продиктованы строки Юнны Мориц:

Месяц в облаке зевнул,
К небесам щекой прильнул,
Весь калачиком свернулся,
Улыбнулся и уснул.

То ли котенок, то ли щенок, но, согласитесь, что-то явно живое и сладко-уморительное.

О, веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна,
Над рощею ощенится
Златым щенком луна.

Это есенинские строки. Но у Есенина есть и

другие, не восторженные, а, напротив, тоскливо-раздумчивые:

Ни луны, ни собачьего лая
Вдалеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Луна мистическим образом влияет не только на человека и собак, но и на котов и кошек. Кошачьи свадьбы проходят нередко именно в лунные ночи.

Прорвав насквозь лимонно-серый
Опасный конус высоты,
На лунных крышах, как химеры,
Вопят гундосые коты, -

писал Арсений Тарковский в стихотворении «Луна и коты». Но оставим в покое (а точнее — в вое) котов и поговорим на более возвышенную тему.

Луна в женском образе

Я ремни спустила у сандалий,
Я лениво расстегнула пояс…
Ах, давно глаза читать устали,

Лжет Коран, лукавит Аверроэс!
Поспеши… Круглится лик Селены;
Кто б ты ни был – будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены.
Пахнут руки чебрецом и тмином…
Мариэтта Шагинян. «Полнолуние», 1911

Но, пожалуй, самая распространенная метафора — представлять Луну в образе женщины, переносить на нее женские черты характера, отождествлять с ней поведение и повадки слабого пола. Как утверждает известный астролог А. Вронский, Луна олицетворяет женский принцип «инь» и для женщин играет наиболее важную роль, влияя на них и физически, и духовно.

У Пушкина и Хомякова Луна — царица ночи. Раз царица, значит, и первая красавица.

…надо мною в тумане
Плыла холодная красавица луна.
(Анна Барыкова, поэтесса XIX века)
Плывет царица Савская – луна,
Покинув трепет мраморный чертога.
(Моисей Кульбак)

Лицо луны, как у царевны
После метельной ворожбы.
(Валентин Солоухин)
Степная луна трепещет, как грудь амазонки.
(Шота Нинианидзе)
Прибавил шагу я.
Навстречу скачками двинулась луна.
Но вдруг по грудь, затем по плечи
В нагое дерево ушла
И через ветви провалилась,
И снова в небе появилась
Гораздо выше, чем была.
(Леонид Мартынов)

У Луны женский характер: появляется-исчезает-за- манивает-кокетничает… Оскар Уайльд в «Саломее» задается вопросом: «Не правда ли, у Луны очень странный вид? Можно подумать, что это истерическая женщина, которая ходит и ищет повсюду своих любовников. К тому же она нагая. Она совсем нагая. Облака пытаются одеть ее, но она не желает. Она вырывается из облаков, шатаясь, словно пьяная женщина…»

Луна, как дура,
почти в исступлении…
(Маяковский. «Чудеса!»)

Не случайно, наверное, секс-звезда Илона Сталлер (знаменитая Чиччолина) призналась прессе: «Я верю в Луну, которая для меня — символ сексуального очарования».

Поэты прошлого выражались скромнее: лунные чары, лунное чарование…

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна,
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.
(Николай Языков)

Естественно, что целовать может только женщина. К тому ж Луна — слово женского рода. В другом стихотворении Языкова, «Весенняя ночь», Луна, хотя и не выступает впрямую как женщина, но тем не менее ее свет сулит отнюдь не небесные удовольствия, а вполне земные:

Как я люблю приют мой одинокий!

Как здесь мила весенняя луна!
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!
Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов…

К Луне, как к женщине, как к девочке, обращается Федор Сологуб:

Ты хочешь, девочка луна,
Скользящая в просторах неба,
Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.
Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твое медлительное тело…

А раз Луна — женщина, то она непременно любит и похозяйничать на кухне. На небесной кухне по крайней мере:

В Медведице, серебряной кастрюле,

Варится млечный шоколад.
Благоухает он тепло и сладко,
И в голубом переднике луна
Его сверлит алмазною лопаткой,
Чтобы сварился он до дна.

Итак, Луна — хозяйка на кухне и соблазнительница в постели. Буря чувств. Коварство и любовь, как выразился Шиллер. Вот и Джульетта у Шекспира заклинает Ромео:

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто,
Чтоб и твоя любовь не изменилась…

Луна — изменщица. Но, может быть, Луна и не виновата вовсе, она всего лишь свидетельница разыгрываемых на Земле вечных любовных драм?

Раз весенним вечерком
Лиза с милым шла дружком,
А луна светила…
«В небе век горит луна;
Буду век тебе верна!» -
Лиза говорила.

В небе все горит луна;
Лиза другу неверна:
Друга разлюбила…
(Федор Глинка, «Клятва»)

Пары встречаются под Луной. Пары расстаются под Луной. Нет вечной любви — вот в чем ужас.

Луна восходит на ночное небо
И, светлая, покоится влюбленно.
По озеру вечерний ветер бродит,
Целуя осчастливленную воду.
О, как божественно соединенье
Извечно созданного друг для друга!
Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

Это стихотворение «Соединение» датировано Николаем Гумилевым 1917-1918 годами. Позади расставание с Анной Ахматовой. Неудачны другие увлечения: Ларисой Рейснер и «Синей звездой» — Еленой Дебюте. И что остается, как не писать печальные стихи… Вот и Сологуб весь испечалился:

Для того ли украдкою,

При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?..
И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

Такие вот лунные страсти. Казалось бы, легче их бросить и успокоиться, но нет, поэты жаждут бури. Обращаясь к Луне, Константин Бальмонт надрывался:

И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:
«Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!»

То есть никакого покоя. Роковой круг, из которого и выйти не хотят.

Мне не уйти из круга,
В котором мне дана
Бессменная подруга,
Полночная луна.
(Сергей Клычков)

А как известно, «подруги» бывают разными по красоте, по интеллекту. Недаром Онегин небрежно замечает Ленскому:

…Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет,

Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Вроде бы Онегин — светский человек, а вот так нелестно отзывается о женщине. Нехорошо, барин, нехорошо!.. Другое дело простой народ. У него все проще, все телеснее, без упоминаний всяких там «Вандиковых Мадонн»:

Уплыла гармонь.
Ночь безмолвием полна.
Словно баба с круглым боком
Ходит белая луна.
(Владимир Попов)

Ну а если представить Луну городской барышней? Какие тут могут возникнуть коллизии?

Обратимся к Саше Черному («Первая любовь», 1910):

Из-за забора вылезла луна
И нагло села на крутую крышу.
С надеждой, верой и любовью слышу,
Как запирают ставни у окна.
Луна…
…Луна струит серебряную пыль.
Светло! Прости!.. В тоске пе-ре-ле-за-ю,
Твои глаза заочно ло-бы-за-ю
И… с трррeском рву штанину о костыль.
Рахиль!
Как мамонт бешеный, влачился я, хромой,
На улицах луна и кружево каштанов…
Будь проклята любовь вблизи отцов-тиранов!
Кто утолит сегодня голод мой?
Домой!..

Такая вот вышла история. А вот другая. Вечер. Блики от фонарей. Шорохи. Шепоты влюбленных. И один из молодых людей с напором говорит:

Будто бы вода – давайте мчать, болтая,

будто бы весна – свободно и раскованно!

В небе вон луна такая молодая,

что ее без спутников и выпускать рискованно.

(Маяковский. «Юбилейное»)

Еще раньше, в 1913 году, Владимир Владимирович возвещал:

Морей неведомых дальним пляжем

идет луна – жена моя.

Моя любовница рыжеволосая…

Любовница — это всегда волнующе и всегда неопределенно. Что будет дальше?

Куда-то луна уходила.

Наверное, к милому в гости.

И света земле не хватало,

Как солнца на душном погосте…

…Луна уходила, но вскоре

Вернулась ясна и пригожа.

Целованным ветром в просторе, -

Еще золотей и моложе.

(Валентин Сорокин)

Но эти всякие хождения до добра не доведут, недаром Андрей Вознесенский забеспокоился:

Кто с Луны стянул трусы

впервые над всем Северным полушарием?..

Действительно, кто? Нет ответа.

И глядела на девичье тело

Полусонная сводня – Луна.

(Алексей Дидуров. «Из записок

сексуального маньяка»)

А в это время -

...Незабвенною ночью

на залитой луной простыне

Света К., словно Вечная Женственность, молча,

отбивалась и льнула ко мне!

(Тимур Кибиров)

Словом, все растворилось в быте. В житейской прозе. И налицо уже не прогулка небесного светила по делам мирозданья, а обычное, тривиальное

любовное приключение, да еще с последствиями:

А луна – как девица беременна
Животом вперед светит,
И хотя все это – временное,
Эти ранки нам сердце метят.

Так пел Александр Вертинский. Кстати, в песнях и романсах часто упоминается Луна, она — вполне песенный, мелодичный персонаж. Вот и в репертуаре Николая Арутюнова из группы «Лига блюза» есть такие пассажи:

Не верь мне, мой мышонок.
С неба не снять луну!
Тебя, как всех девчонок,
Я обману-у-у!..

Житейская обычная драма. Ничего нового. А тем временем годы все летят и летят. Луна уже не молодая, не красавица, не белая и не крепкая, а пребывает в совсем другой кондиции: то ли готовится выйти на пенсию, то ли уже бредет с авоськой и пенсионной книжкой.

А за солнцем улиц где-то ковыляла
Никому не нужная, дряблая луна.

(Маяковский)

Вот такая вышла история с Луною и под Луною. Надеюсь, что читатели не будут слишком строго судить автора за нарочито выстроенный монтаж. И пусть станут мне оправданьем строки Петра Вегина:

Пишу Луну. (Как понимаю -
литературоведенью во вред).

Как говорится, не я первый и не я последний. До меня на тему «Луна и женщина» упражнялся Петр Вяземский. Было это году в 1825-м. Где-то в шутку, где- то всерьез поэт-князь размышлял, какая Луна (соответственно женщина) все же лучше. Приведем лирические «размышлизмы» Вяземского:

Посмотрите, как полна
Златоликая луна!
Словно чаша круговая
Посреди ночных огней,
Словно скатерть голубая
Расстилается под ней.
Посмотрите, как светла
Чаша чистого стекла!

Златом гроздий благовонных
Как сияет нам она,
Полуночников бессонных
Беззакатная луна!
Хороша небес луна -
Но надежна ли она?
Нет, в красотке вероломной
Постоянства не найти:
То сидит за тучкой темной,
То убудет – и прости!
А застольная луна
Постоянно нам верна,
Все по мере жажды краше
С погребов встает она:
Застраховано нам в чаше
Полнолуние вина.
Про небесную луну
Я и то упомяну:
На нее глаза таращишь,
Да и только! Как тут быть?
Но с небес ее не стащишь.
Но зубами не схватить.

А ручная-то луна
Словно нежная жена!
Так и льнет к губам любовно,
Как домашняя, своя!
В душу так и льется, словно
Закадышная, струя!

Лунный свет

А теперь поговорим о лунном свете. Как там у Сергея Есенина: «Свет луны, таинственный и длинный». Чаще всего поэты сравнивают его с льющимся золотом или серебром, словно Луна — ларец с драгоценностями. Примеры многочисленны:

Золото холодной луны.
(Сергей Есенин)
Предрассветный лунный свет
Чуть золотит холмы и мысы.
(Иван Бунин)
Где луна лишь слегка золотит полумрак.
(Мария Петровых)
И одна луна, золота вдвойне,

и в твоей стране и в моей стране.
(Андрей Вознесенский)

Словом, «блещет месяц — глазам невтерпеж» (Николай Заболоцкий). С золотом успешно соперничает серебро.

И серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят.
(Афанасий Фет)
Сиял наш старый сад в лазоревом чаду,
Луна раскинула серебряные сети,
Впервые про любовь я зашептал в саду
При лунном свете…
(Князь Владимир Палей)
Старый дом зловеще-гулок,
Бел под лунным серебром.
(Николай Клюев)
Петух запевает, светает пора!
В лесу под ногами гора серебра.
(Николай Заболоцкий)

Как всегда, живописна лунная картина у Бунина:

Вот на мгновенье расступился

Зловещий мрак и, точно ртуть,
По гребням волн засеребрился
Дрожащий отблеск – лунный путь.

Если так можно выразиться, то это начало процесса серебрения, а вот и его конец:

И меркнет лунный свет -
как будто вмиг состарилось
и потемнело серебро.
(Новелла Матвеева)

Мастерство поэтов (повторим мысль) сродни умелой кисти художников. Подчас стихотворные строки воспринимаются как живописное полотно.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Точка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.
(Валерий Брюсов)

Снова подведем итог: золото и серебро. Но не только. У князя Владимира Палея:

По старым комнатам заснувшего дворца

Блуждает Лунный Свет с улыбкою печальной,

Вздыхает у колонн огромной залы бальной

И призрачно горит алмаз его венца.

Возвышенно — ничего не скажешь. А еще лунный свет уподобляется у Анненского — пелене, у Бальмонта — савану, у Вячеслава Иванова — льну, ризе, у Бунина — бледной пряже, млечной кудели… У Пастернака рожденный Христос «спал, весь сияющий, в яслях из дуба, как месяца луч в углубленье дупла».

У Брюсова в «Первой любви» можно прочесть: «Светила луна. Ее лучи падали в воду и превращались в тысячи извивающихся змей, которые неустанно сплетали и расплетали свои блестящие кольца».

Лучи — змеи. А вот еще Михаил Зенкевич:

На камыши, на зыбкие растенья,

На сухие мхи и валуны

Синий свет таинственного тленья

Льют, как лавы, кратеры луны.

Елена Гуро сознательно снижает образ:

Месяц светил на чердаке,

И кошки заволновались.

О воздействии лунных лучей не только на кошек, но и на людей можно прочитать в рассказе Мопассана «Лунный свет».

В нем описана романтическая история двух сестер- буржуазок. Одна признается другой, что совершила грех: изменила мужу в лунную ночь. Затем она ужаснулась своему поступку и даже поседела от страданий. Сестра утешает ее и говорит, что грех невелик, потому что в ту ночь настоящим ее любовником был не мужчина, а лунный свет. Именно он и соблазнил ее.

Луна и лунатики

Мне ль томиться лунной любовью?..

Николай Оцуп, 1921

Прикосновенье лунных пальцев…

Вставай, лунатик, в путь-дорогу,

Дорога – чище серебра,

белеет Ева из ребра.

Произрастают звери, птицы,

Цветы сосут земную грудь.

Все, что свечой в субботу снится,

то можешь в небо окунуть…

Михаил Кузмин, из сб. «Форель разбивает лед», 1929

Серебристо-золотистый свет Луны порой не столь безобиден, коль вызывает такое явление, как лунатизм. Сомнамбулизм. Снохождение.

Волнистый сон лунящегося моря.

Мистическое око плоской камбалы.

Плывет луна, загадочно дозоря

Зеленовато-бледный лик сомнамбулы.

(Игорь Северянин)

«Лунатик, — читаем у Даля, — сноброд, человек, одержимый лунатизмом». То есть таким болезненным состоянием, в котором он бессознательно ходит во время сна. Его влечет Луна. Его завораживает лунный свет.

– Ты кто?

– Я – лунатик, по крышам бродящий.

– Что делаешь ты?

– Одержимый и спящий, по лунной эмали скитаюсь, гуляю…

– Зачем?

– Я не знаю.

(Юлиан Тувим. «Разговор»)

«Не могу закрытого взора оторвать от бледной луны», — признается лирический герой стихотворения Саши Черного «Лунатик». Луна сковывает:

Это близко. Но трудно колени и локти

провести сквозь дрожащую в листьях луну.

(Белла Ахмадулина)

Луна сковывает, завораживает, притягивает… «И ловит лунный луч взволнованные лица» (Эдуардас Межелайтис).

Я лягу здесь. Здесь от луны светло,

Кошма, палас. Под головой – седло.

А если очень долго не засну -

В окошко буду наблюдать луну!

(Сергей Марков. «¦Глиняный рай», 1932)

Первое предвестие лунатизма: не спится, тянет на размышления:

По долине меж гор

Лунный луч пробрался мне в окно.

Выходи, выходи на простор!
Что за сон, не заснуть все равно…
…Отчего этой ночи краса,
Словно призрак безмолвный, грустна?
Свет холодный струят небеса,
И земля как луна холодна.
(Владимир Соловьев. «Лунная
ночь в Шотландии», 1893)
Это – лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна,
Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется кленах.
(Иннокентий Анненский)

И у Анненского же, в «Трилистнике страха»:

Луну сегодня выси
Упрятали в туман…
Поди-ка, подивися,
Как щит ее медвян.
И поневоле сердцу
Так жутко моему…
Эх, распахнуть бы дверцу

Да в лунную тюрьму!

(30 марта 1906, Вологодский поезд)

Лунатическое состояние, состояние тревоги и страха, может довести до… «лунной тюрьмы»! Вот как сильно бывает порой «небо лунатизма», как сказал Виктор Соснора. О его действии писал Бальмонт:

Луна богата силою внушенья,

Вокруг нее всегда витает тайна.

Она нам вторит: «Жизнь есть отраженье.

Но этот призрак дышит не случайно».

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,

Она ласкает, странно так волнуя,

И душу побуждает к долгим стонам

Влияньем рокового поцелуя…

Это уже вполне гипнотическое состояние, за которым следует лунатический транс. Еще немного — и беда…

Лунатик в пустоту глядит,

Сиянье им руководит,

Чернеет гибель снизу.

И даже угадать нельзя,
Куда он движется, скользя,
По лунному карнизу.
(Георгий Иванов)
Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
(Сергей Есенин)

Белла Ахмадулина пытается разобраться, чем вызвано подобное состояние:

Встает луна, и мстит она за муки
надменной отдаленности своей.
Лунатики протягивают руки
и обреченно следуют за ней.
На крыльях одичалого сознанья,
несомостью дневной утомлены,
летят они, прозрачные созданья,
прислушиваясь к отсветам луны.

Неясно, Луна лишает человека силы или, наоборот, наполняет его какой-то неведомой мощью?

Когда луна стекает в сад,

Звенит полночный виноград,
И темным эхом бьет в луну
Бессонный филин.
Когда луна стекает в сад,
Мне бог – не бог,
и черт – не брат!
Мы ночь-полночь – да не одну! -
Еще осилим!.. -

восклицает современный поэт из Нальчика Алексей Кайданов. Так что все это — лирическое преувеличение? Гипербола насчет воздействия Луны на человека? Влияет или не влияет? Вот что пишет лондонский «Уикенд» в заметке «Почему луна сводит с ума?»:

«Приходилось ли вам испытывать раздражение или беспокойство, когда на небе полная луна? Если да, вы, скорее всего, не одиноки. Ученые постепенно начинают соглашаться с тем, что луна влияет на поведение, настроение человека. Например, =за последние 5 лет врачи Эдинбургского центра по оказанию помощи жертвам отравления спасли 366 человек, пытавшихся покончить жизнь самоубийством в полнолуние. Аналогичную попытку совершили еще 316 чело-

век в ночь молодого месяца. В Индии, когда были проанализированы данные о преступности по трем городам, обнаружилось, что преступления совершались значительно чаще в полнолуние, чем в другое время».

Прервем цитату и вспомним Шекспира:

Почему нас называют ворами?
Мы не воры,
Мы рыцари мрака,
Фавориты луны.

А теперь продолжим: «Почему дела обстоят именно так? Существует теория, что сила притяжения спутника Земли воздействует не только на Мировой океан, вызывая приливы и отливы, но и на человека, тело которого, как известно, состоит более чем на две трети из воды. Беспокойство, вызванное «биологическим приливом» при полнолунии, влияет на многих людей в психологическом и физическом отношении. Исследования, проведенные в Йельском университете, показали, что чувства обостряются или, наоборот, притупляются именно в этот период…» («За рубежом», 22-1987).

А как влияет Луна на творчество? Ведь лунатическое состояние, воспаленное, горячечное,

— это сродни творческому акту. Ахматова как-то обронила, что стихи — это не только «выжимки бессонниц, свеч кривых нагар», но и «теплый подоконник под черниговской луной». Еще более определенно сказала Юнна Мориц:

Но слышишь, как мы дышим?
Луна взошла, луна, -
Лунатиком по крышам
Качаясь в ритме сна,
Поэзия гуляет,
Бормочет дивный бред,
Который оставляет
Неизгладимый след.

Не случайно Лев Мей в поэме «Лунатик» отметил: «Поэт! ты лунатик...» Луна и творчество — две взаимно связанные сферы.

Старый месяц! Бездушный фанатик!
Мне сегодня сознаться не стыдно -
К незнакомым рукам,
Что волнуют рояль по ночам,
Я тянусь, как лунатик!
(Саша Черный)

Итак, лунатизм, ночное бдение — это еще и призыв к творчеству, когда Луна притягивает перо к бумаге и в серебряных ее лучах появляется наперсница поэта — Муза.

Когда луну я балую балладой,
волнуются деревья за оградой,
вне очереди торопясь попасть
в мои стихи. Доверена мне власть
над всей землей, Соседу непослушной.
И счастие так ширится воздушно,
так полнится сияньем голова,
такие совершенные слова
встречают мысль и улетают с нею,
что ничего записывать не смею… -

это из стихотворения Владимира Набокова «Безумец» (1933). Еще строки на эту же тему:

Я поднял стихотворную волну,
зажег в стихотворениях луну
меж стихотворных облаков…
(Леонид Мартынов)
Пусть войдет в мое стихотворенье
лунной ночи светлая пора -

неба, листьев и воды кипенье -
почерк синевы и серебра.
(Николай Ушаков)

И, наконец, насмешливый поэт-сатирик Дон Ами- надо:

«Спрятался месяц за тучку,
Больше не хочет гулять…»
Дайте стило или ручку
Милой письмо написать.

Любил писать при Луне Эдуард Багрицкий. Хозяин, у которого он снимал комнату, обижался: «Эдя, разве я не даю вам зажигивать лампу?» Н-да, одесский фольклор.

Сезонные одежды Луны

Еще один поворот темы: времена года. В них Луна выглядит по-разному: то замороженно-холодной, то розово-теплой. Ночное светило являет собой как бы погодный знак сезона.

Начнем с зимы. «Зимняя ночь холодна и темна. Словно застыла в морозе луна» (Апухтин). «Высокая стоит луна. Высокие стоят морозы» (Северянин). «Снежная равнина, белая луна» (Есенин). И еще Сергей Есенин:

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.

А вот как живописует «Вечер на Каме» Василий Каменский:

Зимний вечер пушистый и хрусткий,
И скользит и блестит санный путь;
Полумесяц, лимонный и узкий,
Собирается в звездную муть.

В противоположность зимней весенняя Луна совсем иная — юная, шаловливая, игривая…

Я чую наступленье марта,
Когда отшельник с бородой
В весенней луже видит чорта,
А это – месяц молодой.
(Леонид Мартынов)

Наступает лето, и Луна приобретает другой облик, другие краски:

Земли, полуднем раскаленной,
Не освежила ночи мгла.
Заснул Тифлис многобалконный;
Гора темна, луна тепла.

(Яков Полонский)

Бывал на Кавказе и Бунин и увидел «Тифлис под лунною чадрою». Ну а как средняя полоса, как там выглядит ночное светило?

На сеновале травяное лето,

Луны печальный розовый овал.

(Павел Васильев)

Осенняя пора, как обычно, полна тоски и уныния.

Нам грязь наскучила, мы чистого ждем снега.

В грязи испачкала лицо свое луна.

(Игорь Северянин)

Луны осенней таял полукруг

Над облачной серебряною льдиной.

(Георгий Иванов)

Бледный месяц на ущербе

Умирающий лежит,

И на голой черной вербе

Луч холодный не дрожит.

(Дмитрий Мережковский)

В нудно-дождливое время надеждой иногда

сверкнет
в небе лунный лик. Оптимист порадуется лучу. Пессимист безрадостно спросит:

Так зачем, проявляя участье,
Между туч проносилась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
В красоте неизменной одна?
(Николай Рубцов. «Осенняя луна»)

Да, Луна красива в разные периоды и по-разному.

Луна взошла совсем как у Верлена:
Старинная в изысканном уборе…
(Георгий Иванов)

Луна и Солнце

Взаимоотношения небесных светил, небесная механика издревле привлекали людей.

Кто мне простые таинства раскроет:
Зачем Луна озвучивает тьму?
И над Землей сгорает астероид, -
К чему такая миссия ему?
Куда так манит небо? и во имя

Чего родятся звезды в тишине?
И мирозданье – с безднами своими -
Зачем оно подмигивает мне?
(Сергей Смирнов)

Конечно, на первом место стоит Солнце, оно дает жизнь. А что же дает Луна, «скиталец небес праздно- сумый», по выражению Анненского? Неужели она обречена лишь отражать солнечный свет?

Луна – карманное зеркальце солнца.
(Виктор Соснора)

А еще бытует шутка: Луна — это Солнце на пенсии. Короче, всячески унижают… У древнегреческого писателя Лукиана (II век) Луна в крайнем возмущении говорит:

«- Одни философы считают, что я обитаема, другие — что я не что иное, как зеркало, подвешенное над морем, словом, каждый говорит обо мне, что набредет ему в голову. Наконец, ныне рассказывают, что самый свет мой — краденый и незаконный, так как он приходит ко мне сверху, от Солнца. Этим они беспрестанно ссорят меня с Солнцем, моим братом, и восстанавливают нас друг против друга. Мало им разве тех небылиц,

которые они рассказывают о Солнце, что оно-де и камень, и раскаленный шар?..»

(Лукиан. «Икароменипп, или Забытый полет»)

В балладе «Предание о луне» Валерий Брюсов пишет:

В былые дни луна была
Скиталицей – кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,
Вся листьями одета.

Потом, по Брюсову, произошла космическая катастрофа, в результате которой Луна оказалась пленницей Земли:

И с этих пор до нас – она
Наш спутник неизменный.
Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, -
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.

Космическую связь двух светил отразил Яков Полонский в своем стихотворении «Солнце и месяц» (1841):

… И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь – и ночью
Обойди ты край земной.
Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать,
Все разведай – и поутру
Приходи и дай мне знать».
Солнце спит, а Месяц ходит…
…Солнце встанет, Солнце спросит:
«Что, голубчик, братец мой,
Как тебя Господь-Бог носит?
Что ты бледен, что с тобой?..»

Любопытно: Луна, Солнце, судьбы людей — все тут сплавлено и переплетено. Космос отдает бытом. Макроуровень сведен к микроуровню. Бунин в стихотворении «Луна» (1917) пытается проделать обратный путь:

Настанет Ночь моя, Ночь долгая, немая.

Тогда велит Господь, творящий чудеса,
Светилу новому взойти на небеса.
– Сияй, сияй, Луна, все выше поднимая
Свой, Солцем данный лик.
Да будет миру весть,
Что День мой догорел,
но след мой в мире – есть.

Солнце и Луна под пером поэтов выступают как два космических победителя, как два полководца, поделившие между собой сферы влияния: Солнцу безгранично отдан день, а Луна царствует ночью. Интересно, когда их сравнивают друг с другом:

Солнце спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна…
(Александр Яшин)

Лунный человек

Но еще более занимательно читать о том, что Солнце и Луна под своей эгидой рождают людей разного типа. Один тип — условно назовем его солнечным — жизнерадостен и деятелен, он

реально смотрит на мир, ему «доступно в мире дело» (К. Аксаков), ибо он «не изнежил данных сил». Совсем иное — лунный человек: он сибарит, вздыхатель и мечтатель.

Солнечный человек — практик, реалист; лунный человек — романтик чистой воды.

Тебя мечтательницы любят,
Луна в далеких небесах!
Свои мечты они голубят
В твоих серебряных лучах.
К тебе, о, робкое светило,
Стремится робкая душа,
С тобой блаженствуя уныло,
Тоскою праздною дыша!
В твоем мерцании пристрастном,
В твоей неверной полумгле -
Все стало призраком неясным,
Виденьем странным на земле.
Гоня везде определенность
И утверждая власть мечты,
Простую жизни откровенность
Сомненьем окружила ты.

Это строки из стихотворения Константина Аксакова «Луна и Солнце», в нем развернута целая мировоззренческая концепция лунного человека. Дальше поэт пишет:

Твой бледный луч какой-то тайной
Весь мир действительно облек,
Всему дал вид необычайный -
Везде загадка иль намек.
Завеса легкого тумана
На все наброшена тобой:
Очарование обмана
Объяло тихо мир земной.
Но нежит он, твой луч холодный,
Лелеет он в ночной тиши
Пустого сердца сон бесплодный
И ложь мечтательной души.

Еще раз прервем стих и скажем: в этом-то вся суть!.. И после такого умного замечания продолжим аксаковскую мысль:

Твоих поклонников довольно,
Довольно в мире, о луна!
Тоски и скорби добровольной,

И лжи, и нравственного сна.
Есть люди: в них все так же зыбко,
В них все загадка иль намек;
В них сердца вечная ошибка;
Дары природы им не в прок.
Мила им область снов неясных
И недоконченных речей,
Иносказаний ежечасных,
Смешенье света и теней.
Мечтам и шуткам бесконечным -
Как будто делу преданы -
Они всю жизнь в просонье вечном
Свои рассказывают сны.

К. Аксаков буквально пригвождает лунного человека за его пассивность, никчемность, созерцательность и, как любили выражаться в эпоху перестройки, за отказ занять активную социальную позицию. Короче, лунный человек — это плохой человек.

Солнцепоклонники

В своем стихотворении Константин Аксаков поет гимн Солнцу:

О, солнце! Враг видений лживых!
И полумрак и полусон
Бегут лучей твоих правдивых!
Весь мир открыт и озарен;
Все смотрит ясно и отрадно,
Нигде ни в чем обмана нет:
Все озаряет беспощадно
Твой, солнце, правосудный свет!

Вот уж поистине Солнце без пятен, как коммунистическая партия в недавние времена. Но не будем отвлекаться. Солнце и Луна предстают как два мира. Луна — это мир обмана и лжи. Солнце — мир радости и надежд.

Что дышит жизнью настоящей,
То встретит с радостным лицом
Твой неподкупный луч блестящий
И новых сил добудет в нем.
И далее:
Тебе, светило правды ясной,
Гремит хвалебный жизни хор.

Упоение Солнцем с присущими ему напористостью и экспрессией выразил Маяковский:

Светить всегда, светить везде,
до дней последних донца,
светить – и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой – и солнца!

И таких солнцепоклонников масса. Вот и Владимир Солоухин объявляет о том, что

Солнце спрятано в каждом!
Надо лишь вовремя вспыхнуть,
Не боясь, что окажется мало
Вселенского в сердце огня.
(«Солнце», 1960)

Но это поэт — ученые к Солнцу относятся иначе. Один из основоположников гелиобиологии Александр Чижевский, которого затравили, назвав «мракобесом», в своей книге «Моя жизнь» пишет:

«Итак, наше солнышко приходит в неистовство 9 раз в столетие. Девять раз, по 2-3 года каждый раз, приступами его охватывают судороги, конвульсии, пароксизмы, и оно посылает в пространство осколки атомного и ядерного распада высоких энергий, мощные фотонные и радиоизлучения… приводят в конвульсивное содрогание: страшные ливни, наводнения, смерчи,

торнадо, ураганы, бури, землетрясения, оползни, вулканическая деятельность, полярные сияния, магнитные и электрические бури, сокрушительные грозы… Все неживое и живое на планете приходит в движение! Все волнуется, включается в общий вихрь волнений, беспокойства и смятения!..»

Вот такой яростный характер показывает порой дневное светило.

Луна – это близко или далеко?

Но Солнце — отдаленная от земли планета. А Луна — ближайшая наша космическая соседка. Среднее расстояние от Земли до Луны 384.400 км. Правда, Луна медленно, но верно отдаляется от Земли со скоростью 1 дюйм (2,54 см) в год. Одни ученые считают, что Луна в соответствии со своим движением скоро упадет на

Землю, а другие — что она, наоборот, улетит от Земли. Сказать однозначно, как будут развиваться события, невозможно, да и в любом случае произойдет это только через несколько миллионов лет. А пока мы соседи. Близкие или дальние?

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.

(Сергей Есенин)

Пусть отраженным лишь блистает светом,

Ну что ж, и до нее ведь не рукой подать!..

(Новелла Матвеева)

Побывав в Америке, на Бродвее, Маяковский в свое время удивлялся:

Дома невозможной длины.

Одни дома – длиною до звезд,

другие – длиной до луны.

И переполненный верой в неограниченные возможности человека, Владимир Владимирович с гордостью декларировал:

Привыкли к миллионам.

Даже до луны расстояние

Советскому человеку кажется чепухой.

По иронии истории не советский человек вступил первым из землян на Луну, а американский — астронавт Нил Армстронг. Случилось это историческое событие 21 июля 1969 года. Уделом Страны Советов были советские автоматические «луноходы», которые бездушно вгрызались в

лунный грунт.

«Взволнован Луны водоем… вторженьем землян, лунохода “клешней”», — писала Новелла Матвеева.

…сбылось!
Поколений великий накат
на две половины Луна рассекла;
одна – воздела к ней пламенный взгляд,
другая – сама к ней дорогу нашла.
Но лунное счастье – на чьей стороне?
Не знаю… Ведь нынешним детям Земли
Приходится жить на доступной Луне.
А мы – недоступную видеть могли.
(Н. Матвеева. «Луна»)

Из чего сделана Луна?

Пока поэты писали о Луне, ученые внимательнейшим образом изучали лунный реголит, доставленный космическими аппаратами «Луна-16» и «Луна-20». Оказалось, что лунный грунт не ядовит: никаких признаков чужих форм жизни. Возраст лунных пород оценивается в 4,5 миллиарда лет. И еще: «Обнаружено тонкодис-

персное металлическое железо, практически не подверженное коррозии, что сулит большой народнохозяйственный эффект» («Московская правда», 14 мая 1987).

Народнохозяйственный эффект? А раньше считалось, что «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается» (Н. Гоголь. «Записки сумасшедшего»).

Князь Петр Вяземский в стихотворении «Русская луна» (1828) отмечал:

Русак, поистине сказать,
Не полуношник, не лунатик:
Не любит ночью наш флегматик
На звезды и луну зевать.
И если в лавках музы русской
Луной торгуют наподхват,
То разве взятой напрокат
Луной немецкой иль французской.

К теме русской, национальной Луны мы еще вернемся, а сейчас поговорим об общей теме.

Луна в XX веке

Двадцатый век изменил представление человека о многих вещах. И это неудивительно. Какие

грозные волны событий прокатились по земле, заставляя людей страдать и корчиться от несчастий и бед! Полыхали бури мировых и локальных войн. Совершались невиданные революции. Устанавливались диктаторские режимы. Возникали концентрационные лагеря. Попирались права человека. Над миром постоянно возникали различные угрозы то ядерной катастрофы, то всемирного голода, то эпидемии СПИДа. Ко всему этому добавилась экологическая опасность: Земля наша отравлена, она задыхается и медленно гибнет… Все это не могло не изменить взгляд человека на природу, и на Луну в частности.

Прежние представления о Луне как о серпе, ладье, зеркальном лике, небесном Пьеро и так далее явно устарели. У Луны вместо традиционного серебряного или золотого ореола появился кровавый отблеск. Луна приобрела новое символическое звучание в образном строе у поэтов XX века.

Месяц в травах точит нож.

(Иннокентий Анненский)

И распускается, как папоротник красный, зловещая луна.

(Максимилиан Волошин)

Октябрь… над ширью иллюзорной
мелькает месяц, будто нож,
и кровью истекает черной
вконец истерзанная ночь.
(Эдуардас Межелайтис)
Луна, как голова, с которой
кровавый скальп содрал закат,
вохрой окрасила просторы
и замутила окна хат.
Потом, расталкивая тучи,
стирая кровь об их бока,
взошла и – желтый и тягучий
погнала луч издалека.
(Владимир Нарбут)

И у него же, у Нарбута, Луна выглядит «саблюкой». Нечто среднее между саблей и гадюкой.

Маяковский пытался героизировать тему Луны:
За кормой лун ища.
Ну и здорово!
Залегла, просторы надвое порвав.
Будто бы навек за собой

из битвы коридоровой
тянет след героя,
светел и кровав.
(«Товарищу Нетте – пароходу и человеку»)

Все эти примеры говорят, что Луна из лирического жанра плавно перешла в трагедию, где бушуют страсти и неудержимо льется кровь.

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина, -
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?
И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!
(Осип Мандельштам)
Луна грозна, во мгле ночной мала,
Она выглядывает из тумана,
Как бы зловещее отверстие ствола
Из детективного романа.
(Семен Липкин)

Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там под нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывет.
(Николай Заболоцкий)
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.
(Анна Ахмдтова.
Из цикла «Реквием»)

Как видим, Луна и свидетель, и участник событий, которые происходят на земле.

Широки просторы. Лунь. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.
(Владимир Луговской.
«Песня о ветре»)

«Месяц комиссарит» — вот так-то! Здесь следует заметить, что в XX веке бурно начался процесс

переосмысления традиционных образов поэзии. Происходит явное снижение, огрубление, обытовление окружающих человека реалий. Эта тенденция коснулась и небесных светил. Примером снижения высокого стал троп Давида Бурлюка «звезды-черви». Подобное можно найти у многих поэтов. Сатириконовец Евгений Горянский сравнивал звезды с мухами, которыми засижено небо, Николай Клюев — с гнидами. Маяковский, обращаясь к звездам, назвал «эти плевочки жемчужинами». Небо, звезды, Луна — все превратилось в нечто низменное и вульгарное.

А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.
(Александр Блок)

Полной эротизма, почти инфернальной предстает Луна в стихотворении латышского поэта Александра Чака «Я и месяц»:

Месяц, ты выкидыш ночи,
Желтый символ страстей.
Вот какой ты нахал -
Бродишь по селам, бродишь по городам,

Круглый и голый, как лысина.

Невежа! Штаны бы надел,

когда лезешь в чужие окна,

Сладострастник, похабник, интриган, холостяк,

Космический Шерлок Холмс.

Ух, как я ненавижу тебя,

Насмешливый, желтый Мефистофель небесной лазури!

Ненавижу за то, что знаешь,

Какой я плохой и какие постыдные страсти

Гнездятся в душе у меня.

Эх, если б мог я сорвать тебя с неба,

Чтобы ты перестал меня мучить!

Ну что тебе?

Сгинь иль избавь от желаний,

которые точат меня,

А в глаза не гляди свысока укоризною…

При таком отношении к небесному светилу Луна перестает быть красавицей, царицей. Она вроде шлюхи. От былого поклонения и восхищения остались только воспоминания,

отчеканенные в строках. Сравнения поэтов стали нарочито жесткими.

Но ветер нес безрадостные вести,

Луна была, как уголь, сожжена.

(Николай Рыленков)

И сумасшедшая луна

В твоих глазах отражена.

(Наталья Крандиевская)

Не то что жизнь прожить, но даже поле

Зачем переходить на красный свет,

Когда луна, кровавая до боли,

Завоет волку искренне в ответ.

(Владимир Глозман. Иерусалим)

Поэты словно решили освободиться наконец-то от лунных чар и перешли от трепетной мечтательности к сухой аналитике, рациональному пониманию законов природы. Не случайно один из манифестов итальянских футуристов назывался «Убьем лунный свет!». То есть отрешимся от остатков романтизма. А один из поэтических сборников носил кричащий заголовок «Дохлая

луна». Короче, хватит лунных сонат и переживаний, связанных с прогулками при лунном свете. Никаких эмоций! Один прагматизм! И Луну – на свалку! – таково веянье нового времени. При подобном подходе к ней Луна быстро обросла прозаическими, грубыми сравнениями, от которых люди прошлого пришли бы в ужас: как можно?!

И когда луна из облаков

Покатилась, как рыбий глаз…

(Николай Тихонов)

По небу звезды блуждали на ощупь

И в темноте на луну натыкались.

(Михаил Светлов)

Плывет луна за мной, как карась,

Не плыви, луна, отвяжись.

Разве знаешь ты, сколько раз

Начинал я новую жизнь.

(Николай Глазков)

В XX веке Луна выглядит крайне неприглядно. В одном из стихотворений Цветаевой она появляется в «винном облаке».

В окне – фигуры ветел,
Обрызганных луной.
Звенит осенний ветер
Минорною струной.
Но я не вспоминаю
Давнишнего, Луна!
Я в рюмку наливаю
Дешевого вина.

Но это все же мягко, лирично. В одной из разухабистых песен выражена грубая претензия, правда, непонятно к кому — к Луне или Земле:

Дрын дубовый я достану,
Всех чертей калечить стану:
Отчего нет водки на луне?!
Водка, пиво, стало быть, и закусочка нужна:
Луна выплывала воблою вяленой…
(Вадим Шершеневич)
Вот такое вульгарное снижение небесного светила.
Старый месяц! твой диск искривленный

Мне сегодня противен и гадок.
(Саша Черный)

После Саши Черного поэты обращались с Луною все хуже и хуже. Вот маленькое стихотворение современного поэта Владимира Теплякова из Риги (ЛГ 15 апреля 1998):

Во рту горчит.
Луна торчит
Там, где положено по чину.
– Вам ветчину или дивчину?
– Спасибо, сыт.
Домой не ждут.
Ботинки жмут.
И жизнь, похоже, тесновата…
Да и в ушах – как будто вата
И там, и тут.
Вот и луна -
на всех одна.
В нее смотрелась Нефертити…
– Так вы чего-нибудь хотите?
– Идите на…

Не планета, а планетка, не царица, а обмылок

Бедная Луна!.. Где былое почтение к ней? Куда исчезло любование? Где трепет? Где восторг?.. Все ушло. Все кануло. Изменился мир. Изменились критерии красоты.

В судьбу походную влюбленный,
Не в фото, где луна у скал,
В казарме, густо населенной,
Я честно красоту искал.
(Евгений Винокуров)

Луна у скал — это что-то устаревшее, вымершее, как мамонт. Совсем другое дело — казарма. Современно и свежо!.. Что касается Луны, то с ней поэты стали обращаться весьма небрежно, как с каким-нибудь предметом быта.

Когда я ошибкой перо окуну,
Минуя чернильницу, рядом, в луну…
(Мария Петровых)

Конечно, это поэтическое допущение, но все же весьма симптоматичное, в духе времени. Всего полшага — и уже фамильярность.

А вот луна: взаймы берет у солнца веч-

но!

Планетка так себе… не правда ли – пустяк?

(Новелла Матвеева)

Маленькое утешение: хоть планетка. У той же поэтессы есть совсем уже сниженный образ ночного светила:

В садах рассвет. Луна, на нет сведенная,

Слабеет – тонущим обмылком голубым.

От царицы до обмылка — дистанция!.. У другой современной поэтессы, Юнны Мориц, Луна — не космическое тело, а нечто бутафорское, игрушечное, вроде елочного реквизита:

Прекрасные сласти

Давали в саду:

Соблазны и страсти,

Луну и звезду.

Впрочем, еще задолго до Юнны Мориц, в 1913 году, Вадим Шершеневич изощрялся на свой лад:

Вы вчера мне вставили луну в петлицу

Оборвав предварительно пару увядших лучей

И несколько лунных ресниц у

Меня зажелтело на плече.

Разумеется, все это поэтические шуточки, лирические примочки и придумочки. И все же, и все же… Ясно одно: Луна перестала быть загадкой для людей, потеряла своей ореол таинственности и соответственно перестала быть неопознанным поэтическим объектом.

А за окном, в разделе «Разное»,

Висит луна четырехфазная.

Видны сквозь дырки в занавеске

Ее обломки и обрезки.

(Дм. Пригов)

И как хорошо, что не все современные поэты подались в новаторы лунных образов, остались среди них и традиционалисты, которые воспринимают ночное светило без эпатирующих новаций, скромно и тихо, без особых метафорических изысков:

Была туманная луна,

И были нежные березы.

(Давид Самойлов)

Под луной этой светлой и быстрой

Мне еще становилось грустней.

(Николай Рубцов)

Я люблю эти желтые ночи…

…И медлительный звон листопада,

И медальную эту луну.

(Игорь Жданов)

Газета «МК» регулярно проводит «турнир поэтов». Вот один из них — 16 июня 1997 года. 17-летняя консерваторка Настя Метельская:

Луна и свечи

Поцелуй

Обнаженные плечи…

Анатолий Мартынов, поэт из Петербурга, парапсихолог:

Богиня ночи лунной,

Откуда ты, скажи?

Луна рукою рунной

Считает этажи…

Стало быть, все же богиня, а не обмылок. И это приятно. Успокаивающе приятно, по крайней

мере для меня как автора данной лунной мини-энциклопедии.

Луна в творчестве Пушкина

Непосильная, почти сизифова задача — узнать, как преломляется образ Луны в творчестве знаменитых поэтов. И все же рискнем сделать беглую выборку.

Начнем с Александра Пушкина, с солнца российской поэзии. Как утверждают пушкинисты, поэт 143 раза употребил слово «луна» в своих произведениях. Вот лишь некоторые извлечения:

И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы.
(«Евгений Онегин»)
Текут беседы в тишине;
Луна плывет в ночном тумане;
И вдруг пред ними на коне
Черкес…
(«Кавказский пленник»)
Затихло все, теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,

И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.
(«Братья разбойники»)
Огни везде погашены,
Спокойно все: луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
(«Цыганы»)
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела…
(«Зимнее утро»)

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничился описанием лишь живописных функций Луны. У Пушкина Луна играет и мистическую роль: она связана с жизнью таинственных русалок:

Веселою толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем,
Нас греет луна.
(«Русалка»)

Пушкин обыгрывает и библейский мотив скоротечности временного потока:

Гусар! Все тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века.
(«Усы. Философическая ода», 1816)

С легкой иронией от имени Поэта говорит Александр Сергеевич о значении Луны в жизни молодых и влюбленных пар:

Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду…
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

Кажется, что этим пассажем Пушкин расставляет все по своим местам. Романтическая увлеченность в молодости — это одно; а разумная зрелость — увы, другое. А раз так, то не все ли

равно,

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
(«Полтава»)

Луна у Тютчева и у поэтов Серебряного века

Если брать творчество Тютчева, то в его почти космической поэзии можно найти множество звезд, но вот Луна почти не фигурирует. Может быть, Тютчев сознательно не хотел видеть и очаровываться ее красивым сиянием?.. Его душевному настрою было ближе что-то мрачное?

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.

Наоборот, у Бунина в его стихах всегда появляются Луна или Месяц и создают сразу особый эмоциональный фон, вызывая определенное настроение.

Серп луны под тучей длинной
Льет полночный слабый свет.
Над безмолвною долиной -
Темной церкви силуэт…
Серп луны в просветах тучи

С грустью тихою глядит,
Над ветвями ив плакучих
Тускло воду золотит.
И в реке, среди глубокой
Предрассветной тишины
Замирает одинокий
Золотой двойник луны.
(1887)

Какие прекрасные лунные картины рисует Иван Алексеевич! Какие маленькие поэтические шедевры создает!

Луна еще прозрачна и бледна,
Чуть розовеет пепел небосклона,
И золотится берег. Уж видна
Тень кипариса у балкона.
Пойдем к обрывам. Млеющей волной
Вода переливается и вскоре
Из края в край под золотой луной
Затеплится и засияет в море…
… И будут в лунном свете фонари
Глазами утомленными казаться.
(1906)

У Бунина можно найти различные описания Луны: «желтая Луна», «холодная луна», «бледная высокая луна», «лунный лик», «круг зеркально-золотой», «умирающий в золоте месяц», «серпа зеленоватое пятно» и т. д.

С философской печалью взирает Бунин на ночное светило:

Катится диском золотым
Луна в провалы черной тучи,
И тает в ней, и льет сквозь дым
Свой блеск на каменные кручи.
Но погляди на небосклон:
Луна стоит, а дым мелькает…
Не Время в вечность убегает,
А нашей жизни бледный сон!

В поэзии Александра Блока, как и у Бунина, образ Луны встречается довольно часто.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни…

В блоковских стихах ночное светило выступает чаще всего не в роли живописного украшения, а скорее в трагическом образе:

Месяц, как паяц, над кровлями громад,

Гримасу корчит мне.

Или возьмем «Незнакомку»:

А в небе, ко всему приученный,

Бессмысленно кривится диск.

Большой поклонник Луны — Валерий Брюсов. У него в стихах содержится целая россыпь лунных образов — от «лазоревой луны» до «лунного щита». Поэт психологически тяготеет к Луне (лунный человек?):

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волненье,

Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!..

И в этом же стихотворении «Одиночество» дальше следуют такие строки:

Затихает вдали упоенный ропот отлива,

На волнах потухает змеиностей лунных игра.

«Змеиностей лунных игра» — не единственная находка Брюсова. Отметим, что Луны у Брюсова бывают самые разнообразные: свободные и подневольные, радостные и печальные, земные и

инопланетные:

С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;

В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком

Выкрики газетчиков и щелканье бичей.

Лили свет безжалостный прикованные луны,

Луны, сотворенные владыками естеств.

В этом свете, в этом гуле – души были юны,

Души опьяневших, пьяных городом существ.

(«Конь Блед», 1903-1904)

«Луны алые» и Луны, горящие электричеством, — слабость Брюсова, недаром он признается:

Ты замолчала, милая, и я давно молчу:

Мы преданы вечерней мгле и лунному лучу.

(«В лодке»)

Если следовать небесной классификации характеров, то Константин Бальмонт, как и Брюсов,

— лунный человек. У Бальмонта можно найти множество обращений к Луне. Для него она — «красавица тоски беспеременной, верховная владычица печали».

Ты мне была сестрой,
то нежною, то страстной,
И я тебя любил,
и я тебя люблю.
Ты призрак дорогой…
бледнеющий… неясный…
О, в этот час
я о тебе скорблю!
(«Печаль луны»)

Луна выступает у Бальмонта как прибежище для тех, кто устал от борьбы, кто надломлен страданиями.

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным…
… Впиваю это бледное сиянье,

Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.
Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся земля в борьбе своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.
(Из цикла «Под северным небом», 1894)

Как отнестись к сказанному Бальмонтом? Как к философии эгоцентризма… упадка… к показному эстетству… поэтическому трюкачеству? Можно, конечно, и так. Но у Бальмонта есть объяснение своей привязанности к ночной планете, совсем простенькое, без вычур, под названием «Лунный ковер»:

Она спросила прихотливо:
«Зачем ты любишь так луну?»
Я отвечал: «Она красива.
И так бывало в старину,
Что все влюбленные – влюблялись
И в ту, чьим сердцем расцветались,
И вместе с ней еще в луну».

Еще один романтик и еще один «серебрист» — Георгий Иванов. У него Луна чуть не в каждой третьей строчке.

Скоро смолкнет шум неясный,
В тишине поля уснут…
И утонет месяц красный,
Не осилив звездных пут.

У Георгия Иванова Луна все время куда-то падает: «Луна упала в бездну ночи…», «На портьер зеленый бархат луч луны упал косой…» И Луна постоянно что- то напоминает поэту:

Мне сладок этот вечер длинный,
Светло-зеленый блеск луны,
Всплывают в памяти картины
Невозвратимой старины.
Нет! То не зыбко задрожала
В высоком зеркале луна:
Екатерининская зала
Тенями прошлого полна.

Или другие картинки вспоминаются:

Из облака, из пены розоватой,
Зеленой кровью чуть оживлены,
Сады неведомого халифата
Виднеются в сиянии луны.

Никто теперь так не напишет, как Георгий

Иванов. Закончился Серебряный век. И что?!

Деревья жалобно шумят, луна
Напоминает бледный диск камеи,
И эхо повторяет имена
Елизаветы или Саломеи…

Горько? Но Георгий Иванов находит единственное утешение в этом стихотворении, написанном в 1920 году:

И снова землю я люблю за то,
Что так торжественны лучи заката,
Что легкой кистью Антуан Ватто
Коснулся сердца моего когда-то.

От Сергея Есенина до Юнны Мориц

Блок, Брюсов, Бальмонт, Георгий Иванов — певцы города, типичные урбанисты с городскими наваждениями, страхами и комплексами, ну и, конечно, с изощренной эстетической памятью. Совсем иной закваски Сергей Есенин, поэт крестьянский, сельский. В его поэтическом мире Луна так же естественна, как лошадь и плуг. И он, наверное, страшно бы удивился, доживи до наших дней и узнав от адептов общества «Память», что Луна — знак покровительства над иудеями.

К счастью, Есенин этого не знал, и Луна для него — всего лишь явление природы, а не какой- то мессианский знак. Жизнь Сергей Есенина — самый обычный, извечный круг бытия.

Жить – так жить, любить – так уж влюбляться.

В лунном золоте целуйся и гуляй.

Только вот в этом круге непременно за радостью следует грусть:

«Отчего луна так светит грустно?» -

У цветов спросил я в тихой чаще.

С годами меняется у поэта отношение к Луне, он сетует, что ночное светило стало менее благосклонно к нему:

Я помню осенние ночи,

Березовый шорох теней,

Пусть дни тогда были короче,

Луна нам светила длинней.

В юности, как известно, все иначе — хмельнее, веселее, отчаянней:

Вечером синим, вечером лунным,

Был я когда-то красивым и юным.

Но ушла юность, отшумела. И что же? Что же видим кругом? Природа как будто стареет вместе с нами: «Неуютная жидкая лунность». Естественно, все это очень печалит.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит… черт знает как?
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

И т. д. Есенинскую луниаду можно разворачивать и дальше. Честно говоря, нет ни времени, ни сил пролистать книги других крестьянских поэтов — Клюева, Клычкова, Орешина — и вспомнить, как они строили свои отношения с Луной. Вот лишь отрывочек из Сергея Клычкова:

Всему пора, всему свой час -
И доброму, и злому…
И пусть луны лукавый глаз
Кривится из-за дома!
Вспомним хотя бы одну строчку из Николая Гумилева:
Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя.

Раз Гумилев, значит, и Ахматова. В декабре 1944

года Анна Андреевна написала такие строки:

Явление луны
Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, -
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

«Эти стихи ташкентские, хотя и написаны в Ленинграде», — сделала приписку Ахматова.

Вспомним и Игоря Северянина. Он тоже поклонник и любитель Луны. У него Луна вовлечена в игру слов, в фейерверк сравнений. И еще Северянин обожал новообразования, прихотливо отпочковывая от Луны новые существительные и глаголы: «лунеет», «лунь лимонных рощ» и т. д.

Плачут сирени под лунный рефрен.
Очи хохочут несчастных сирен.
Лунные плены былинной волны.
Сонные сонмы весенней луны.
(«Сонмы весенние», 1909)

Поздний, зрелый Игорь Северянин, поэт эмигрантской поры, строг. Луна для него уже не

поэтическая игрушка, а космический спутник печального и страдающего поэта:

И весь вечер – без слов, без надежд,

без мечты, без желанья,

Машинально смотря, как выходит из моря луна

И блуждает мой друг по октябрьской мерзлой поляне,

Тщетно силясь в тоске мне помочь, – я стою у окна.

(«Серебряная соната», 1925)

Из современных поэтов — и то кратко — коснемся лишь двух, двух женщин, верных образу Луны, — Беллы Ахмадулиной и Юнны Мориц.

У Ахмадулиной образы «ночью лунной» и «лунный свет» органично вплетены в поэтическую ткань. Для нее Луна — обязательная данность.

Я шла домой и до рассвета

Зрачок держала на луне.

В другом стихотворении Белла признается:

Я в местной луне поначалу своей

Луны не узнала, да сжалилась лун-

ность.

И свойски зависла меж черных ветвей -

Так ей приглянулась столь смелая глупость.

Как видим, Луна для поэтессы — живое, осязаемое существо, и не важно, своя или местная. Или скажем по-другому: Луна — это параллель второго существования Ахмадулиной, бытие в какой-то иной сфере.

С луной разделив ее труд и мытарство,

Последним усильем свечу загашу

И слепо тащусь в направленье матраца.

За горизонт бытия захожу.

(«Луна в Тарусе»)

И совсем категорично звучит такое заявление:

Ни с кем моей луной не поделюсь,

Да и она другого не полюбит.

То есть Луна-однолюбка. Тоже интересный вариант!.. От Ахмадулиной перейдем к Юнне Мориц. В ее поэзии Луна тоже частая гостья, правда, без всякой страстной влюбленности и без

претензии, что никогда не полюбит другого, как у Беллы. Ночное светило у Юнны скорее выполняет роль яркого пятна во вселенском пейзаже.

Ночью будут холода.
В синем сумраке окна
Намечается звезда,
Намечается луна.

У Мориц есть и «огромно-красно-ликая луна», и «лунный ливень», и «лунность яблока и розы, погружаясь в лунный глаз», и много других интересных лунных образов. Вообще, Юнна Мориц любит поэкспериментировать с Луной и ее отражением на реальных предметах:

Зелень яблок в лунном свете,
Зелень яблок с бликом лунным,
Лунный луч – в любом предмете,
То в стеклянном, то в чугунном.
Полнолунная дорога,
Лунный камень на дороге,
Лунный круг в моем чертоге,
Где любовных лун так много:
Там я вижу лунность луга,
Лоб младенца, лиру друга,

Тень отца в тисках недуга,
Музы грудь – два лунных круга…
Имперская Луна
Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Анна Ахматова, 1940

Кажется, с поэтами мы более или менее разобрались. Пора вернуться к обещанной теме: русская Луна. Хотя, честно говоря, меня самого гложет мысль: может ли быть именно русская Луна? У патриотов-почвенни- ков-государственников может быть, конечно, все: русская идея, русская Луна… Еще они любят произносить слова «наша» и «не наша». Что-то для них очень родное, а что-то неприемлемо чужое. Известный писатель Лу Синь высмеивал своих патриотов-соотечественников, для которых заграничная Луна мельче, чем в Китае.

И все же есть, наверное, русская Луна. Не сама, конечно, Луна, а ассоциации, связанные с ней. Если можно так выразиться: русский подтекст лунного текста. Достаточно вспомнить «Опыт ностальгии» Александра Галича:

Мы с каждым мгновеньем бессильней,
Хоть наша вина не вина.
Над блочно-панельной Россией,
Как лагерный номер – луна.

Об этом написана не одна книга. Упомянем «Хвост пчелы» А. Каддисона, «Русская Селена» Дэвида Линча, «Историю советской фантастики» Рустама Каца и некоторые другие.

Как замечает критик Вячеслав Курицын, коммунисты России были больны двумя высокими болезнями: собственно построением коммунизма (мечта хрустальная) и покорением Луны (мечта голубая). Если в дореволюционной России поэты и сочинители (от Хомякова до Розанова) лишь грезили о Луне, то в Советском Союзе о ней думали как о практическом деле покорения нашего спутника, причем с таким расчетом, чтобы опередить американцев. Но лунную гонку СССР с треском проиграл более богатой и прагматичной Америке. Проиграв, Кремль решил: полет на Луну нас больше не волнует. А ведь волновал, и как волновал!..

…17 января 1921 года В. И. Ленин опубликовал в «Известиях ВЦИК» рецензию на роман А. Обольяни- нова «Красная Луна» под названием

«Полезная книжка!». 18 января наркоминдел Чичерин, находившийся в то время в Париже, получает из Москвы секретную телефонограмму. А уже через два дня сообщает, что известный прозаик граф Обольянинов, эмигрировавший после революции, согласен вернуться в Советскую Россию. Так был найден «советский Жюль Верн», столь необходимый, чтобы «сделать литературу художественным эквивалентом мечты о светлом Завтра».

Вышеприведенная история — плод фантазии Рустама Каца, но эта фантазия весьма приближена к жизни: ведь «Красная Луна» Обольянинова очень смахивает на «Аэлиту» графа Толстого, и, по свидетельству Осипа Брика и Константина Циолковского, в 20-30-е годы существовало литературное объединение «Красный Селенит», которое активно разрабатывало лунную тему.

Из манифеста «селенитов»: «Луна — зримый символ Вселенной, достижение Луны и овладение ее богатствами — вековая мечта человечества, научный метод и прогноз сделают пролетариат хозяином как Земли, так и ее ближайшего спутника».

Небывальщина? Господи, вся советская история — сплошная небывальщина. «И невозможное воз-

можно в стране возможностей больших», — как однажды написал Игорь Северянин, опьяненный февральской революцией. А уж после Октября!.. Короче, лунная утопия активно разрабатывалась в Стране Советов. Луна рассматривалась как символ победившего социализма и оборонного могущества СССР. Народ-чудотворец не оставил без внимания лунную тему:

На Луне, Луне, Лунище
Мы построили колхоз.
Нет ни воздуха, ни пищи,
Половой стоит вопрос.

Космическая программа Хрущева кое-кого даже разочаровала, вроде бы и Луну уже освоили («Нам нет преград ни в море, ни на суше…»). Один крестьянин заявил: «При товарище Сталине мы на Луну летали и гарнизон там держали, а лысый дурак только шарики и дворняжек в небо запускает…» Вот какая была раньше вера крепкая: мы все могем!..

Подробно описывать советскую лунную гореодиссею не входит в мою задачу (19 марта 1995 года в МК была опубликована статья «Закатившаяся луна» именно на эту тему). Лишь отмечу, что все началось с апреля 1956 года, когда Сер-

гей Королев выступил на Президиуме АН СССР с заявлением: «Полет на Луну и обратно являе'тся (реальной задачей». Тот же Королев увлек лунным проектом Хрущева. В августе 1964-го вышло правительственное постановление «О работах по исследованию Луны и космического пространства». Собирались запустить корабль «Луна-1», но не получилось. А вот у американцев вышло замечательно, и их астронавты совершили впервые в истории человечества несколько прогулок по лунной поверхности. Мы еще побарахтались со своими лунными прожектами, а в мае 1974 года все эти надежды накрылись лаптем, как выражается простой народ. Лунный проект свернули. Имперская луна потухла, не успев разгореться.

Вскорости рухнула и великая советская империя. К власти пришел молодой реформатор. Нагнал волну, корабль и опрокинулся. В мае 1990 года ленинградская поэтесса (город еще не переименовали) Елена Шварц написала стихотворение под заголовком «Заплачка консервативно настроенного лунатика». В феврале 1991-го оно появилось в газете «Невское время», а 2 марта его перепечатала в Москве «Независимая газета». Вот она, эта «Заплачка»:

О, какой бы позорной мне перед вами

ни слыти,

Но хочу я в Империи жити.

О родина милая, Родина драгая,

Ножичком тебя порезали, ты дрожишь нагая.

Еще в колыбели, едва улыбнулася Музе -

А уж рада была – что в Советском Союзе.

Я ведь привыкла – чтобы на юге, в печах

Пели и в пятки мне дули узбек и казах

И чтобы справа валялся Сибири истрепанный мех,

Ридна Украйна, Камчатка – не упомянешь их всех.

Без Сахалина не жить, а рыдайте наигорчайше -

Это ведь кровное все, телесное наше!

Для того ли варили казаки кулеш из бухарских песков,

Чтобы теперь выскребали его из костей мертвецов?

Я боюсь, что советская наша Луна

Отделиться захочет – другими увле-

чена,

И съежится вся потемневшая наша страна.

А ведь царь, наш отец, посылал за полками полки -

На Луну шли драгуны, летели уланы, кралися стрелки,

И Луну притащили для нас на аркане,

На лунянках женились тогда россияне.

Там селения наши, кладбища, была она в нашем плененьи,

А теперь – на таможне они будут брать за одно посмотренье.

Что же делать лунатикам русским тогда – вам и мне?

Вспоминая Россию, вспоминать о Луне.

«Заплачка» Елены Шварц настолько выразительна, что не требует никаких комментариев.

Луна в прозе

Задумчивое и таинственное светило, тусклое ночное солнце, одиноко блуждающее по безмолвному небесному своду, Луна во все времена и у всех народов в особенности привлекала к себе

человеческие взоры и мысли.

Камиль Фламмарион, французский астроном (1842-1925)

О Луне писали все: поэты и писатели, ученые и философы.

«Впервые, если я не ошибаюсь, о Луне, как об ином мире, написал Гомер, — вспоминает Еремей Парнов (ЛГ, 22 апреля 1987). — В одной из своих песней он смело забрасывает Одиссея на Луну. Точнее говоря, огромная морская волна вздымает корабль вверх, и он оказывается на Луне. Образно говоря, это был первый космический эксперимент в литературе. Второй космический «проект» принадлежит Лукиану Самосскому. Это уже была «чистая» научная фантастика. Лукиан подробно описал чертоги лунного царя и даже некий прообраз телевизора, с помощью которого можно увидеть все, происходящее в мире. Потом многие «летали» в космос: Сирано де Бержерак, Томас Гол- двин, наконец, наши общие учителя Жюль Верн и Герберт Уэллс. Были бы мы сейчас на Луне без их провидческого зова? Любимой книгой Циолковского был роман “Из пушки на Луну”».

Дополним Еремея Парнова. Многие писатели намеренно и горделиво выносили Луну в заголо-

вок своих книг. Вот неполный перечень:

Сирано де Бержерак. «Иной свет, или Государства в империи Луны»

Мизаль. «Секреты Луны»

Жан Бодуэн. «Человек на Луне»

Ж. Ле-Фор, А. Графиньи. «Путешествие на Луну»
Жюль Верн. «Из пушки на Луну» и «Вокруг Луны»
Герберт Уэллс. «Первые люди на Луне»

Сомерсет Моэм. «Луна и грош»

Константин Гамсахурдиа. «Похищение Луны»

Сергей Малашкин. «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь»

Борис Пильняк. «Повесть непогашенной луны»
Приведем попутно цитату из Пильняка:

«…в этот час над городом, над лужами, над домами поднялась не нужная городу луна; облака шли очень поспешно, и казалось, что луна испугана, торопится, бежит, прыгает, чтобы куда-то поспеть, куда-то не опоздать, белая луна в синих облаках и в черных провалах неба».

Создано множество рассказов на лунную тему: «Улица в лунном свете» Стефана Цвейга, «Лунная сырость» Алексея Толстого, «Лунная бомба» Андрея Платонова и т. д. и т. п.

В 1975 году издательство «Молодая гвардия» выпустило целую антологию «Лунариум» с вы-

держками из сочинений Ньютона, Кеплера, Лапласа и других ученых и писателей. Извлечем из «Лунариума» высказывание Камиля Фламмариона: «Эта милая Луна подвергалась всем превратностям людского мнения, словно бы она была политической личностью» («Популярная астрономия»).

Это уж точно. Как говорит Отелло у Шекспира:

Всему виной луна. Она, как видно,
Не в меру близко подошла к Земле
и сводит всех с ума.
(«Отелло», акт III, сцена 2)

Но это опять стихи. Вернемся к прозе и приведем несколько цитат.

«Месяц величаво поднялся на небе посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа».

(Николай Гоголь. «Ночь перед Рождеством»)

«Лужин стоял на балкончике своей комнаты, глядел на луну, которая, дрожа, выпутывалась из черной листвы…»

(Владимир Набоков. «Защита Лужина»)

«Мы сидели за столом, освещенным только уличными фонарями и большой и спелой желтой луной…»

(Константин Паустовский. «Итальянские записки»)

«Вслед за вагоном высоко в небе, перепрыгивая через рваные лохмотья туч, бежала луна…»

(Николай Шмелев. «Пашков дом»)

«…а не слетать ли им, скажем, на Луну, там жмыху полно…»

(Анатолий Приставкин. «Ночева/га тучка золотая»)

«Беззвучно и сильно прорвалась сквозь тучу луна каким-то нависшим ломтем…»

(Андрей Битов. «Человек в пейзаже»)

Но все это отдельные фразы, осколочки текста, где действует на краткий миг Луна или идет упоминание о ней, а существует роман, где месяц — цыганское солнышко является главным героем.

Это роман Сергея Клычкова «Чертухинский балакирь».

В статье «Лунные туманы», посвященной творчеству Клычкова, Александр Воронский писал: месяцу «писатель посвятил лучшие свои страницы… Месяц у Клычкова гордится, что светел и высок, во всю мочь он обливает еловые ветви; выплывает, как от хорошего токаря, бьет и сыплет зеленое золото; по утрам, когда садится в чащобу,

у него расплывается лицо; он плывет, как дорогая корона; золото-зеленой куделью развешивает он свой свет по облакам, повиснув в тумане; а вот он, русоголовый, нагнулся, глаза у него закрыты, губы словно что шепчут сквозь утренний сон; вот дразнится он языком, и нарисован на нем — это доподлинно известно писателю от Антютика — не кто иной, как мужик Иван Ленивый, ему черт за безделье оторвал голову, и катится она с тех пор по поднебесью; горит свечой его свет в заячьих лапах, качается месяц на мачтовой сосне, как золотой фонарь на корабле, рассыпается зайчиками по дороге по лесу, — всего о нем не расскажешь.

Но больше всего он колдует, ворожит, усыпляет. Свет его мешается с дубенскими туманами — а они плывут и плывут без конца и без края, — и в этих лунных чарах странно преображается жизнь, простое, трудовое деревенское житье-бытье в лесной сторонке развертывается в чудесную древнюю сагу, теряет ясную дневную видимость, небывалые приключения происходят с балакирем, со Спиридоном, с Феклушей, с Машей, все становится как бы вверх ногами, оборачивается новым, незримым, потусторонним ликом, — полуночная лунная явь уводит в царство теней,

призраков, раскрывается невиданная, сверхчувственная тайнопись вещей, и в колдовских лунных полуснах сладостно бродит писатель, держа за руку читателя, забывая о дневном свете, о настоящей неприкрашенной правде, и, чтобы лучше не видеть ее, он лукаво мешает быль с новыми вымыслами.

И как благодарен месяцу писатель за этот увод от жизненной скверны и повседневщины! Какой мощный, пламенный, прекрасный и сердечный гимн слагает он лунному чародею!

“Ой же, ты, месяц, цыганское солнышко!..

Все кошки при тебе серы! Все девки красивы, каждый молодец — образец… Любит тебя серый мужик, потому что под тобой можно поспать, можно руки и ноги хорошенько расправить, до утра прогрезить и обо всем на свете забыть!

При месяце много пригожей жена, и мурцовка ввечеру вдвое вкуснее, при месяце на каждом крылечке словно резьба по застрешке, под месяцем и нечистая сила виляет хвостом возле мужицкой избы в виде блудливой собаки” (С. Клычков).

Легче спать, легче грезить! — вот почему главный герой в романе не солнце, а месяц. Солнце разгоняет лунные туманы, при солнце нужно

работать, добывать, оно не дает забывать все на свете.

Как же это случилось: в наши дни писатель, ратующий за мужиков, со знанием дела повествующий о тюрях и мурцовках, свое внимание сосредоточил не на том, что делают или делали мужики при дневном свете, а на том, что грезится в лунных туманах? Почему он крестьянское солнышко сменил на лунную ворожбу, почему он ищет забвения в лунных очарованиях?» — так вопрошал писателя Клычкова критик Воронский.

Почему?.. Кто ответит? Ответить мог Сергей Клычков, но в лихие сталинские времена он был признан врагом народа. Уж не за лунные ли свои миражи? Нет ответа. Условно ответом можно считать строки Варлама Шаламова, тоже хлебнувшего горя, но чудом выжившего в ГУЛАГе:

Видишь – дрогнули чернила,
Значит, нынче не до сна.
Это – с неба уронила
Счастья капельку луна.
И в могучем, суеверном
Обожаньи тех начал,
Что стучат уставом мерным

В жестких жилах по ночам.
Только самое больное
Я в руках сейчас держу.
Все земное, все дневное
Крепко буквами вяжу.

Луна в кино и в песнях

Луну в поэзии и в прозе мы уже «прошли» в нашем лунном классе. А как насчет театра? Наверняка и в театральных спектаклях фигурировало ночное светило, но, к сожалению, информации на этот счет у меня нет. Известно лишь, что лучшую роль на римской сцене Марчелло Мастроянни сыграл именно в пьесе «Наследие луны». В Москве совсем недавно возник театр Луны, руководит им Сергей Проханов. Сведений о кино поболее.

По роману Эрманио Кавадзони «Поэма лунатиков» Федерико Феллини снял один из последних своих фильмов — «Голос Луны» (1990). Следует отметить, что Луна — объект весьма кинематографический, недаром она даже обыграна в названиях многих кинофильмов. Вот неполный список:

«Путешествие на Луну» (Франция, 1902, реж.

Жорж Мельес)

«Лунный свет» (Россия, 1916, реж. Владимир Гардин)

«Луна слева» (Россия, 1929, реж. Александр Иванов — по пьесе Билль-Белоцерковского о революционных событиях)

«Луна и шестипенсовик» (США, 1942)

«Луна в тумане» (Япония, 1953)

«Луна над рекой» (Чехословакия, 1953)

«Луна голубая» (США, 1953)

«Луна не взошла» (Япония, 1954)

«Лунатики» (Польша, 1960)

«Лунная ночь» (Венгрия, 1969)

«Луна» (Италия, 1979)

«Лунатик» (США, 1987)

«Очарование луной» (США, 1987

«Луна над Парадором» (США, 1988)

«Слияние двух лун» (США, 1988)

«Бывают дни, бывают луны» (Франция, 1990). Добавим к этому списку мультсериал «Сейлор мун» («Луна в матроске») — 1996 год.

Луна в песнях и романсах? Превеликое множество примеров. Поэтому ограничимся и назовем альбом «Dark Side of the Moon» («Темная сторона Луны») знаменитой группы «Пинк Флойд», выпущенный в 1973 году и не покидавший списки

хитов в течение 15 лет. Отечественные песни — всего лишь один пример:

Мне однажды луна зацепилась за голову

И оставила след в голове…

Вместо комментария остается хмыкнуть: нда…

Перспективы Луны, туризм и прочее

Луна уходит от нас. 4,6 миллиарда лет назад ее диск на небосклоне был в 6 раз больше. С тех пор расстояние между двумя «сестрами» растет: Луна удаляется от нас, тем самым замедляя вращение Земли, правда, всего лишь на две миллионные доли секунды в сто лет. Есть разные проекты повлиять на Луну. К примеру, один американский профессор из университета штата Айова предложил произвести коррекцию наклона земной оси. Второе его предложение: создать вторую Луну для того, чтобы уравновесить нашу планету и создать одинаковый умеренный климат. Чего только не придумают!..

США готовятся ко второму открытию Луны. Реализация нового проекта намечена на 2004 год. Луна — как 51-й штат Америки? Готовятся к походу на Луну и китайцы, не говоря уже о японцах.

Всех привлекает ценнейший изотоп гелия: если его добывать на Луне и доставлять на Землю, то наша планета будет спасена от энергетического кризиса. Но не только сырье. Ученые все больше приходят к выводу, что на Луне можно жить. Радар межпланетного американского зонда «Клементина» обнаружил «пруд» замерзшей воды на дне гигантского кратера в районе южного полюса Луны, куда никогда не попадает солнечный свет и где вечно царят фантастически низкие температуры. А раз есть вода, то…

Когда-то академик Сергей Королев в шутку заметил, что наступит час, когда в космос будут летать по профсоюзным путевкам. Кстати говоря, еще в 1927 году в Москве на Тверской улице, на малоизвестной ныне первой в мире международной выставке космических аппаратов, проводилась запись желающих лететь в космос. На то, что это утопия, никто не обращал внимания. Но утопии имеют свойство сбываться. Солидная американская фирма «Рэнд корпорейшн» опубликовала такой график космических достижений:

2020 — 2030 — начало колонизации Луны и космического пространства;

2030 — первый пилотируемый полет к Юпитеру;

2040 — начало полетов в пределах Солнечной системы;

2055 — первый пилотируемый полет к границам Солнечной системы.

Итак, впору запасаться билетами на космический рейс «Земля-Луна-Земля». Для начала…

Но человек нетерпелив. И к тому же предприимчив, не наш, конечно, а американский. Некий Деннис Хоуп, оказывается, уже не первый год занимается уникальным бизнесом: торгует участками на Луне. Хоуп открыл Лунное посольство (Lunar Ambassy) и через него предлагает распродажу лунной «земли». Изучив лунные карты, Деннис Хоуп определил 3 112 002 делянки, по 1800 акров каждая, и… дело пошло. Места на космическом светиле в первую очередь купили светила земные, а точнее, кинозвезды: Джон Траволта, Том Круз, Николь Кидман… Не остались в стороне от лунной затеи и экс-президенты США Рональд Рейган и Джимми Картер.

Короче, купи себе немножко Луны!..

Есть и еще экзотические проект: лунный колумбарий. Так сказать, пусть Луна вам будет пухом!..

Нда, фантазии людей беспредельны.

Эпилог под Луной

Ну и чем завершить наше лунно-лирическое повествование? Очевидно, тем, что мир наш постоянно усложняется, технологически совершенствуется, почти любая фантастика превращается в реальность. Не меняется, пожалуй, только сам Человек да Луна в небе. Ну и Солнце, конечно. Заметим: если Солнце больше влияет на физическое состояние человека, то Луна — на его психику. Лунные ритмы чрезвычайно важны для живого организма. Даже обыкновенный суточный режим, по мнению ученых, — не солнечный, а лунный, ибо доказано: биологические часы человека «заведены» не на 24, а на 24 часа 48-50 минут, что соответствует лунным суткам (от одного до другого восхода Луны). Известный маг граф Калиостро даже составил лунный календарь, в котором определил в зависимости от положения Луны состояние человека, какой день для него счастливый, какой нет; какой день принесет удачу, а какой неудачу и т. д. Честно говоря, лично я в подобный лунный календарь не очень верю, поэтому его не привожу. Лучше приведу недельный календарь планет, известный еще с глубокой древности:

Солнце — воскресенье, Луна — понедельник, Марс — вторник, Меркурий — среда, Юпитер — четверг, Венера — пятница, Сатурн — суббота.

В каждый из дней максимально активна функция, которая символизируется соответствующей планетой. В воскресенье жизненные силы организма активнее, чем в другие дни. В понедельник (Луна!) трудно собраться, сосредоточиться. В среду усиливается деятельность нервной системы, повышается восприимчивость, активизируется мышление. В четверг выше общительность, контактность. Пятница отличается эмоциональной активностью, более тонкой чувствительностью. В субботу понижается коммуникабельность, наблюдается психический спад, повышается сосредоточенность, идет накопление сил на новую неделю.

Но это все, разумеется, спорно. Определенно одно: ночью, когда человеку не спится и он задумчиво глядит на невозмутимую Луну, в его голову приходят, как правило, грустные или совсем печальные мысли. О смысле жизни. О бытии. О Боге. О смерти.

Впрочем, мы начали наш разговор со стихов, стихами его и закончим. Вот что писал Георгий Иванов:

Не спится мне. Зажечь свечу?
Да только спичек нет.
Весь мир молчит, и я молчу,
Гляжу на лунный свет.
И думаю: как много глаз
В такой же тишине,
В такой же тихий, ясный час
Устремлено к луне.
Как скучно ей, должно быть, плыть
Над головой у нас,
Чужие окна серебрить
И видеть столько глаз.
Сто лет вперед, сто лет назад,
А в мире все одно -
Собаки лают, да глядят
Мечтатели в окно.

В порядке переклички времени и мыслей приведем и начальные строки современного малоизвестного поэта Сергея Первова из его стихотворения «Луна»:

Висит она в чернильном мраке,
Блестит округло, как монета,

И воют на нее собаки,

И пишут про нее поэты…

Вот и я не удержался. Но хватит. Беседы с Луной и о Луне закончены. Занавешиваю окно. Автора ждут другие собеседники. Ставлю точку.

1987, 1997 гг.

Выборочные даты из календаря Луны

27 августа 413 года до н. э. — военачальник афинской армии Никий испугался затмения, что привело к гибели афинян. Армия, находящаяся в Сицилии, после боев с сиракузской армией была очень ослаблена, и Никий решил оставить остров ночью. Но Луну затмило в самый неподходящий момент, когда все было подготовлено для погрузки на корабль, и армия поддалась панике.

20 сентября 331 г. до н. э. — напротив, лунное затмение способствовало победе армии Александра Македонского над войсками Дария III.

В одну из январских ночей 1610 года Галилей направил на Луну только что изготовленный им телескоп. Впервые человек увидел лунный рельеф.

3 мая 1715 года, наблюдая в Париже лунное затмение, астроном Е. Лувилль заметил у западного края Луны «какие-то вспышки или мгновенное дрожание световых лучей, как если бы кто-то поджигал пороховые дорожки, с помощью которых взрывают мины замедленного действия…»

В ночь на 18 апреля 1787 года Уильям Гершель наблюдал около лунного кратера Аристарх красноватые пятна, светящиеся подобно «тлеющему углю, слегка присыпанному золой».

24 апреля 1874 года — астроном Праг наблюдал ослепительно яркий свет, медленно пересекающий диск Луны.

В ночь на 15 марта 1922 года Корней Чуковский записывает в дневнике: «…которую ночь не сплю. Луна…»

1938 год — Михаил Булгаков отрывается от рукописи романа «Мастер и Маргарита», подолгу стоит у окна, наблюдая за Луною — ночным светилом, светилом Воланда. «18 мая в 5 ч. утра, белая, уже ущербленная, беловатая, над Пречистинкой. В это время солнце уже золотит окна. Перламутровые облака над Арбатом…»

1959 год — первая автоматическая станция достигла Луны и сфотографировала невидимый с Земли «лунный затылок».

1966 год — создан искусственный спутник Луны.

1968 год — НАСА опубликовала сводку загадочных наблюдений о Луне в своем «Хронологическом каталоге сообщений о лунных событиях».

1968-1974 годы — первые полеты людей вокруг

Луны и на Луну.

Июль 1969-го — американские астронавты Армстронг и Олдрин вышли из посадочного модуля «Орел» на поверхность Луны. Из переговоров Армстронга с космическим центром в Хьюстоне:

Армстронг: Что это? В чем, черт возьми, дело? Я хотел бы знать правду, что это такое?

Хьюстон: Что происходит? Что-нибудь не в порядке?

Армстронг: Здесь находятся большие объекты, сэр! Огромные! О Боже! Здесь находятся другие космические корабли! Они стоят с другой стороны кратера! Находятся на Луне и наблюдают за нами!

Эти переговоры слышало немало американских радиолюбителей.

Декабрь 1969 года — Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР присудил Н. Козыреву диплом за открытие лунного вулканизма.

1970 год — автомат привез на Землю лунный грунт.

1970-1973 годы — по Луне ходили управляемые с Земли «луноходы».

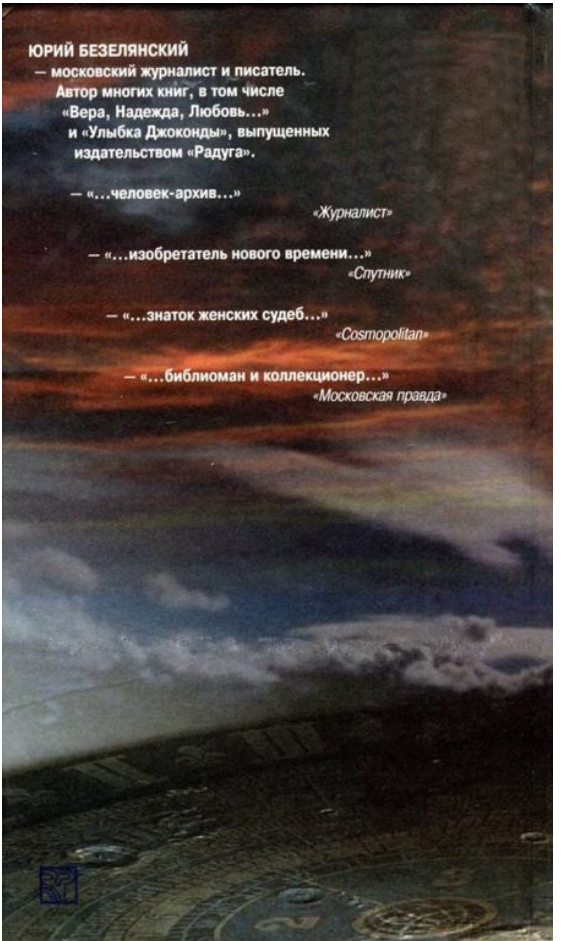
11 декабря 1972 года — на Луне побывали американские астронавты Сернетт и Шмитг.

2 ноября 1975 года — на рассвете в приморском городе Остин (Италия) нашли убитым 53-летнеш писателя, сценариста и кинорежиссера Пьера Паоло Пазолини. В 1995, в год 20-летия его трагической гибели, в Сант-Алессион на Сицилии был открыт памятник Пазолини в форме огромного полумесяца. Этот оригинальный монумент скульптор Нино Уккино создал из нержавеющей стали с использованием фрагментов цветной керамики и кусков лавы находящегося поблизости действующего вулкана Этна. «Идея создать памятник Пазолини в виде полумесяца родилась у меня во время чтения трагических, пронизанных болью стихов Мастера, в которых он воспевал лунный свет…»

6 января 1998 года на окололунную орбиту с целью изучения спутника Земли запущен американский космический корабль «Лунар проспектор». Помимо разнообразного научного оборудования, на корабле помещена и горсть пепла покойного американского планетолога Юджина Шумейкера, который консультировал в 60-е годы американских астронавтов перед их полетом на Луну и сам мечтал об участии в аналогичном полете. Но, увы… Шумейкер погиб в автомобильной катастрофе, а его прах… полетел

на Луну.

Американский корабль «Лунар» обнаружил на полюсах Луны огромные ледники толщиной 300 метров. Если есть ледник, то, значит, на Луне можно жить и пить! И недалек тот день… Короче, утопия вполне может стать реальностью…



ЮРИЙ БЕЗЕЛЯНСКИЙ
— московский журналист и писатель.
Автор многих книг, в том числе
«Вера, Надежда, Любовь...»
и «Улыбка Джоконды», выпущенных
издательством «Радуга».

— «...человек-архив...»
«Журналист»

— «...изобретатель нового времени...»
«Спутник»

— «...знаток женских судеб...»
«Cosmopolitan»

— «...библиоман и коллекционер...»
«Московская правда»

ЮРИЙ БЕЗЕЛЯНСКИЙ — московский журналист и писатель.

Автор многих книг, в том числе «Вера, Надежда, Любовь...» и «Улыбка Джоконды», выпущенных издательством «Радуга».

— «...человек-архив...»
«Журналист»
— ..... изобретатель нового времени...»
«Спутник»
— «...знаток женских судеб...»
«Cosmopolitan»
— «...библиоман и коллекционер...»
«Московская правда»